

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2022

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.411.2я73

А43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИСК
в рамках научного проекта № 20-512-23003*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» *Е.Н. Лагузова*;
д-р филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)» *Е.М. Маркова*;
д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и культуры речи
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина» *Н.Е. Петрова*

Авторы:

Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова,
И.В. Палоши, Л. Ясаи, И. Хегедюш

Редактор

д-р филол. наук, проф. *Т.Б. Радбиль*
(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

Активные процессы в русском языке новейшего периода : учеб. посо-
А 43 бие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Ку-
ликова, И.В. Палоши, Л. Ясаи, И. Хегедюш; под ред. Т.Б. Радбиля. — Москва :
ФЛИНТА, 2022. — 232 с.

ISBN 978-5-9765-4979-1

В учебном пособии «Активные процессы в русском языке новейшего периода», которое подготовлено в рамках совместного научного и образовательного проекта российских и венгерских ученых, представляющих соответственно ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) и Университет им. Л. Этвёша (Будапешт, Венгрия), на широком и разнообразном языковом материале описаны наиболее значимые активные процессы в лексике, словообразовании, морфологии и синтаксисе русского языка новейшего периода. Предложено концептуальное осмысление инновационных тенденций в современном русском языке как определенных форматов знания о действительности в условиях новых коммуникативных потребностей с позиций востребованных в современной междисциплинарной парадигме гуманитарного знания лингвокогнитивного и лингвопрагматического подходов. Каждый из разделов учебного пособия сопровождается списком литературы и системой вопросов и заданий.

Для магистрантов, аспирантов и преподавателей русского языка как родного и как иностранного в высшей школе в России и за рубежом, учителей средней школы и работников культурно-просветительских организаций, а также для всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.411.2я73

ISBN 978-5-9765-4979-1

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «ФЛИНТА», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения как на всех уровнях языковой системы, так и в ее речевой реализации в дискурсах разного типа. Необходимость изучения, интерпретации и оценки активных процессов в русском языке новейшего периода, в том числе при обучении русскому языку как родному и как иностранному, представляется самоочевидной.

Предлагаемое учебное пособие **«Активные процессы в русском языке новейшего периода»** обобщает результаты осуществленного российскими и венгерскими учеными совместного международного исследовательского и образовательного проекта 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике», поддержанного федеральным государственным бюджетным учреждением «Российский фонд фундаментальных исследований» и фондом «За русский язык и культуру» в Венгрии. Руководитель проекта — Т.Б. Радбиль (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия). Соруководитель проекта с венгерской стороны — И.В. Палоши (Университет им. Л. Этвёша, г. Будапешт, Венгрия). Участники проекта с российской стороны — Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия), В.А. Куликова (НИУ «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия). Участники проекта с венгерской стороны — Л. Ясаи, И. Хегедюш (Университет им. Л. Этвёша, г. Будапешт, Венгрия).

Своеобразие предлагаемого учебного пособия заключается в том, что лежащая в его основе образовательная модель формируется в поле взаимодействия российской и венгерской научных традиций в русистике нового времени, своего рода «встрече»

взгляда на русский язык изнутри и со стороны, что открывает новые возможности в изучении столь непростого для анализа объекта, как активные процессы в русском языке.

Активные процессы в русском языке новейшего периода освещаются в учебном пособии с позиций востребованного в современной междисциплинарной парадигме гуманитарного знания антропоцентрического подхода. Реализуется модель комплексного описания активных процессов в современном русском языке, охватывающая разные уровни языковой системы и ее дискурсивной реализации, с точки зрения органичного взаимопересечения в них тенденции к интернационализации и стремления к сохранению традиционных национально-культурных способов языковой концептуализации мира. Предложено концептуальное осмысление инновационных тенденций в современном русском языке как определенных форматов знания о действительности в условиях новых коммуникативных потребностей. Даются лингвокультурологическая, прагмалингвистическая и социолингвистическая интерпретации активных процессов.

Композиция учебного пособия строится на поуровневом подходе к анализу языковых фактов. Пособие содержит введение, четыре главы и заключение. Каждый из разделов сопровождается списком литературы и системой вопросов и заданий.

Во **Введении** обосновываются основная проблематика учебного пособия и его концепция.

В главе 1 **«Активные процессы в лексике и фразеологии»** рассматриваются основные термины и понятия в изучении активных процессов в лексике и фразеологии, сами активные процессы в лексико-семантической сфере и в области фразеологии, освещаются лингвостилистический и лингвопрагматический аспекты активных процессов в русском языке новейшего периода, в том числе в свете «языковой игры», а также анализируются рефлекс культурной апроприации заимствований на лексико-семантическом уровне.

В главе 2 **«Активные процессы в словообразовании»** рассматриваются основные термины и понятия в изучении

активных процессов в словообразовании, дается анализ узуальных и неuzuальных способов словообразования в неоде- ривации, а также характеризуются явления культурной апропри- ации заимствований на словообразовательном уровне.

В главе 3 **«Активные процессы в морфологии»** рас- ссматриваются основные термины и понятия в изучении активных процессов в морфологии, обсуждается проблема диалектического противостояния тенденций к аналитизму и синтетизму в активных процессах в грамматике русского языка новейшего периода, анализируются активные процессы в функ- ционировании отдельных морфологических категорий, освеща- ются признаки культурной апроприации заимствований на мор- фологическом уровне.

В главе 4 **«Активные процессы в синтаксисе»** рас- ссматриваются основные термины и понятия в изучении активных процессов в синтаксисе, дается характеристика активных процессов в синтаксической организации речи и в ее пунктуационном оформлении на материале языка современного русскоязычного интернета.

В завершающем разделе под названием **«Вместо заклю- чения: о лингвокреативности активных процессов в русском языке новейшего периода»** подводятся итоги рассмотрения освещенных в учебном пособии тем и обсуждаются возможные пути развития русского языка.

В целом материал учебного пособия подтверждает идеи Н.С. Валгиной о том, что для выявления механизмов и тенден- ций развития языковой системы важно наблюдать языковые процессы, происходящие в периоды наиболее интенсивного изменения языкового окружения, в частности социальных (по- литических, культурных и т.п.) условий. Наблюдения за измене- ниями в языковой системе позволяют сделать выводы и об об- щезыковых тенденциях.

Учебное пособие **«Активные процессы в русском языке новейшего периода»** прежде всего предназначено для студен- тов, магистрантов, аспирантов и преподавателей русского языка

как родного и как иностранного в высшей школе в России и за рубежом. Но оно, вне всякого сомнения, также может быть востребовано филологическим научным сообществом, преподавателями других гуманитарных вузов различного профиля, учителями средней школы и работниками культурно-просветительских организаций, историками, культурологами, философами, журналистами, а также всеми, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Активные процессы в языке как воплощение динамики развития разных коммуникативных систем в современной русской речевой практике являются наиболее надежным средством диагностики социальных, политических, культурных процессов, происходящих в современном российском обществе. Поэтому проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется крайне востребованной.

Н.С. Валгина пишет, что, обслуживая общество в качестве средства общения, язык постоянно претерпевает изменения, все более и более накапливая свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. Для живого языка этот процесс естествен и закономерен. Однако степень интенсивности этого процесса может быть различной. И тому есть объективная причина: само общество — носитель и творец языка — по-разному переживает разные периоды своего существования. В периоды резкой ломки устоявшихся стереотипов усиливаются и процессы языковых преобразований. Так было в начале XX в., когда резко изменилась экономическая, политическая и социальная структура российского общества. Под воздействием этих перемен меняется, правда, более медленно, и психологический тип представителя нового общества, что также приобретает характер объективного фактора, влияющего на процессы в языке. Современная эпоха актуализировала многие процессы в языке, которые в других условиях могли бы быть менее заметными, более сглаженными. Под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и опять-таки по социально-политическим причинам. Так, например, обнаружались семантические и семантико-стилистические

преобразования во многих лексических пластах русского языка, в грамматических формах и т.п. [Валгина 2001].

Активные процессы в современном русском языке нашего времени отражают своего рода «лингвистический портрет» современного общества, в них воплощена идеология, система ценностей и предпочтений современного человека, его общий уровень образованности и культуры в условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно меняющейся социокультурной среды. Крайнее разнообразие областей языковой, речевой и текстовой актуализации активных процессов обусловило необходимость своего рода «фронтального» изучения новых явлений в русском языке новейшего периода. Знание этих процессов, умение видеть их в массиве текстов в наше время являются насущной необходимостью для всех, кто изучает русский язык, в том числе — и русский язык как иностранный. Именно это и является главной задачей предлагаемого пособия.

По словам Н.С. Валгиной, языковые изменения осуществляются при взаимодействии причин внешнего и внутреннего порядка. Причем основа для изменений заложена в самом языке, где действуют внутренние закономерности, причина которых, их движущая сила, заключена в системности языка. Но своеобразным стимулятором (или, наоборот, «тушителем») этих изменений является фактор внешнего характера — процессы в жизни общества. Язык и общество как пользователь языка неразрывно связаны, но при этом они имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения. Жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности. Так в языковом движении сталкиваются процессы саморазвития с процессами, стимулированными извне [Валгина 2001].

Итак, активные процессы в русском языке нашего времени представляют собой обширную область взаимопересечения тенденции к интернационализации и стремления к сохранению традиционных национально-культурных способов языковой концептуализации мира, что проявляется в обширном и разно-

образном массиве языковых фактов, охватывающем разные уровни языковой системы и ее речевой реализации [Социокультурные и прагматические аспекты 2018].

На новом уровне понимания того, что происходит сегодня с русским языком, необходимо не просто констатировать и диагностировать наличие определенных инновационных явлений в области лексики, фразеологии, словообразования, грамматики, стилистики и пр., но выявить стоящие за активными процессами в современном русском языке форматы знания, ценностные приоритеты и модели коммуникации носителей языка, механизмы лингвокреативности, игровые и манипулятивные речевые стратегии и тактики, т.е. установить по специфике использования языка в современном мире, как сегодня меняются национально-специфичные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира» [Лингвокогнитивные аспекты 2020].

Изучая активные процессы в русском языке сегодня, мы должны определить, в какой мере новые явления в современной русской речевой практике соответствуют тенденциям к глобализации и интернационализации языковых, культурных и коммуникативных «привычек» носителей русского языка, отражают влияние «западных образцов», инокультурных норм речевого и невербального поведения, а в какой мере активные процессы в языке все же соответствуют национально-обусловленным способам языковой концептуализации мира, закрепленным в опыте тысячелетий психологической и культурной интроспекции носителей языка.

Никакой самый подробный учебник не в силах охватить то качественное разнообразие и количественное изобилие активных процессов в новейшей русской речи. Поэтому составители учебника решили остановиться на самых, на их взгляд, узловых темах и насущных проблемах в области языковых инноваций. Мы попытались прежде всего дать некий общий «лингвокуль-

турологический взгляд» на инновационные тенденции в русском языке сегодня. Нам важно не просто констатировать некие явления, но и объяснить их суть. Так, красной нитью через все уровни языка и все соответствующие им разделы ученика проходит интерпретация процессов так называемой культурной апроприации заимствований [Радбиль 2017], т.е. особенностей освоения иноязычных элементов в речевой практике современных носителей языка через призму исконно русского способа смотреть на мир посредством Слова. В этой связи самое пристальное внимание уделяется оценке своеобразия взаимодействия интернационализации и идиоэтничности на разных уровнях языковой системы и в разнообразных моделях ее речевой реализации. Не остаются в стороне и вопросы языкового и речевого своеобразия жизни русского языка в условиях новых коммуникативных потребностей, особенно в эпоху пандемии коронавируса.

Таким образом, в предлагаемом вашему вниманию учебном пособии освещаются процессы неологизации в лексике и фразеологии современного русского языка, рассматривается источник и характер новых явлений в лексике и фразеологии, а также определенных процессов в лингвостилистической и лингвопрагматической области. Мы показываем специфику и собственно семантических процессов в области лексики (сужение и расширение, контекстуальные преобразования, метафоризация и метонимизация и пр.). Также многие инновационные явления в лексике, фразеологии и стилистике рассматриваются через призму означенной выше тенденции к «культурной апроприации заимствований» в русском языке наших дней. В сферу нашего интереса попадают и явления «языковой игры» и шире — проявления рефлексов лингвокреативности.

Одной из наиболее значимых «точек роста новых явлений» [Апресян 1995] в русском языке как языке сильно флективного типа было, есть и будет словообразование. Это обусловило включение в учебные материалы отдельного раздела,

посвященного активным процессам в современном русском неологическом словообразовании, прежде всего — в словообразовании окказиональном. Мы рассматриваем своеобразие взаимодействия интернационализации и идиотничности в процессах неологического словообразования. Особый интерес в этой области вызывают явления экспрессивной деривации и «языковой игры», в том числе связанные с некооперативным, конфликтогенным использованием языка в аспекте проблемы «вербальной агрессии» и языкового манипулирования. Также в этом разделе будет показано и отражение особенностей «культурной апроприации заимствований» на уровне словообразования.

Активные процессы в русском языке также не могли не затронуть и грамматическую сферу, что потребовало от нас в качестве еще одного отдельного раздела включить в наш учебник материал по новым явлениям в области морфологии и синтаксиса. Прежде всего в сферу нашего внимания попадает своеобразие взаимодействия тенденций к аналитизму и синтетизму в русской грамматике новейшего времени, перестройка отдельных участков синтаксической системы в языке интернета и под. Не менее интересны и эффекты отражения в грамматике новейшего русского языка явлений «культурной апроприации заимствований».

Как уже было сказано ранее, активные процессы охватывают все сферы функционирования русского языка новейшего периода. Но в нашем учебном пособии особый акцент делается на двух наиболее динамичных разновидностях современных дискурсивных практик — это дискурс СМИ и среда интернет-коммуникации — главным образом неформальной. Данный выбор представляется вполне логичным и очевидным, он обусловлен следующими соображениями.

Язык СМИ, особенно в его интернет-версии, представляет собой своего рода «лабораторию инноваций» русского языка в его письменной разновидности, где создаются, апробируются

и транслируются разнообразные форматы неологизации и модели языковой выразительности, где русский язык как бы проверяется на прочность и демонстрирует свой лингвокреативный потенциал. Сегодня дискурс массмедиа выступает как мощный инструмент даже не столько отражения, сколько непосредственного формирования «ценностной модели мира» в обществе, используя разнообразные средства языкового воздействия, в том числе манипулятивного типа [Русский язык 2014].

Своеобразие функционирования современного русского языка новейшего периода во многом связано и с тем, что источники и факторы языкового обновления, ранее присущие прежде всего устной, разговорной форме языка, сегодня перемещаются в интернет-среду. Дискурс неформальной интернет-коммуникации интересен прежде всего своей динамичностью и интерактивностью, способностью мгновенно реагировать на изменения в социокультурном пространстве, нередко формируя при этом и новые форматы знаний о мире и модели ценностей носителей русского языка, их новые речеповеденческие стереотипы и мотивационно-прагматические установки, стоящие за особенностями дискурсивной реализации единиц и категорий русского языка [Русский язык 2021].

В целом надеемся, что наш учебник достойно представит существенное качественное разнообразие и широкую репрезентативность активных процессов, пронизывающих самые разные тематические области употребления русского языка, сферы его функционирования и многообразные речевые практики всех тех, кто говорит на русском языке в России и за ее пределами. Мы стремились еще раз продемонстрировать удивительную жизнестойкость русского языка как носителя и выразителя богатой русской культуры. Русский язык сегодня вовсе не отстает под наплывом массива иноязычных заимствований и инокультурных влияний, а напротив, осваивая чужое и делая его своим, только становится богаче и выразительнее, раздвигая границы своих и без того немалых возможностей в концептуализации непростого мира, в котором мы живем.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- 1. Как вы понимаете терминосочетание «активные процессы»? Какие синонимические термины или терминосочетания вы могли бы подобрать к нему?*
- 2. Прокомментируйте высказывание Н.С. Валгиной: «Под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и опять-таки по социально-политическим причинам». В качестве аргументации приведите свои примеры новых явлений на разных уровнях языка.*
- 3. По результатам собственного интернет-мониторинга приведите свои примеры, доказывающие действие тенденции к интернационализации в русском языке интернета: (а) в области заимствований, транслитерированных кириллицей и переведенных номинаций; (б) в области использования исконно русских элементов по иноязычным и/или инокультурным моделям.*
- 4. Докажите на своих примерах (из области лексики и грамматики) наличие внедрения особенностей устной речи в условно письменную речь русского интернета.*

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
3. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: колл. монография / Е.М. Маркова, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Л.И. Ручина, и др.; под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 248 с.

4. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107—115.
5. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Е.А. Жданова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2021. 328 с.
6. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
7. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

1.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в лексике и фразеологии

Лексикология — наука, изучающая лексическую систему языка, т.е. словарный состав языка в его определенной системной организации. К ней примыкает *фразеология*, в которой рассматриваются лексически неделимые словосочетания, устойчивые и несвободные сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде — т.е. ведущие себя как слова (ср. *бить баклуши* = *бездельничать*).

Слова в лексике организованы не как в словаре, где они расположены по алфавитному порядку. Они организованы системно, т.е. вступают друг с другом в связи и отношения. Лексика построена по полювому принципу, причем поля пересекаются, накладываются друг на друга и вступают в сложные иерархические и смысловые отношения. В центре лексической системы, да и всего языка в целом, стоит слово. Слово в лексике — это *лексема*. *Лексема* — это слово, за которым закреплен определенный набор лексических значений, объединяющий всю совокупность словоформ. Все слова русского языка входят в его лексическую систему, и нет таких слов, которые находились бы вне ее, воспринимались отдельно, изолированно. Лексема является основной единицей лексики. Это — знаковая единица (наряду с фразеологизмом); ее можно назвать и номинативной единицей. Есть и другие, незнаковые единицы: (1) представляющие собой одну из сторон знака (внутрисловные). Отдельное значение полисеманта называется *лексико-семантическим*

вариантом, или *семемой*. Отдельное значение слова разлагается на мельчайшие элементы смысла — *семантические компоненты*, или *семы*; (2) представляющие из себя, напротив, интеграцию знаков: *синонимический ряд* — разные наименования одного и того же предмета; *антонимическая пара* — противопоставленная по семантике пара слов; *лексико-семантическая группа* (ЛСГ) — слова, объединенные по общей родовой семе и различающиеся по видовой: группа “водоем” — *река, озеро, канал* и т.д.; *лексико-семантическое поле* — объединение сходных ЛСГ разных частей речи по предельно общей семе: в поле ЦВЕТ войдет не только ЛСГ прилагательных цветообозначения, но и глаголы типа *синеть*, и существительные — *синева*, и наречия — *черно*.

Со стороны плана содержания лексемы характеризуются *лексическим значением*. Лексическим значением слова называется закрепленная в сознании говорящих соотношенность звукового комплекса языковой единицы с тем или иным явлением действительности. Лексические значения слов содержат в себе как отражение предметов, свойств, явлений и процессов окружающей действительности, так и выражение разнообразных отношений к ним со стороны говорящего (соответственно предметные и не предметные компоненты семантики слова).

Одним из важнейших не предметных компонентов семантики слова является *оценка*. Оценка может быть разной и проявляться по-разному в языке. Слова могут представлять собой названия явлений как хорошего и плохого с общепризнанной в данном языковом коллективе точки зрения: *добро* — *зло*; *хороший* — *плохой*; *человечный* — *жестокый*; *альtruист* — *эгоист*; *герой* — *трус* и т.п. В этом случае оценка, можно сказать, исчерпывается лексическим значением слова. Однако чаще всего оценочность у слова возникает и типизируется в контексте вследствие того, что слово начинает регулярно употребляться в контекстах положительного или отрицательного характера. Тогда мы имеем дело с *коннотацией* — закрепленным за словом не предметным оттенком смысла в речевой практике общества.

Так, слегка негативный оттенок смысла в сознании носителей русского языка, возникающий при употреблении слов *потребитель*, *собственник*, *бизнесмен* и пр., никаким образом не входит в толкование семантики данных слов, но имеет место именно как созначение, коннотация, связанная с отношением к самим явлениям, стоящим за этим словами.

Коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка. Коннотация предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества. Коннотация слова отражает такой признак обозначаемого им объекта, который, хотя и не составляет необходимого условия для применения данного слова, но устойчиво связан с обозначаемым объектом в сознании носителей языка. Коннотации воплощают принятую в данном языковом коллективе и закрепленную в культуре данного общества оценку обозначаемого словом предмета или факта действительности и отражают культурные традиции. Так, хитрость и коварство являются постоянными характеристиками лисы как персонажа сказок о животных в фольклоре многих народов. Коннотации являются разновидностью связанной со словом так называемой *прагматической информации*, поскольку отражают не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определенный взгляд на них. В отличие от других видов прагматической информации, это отношение и взгляд принадлежат говорящему не как отдельной личности, а как представителю языкового сообщества.

Наряду со словосочетаниями, которые возникают в речи по сложившимся в языке грамматическим правилам сочетаемости и состоят из слов, диктуемых логикой мысли, существуют словосочетания, которые являются целостными единицами обозначения чего-либо и не создаются, а воспроизводятся в речи целиком. Такие целостные воспроизводимые сочетания слов относят к *фразеологии*, а сами сочетания называют *фразеологизмами*

(фразеологическими единицами, фразеологическими оборотами и т.д.). Фразеологизм — лексически неразложимое идиоматичное сочетание слов, которому присущи особое экспрессивно-образное значение, регулярная воспроизводимость компонентного состава, единая частеречная принадлежность и наличие одной синтаксической позиции. Фразеологизмы семантически неделимы, они имеют обычно нерасчлененное значение, которое можно выразить одним словом: *раскинуть умом* — ‘подумать’, *пятое колесо в телеге* — ‘лишний’, *вверх тормашками* — ‘навзничь’, *кот заплакал* — ‘мало’ и т.д. Значение фразеологизма типологически схоже с лексическим значением слова, но имеет одну важную особенность: оно цельное, обобщенное, образно-экспрессивное и выполняет функцию не прямой номинации, но квалификации, характеристики, так как для исходной номинации обозначаемого понятия в языке, как правило, уже имеется обычное слово (*далеко* = *куда Макар телят не гонял*). Фразеологическое значение выражает традиционно закрепленную в культуре этноса точку зрения на обозначаемое явление, отношение к нему. Употребление фразеологизмов придает речи живость и образность.

Лексика, лексический фонд языка, включающий и фразеологию в качестве отдельной подсистемы, как составная часть единой языковой системы существенно отличается от других сторон языка — фонетического строя, морфологии, синтаксиса. Это отличие состоит в непосредственной обращенности к действительности. Поэтому именно в лексике прежде всего отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Язык находится в постоянном движении, его эволюция тесно связана с историей и культурой народа. Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в способы выражения этого осмысления средствами языка. И прежде всего такими средствами оказываются новые слова, новые значения слов, новые оценки того значения, которое заключено в известных словах.

Очевидно, что проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется чрезвычайно актуальной. Однако лингвистическое осмысление новой реальности в науке о языке будет неполным без учета того, как означенное осмысление новой реальности осуществляет сам язык, точнее, люди, говорящие на языке. В свое время А.Д. Шмелев проницательно заметил, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [Шмелев 2011: 93]. Сегодня буквально на наших глазах русское языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились новыми словами и выражениями, за которыми явно стоят новые форматы знаний об изменившейся реальности, новые когнитивные модели и концепции, а также новые психологические паттерны словесных реакций на чреватую опасностями окружающую среду.

Язык в настоящее время получил мощный стимул для своего развития. И наиболее заметными и яркими оказались процессы в лексике и фразеологии, т.е. в том ярусе языковой системы, который всегда «находился на переднем крае», где новое оказывалось мгновенным откликом на процессы, протекающие в жизни самого общества. Для лексики это уход из употребления устаревших или устаревающих слов, выражающих неактуальные для сегодняшнего дня понятия; это появление новых слов, понятийно актуальных, ранее отсутствовавших в языке; это возвращение к жизни прежде неактуальных лексем; это коннотативно-оценочные преобразования, т.е. переоценка ряда слов; это иноязычные заимствования и «внутренние» заимствования из сфер жаргонной лексики и лексики социально или профессионально ограниченного использования. Для фразеологии это расширение состава фразеологизма за счет включения нового элемента; редукция (сокращение) состава фразеологизма; субституция (замена) одного компонента фразеологизма на дру-

гой; метатеза (перестановка) компонентов фразеологизма; контаминация нескольких фразеологизмов в один; буквализация (дефразеологизация) фразеологизма как разрушение его образной основы; актуализация внутренней формы фразеологизма; переосмысление фразеологизма; образование новых устойчивых сочетаний как клише эпохи.

1.2. Активные процессы в лексико-семантической сфере

Мы условно выделяем две группы новых явлений в лексико-семантической сфере языка, памятуя о том, что реально процессы, происходящие на разных уровнях языка, взаимосвязаны и представляют собой зону синкретизма. Это собственно семантические и собственно лексические инновации.

Собственно семантические инновации заключаются в том, что исконные или заимствованные в предыдущие периоды развития языка лексемы приобретают новые значения и коннотации и/или расширяют сферу употребления за счет контекстов, в которых ранее они были невозможны.

К явлениям этого рода относятся случаи семантического расширения значений общеязыковых лексических единиц, которые в жаргоне пользователей сети или компьютерщиков приобретают новые значения. При этом данные единицы становятся своего рода «нормой» в языке сети, элементами ее узуса, т.е. характеризуются конвенциональностью и определенной контекстной независимостью, что позволяет им даже подвергаться своего рода кодификации в разнообразных оффлайновых и онлайн-словарях компьютерного жаргона [Воройский 2006]. Ср., например, следующие новые значения у стандартных общеязыковых лексем:

Мозги — процессор: *Мозги для компьютера — объявление о продаже в Москве. Цена: 5000 руб., дата размещения:*

25.05.2019 (<https://youla.ru/moskva/kompyutery/monitory/mozgghilia-kompiutiera-5bc1a324a380b6a0f704526f>);

Кишки — (1) внутреннее устройство операционной системы; (2) внутреннее устройство системного блока: *У компьютера есть свой «позвоночник» (backbone — ‘a high-speed line or series of connections that forms a major path within a network’), который образует основной путь в сети, есть кишки, т.е. ‘внутреннее устройство’, есть свой мозг (‘оперативная память компьютера’)* (<https://libr.msu.by/bitstream/123456789/328/1/77m.pdf>);

Мать (мама) — материнская плата: *Как определить, что за мать на компе?* (<https://otvet.mail.ru/question/46706500>); *Охлаждаем процессор, разбираемся в писках «мамы», снижаем шум компа, определяем полярность колонок* (https://www.igromania.ru/article/2529/Ohlazhdaem_processor_razbiraemsvya_v_piskah_mamy_snizhaem_shum_kompa_opredelyaem_polyarno_st_kolonok.html);

Камень — центральный процессор: *Фух, запырял комп родимый, наконец, адекватного размера монитор, камень, клавиша* (<https://dnevnik.ykt.ru/GORICK/630315>);

Железо — hardware, начинка, которая находится внутри системного блока, в противоположность software, программному обеспечению: *Как узнать характеристики «железа» компьютера или ноутбука, не разбирая его* (<http://pk-help.com/workstation/comp-hard>).

К явлениям этого рода относятся случаи семантического сдвига значения общеязыковых лексических единиц в контекстах нестандартной сочетаемости, которые в жаргоне пользователей сети или компьютерщиков приобретают новые неузусальные значения. Подобные приращения смысла являются индивидуально-авторскими и обладают существенной контекстной обусловленностью (и соответственно не фиксируются в разнообразных словарях компьютерного жаргона).

В этом смысле интересны глагольные лексемы с семантикой ‘умереть’ — *умереть, сдохнуть, скончаться* и т.п., в контексте приобретающие значение ‘перестать функционировать

(для устройства, механизма, программного обеспечения, сайта и пр.)’:

Умереть: *В Екатеринбурге «умер» сайт ЕРЦ: куда сдавать показания счетчиков?* (https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66171817.html); *Приветствую. Умер компьютер после обновления. Восстановление не помогает, выкидывает* (https://answers.microsoft.com/ru-ru/windows/windows_10-update);

Сдохнуть: *У меня теперь и новый есть, и старый хорошо работает. Компьютеров много не бывает. Сдох ваш компьютер как? Что произошло?* (<https://render.ru/xen/threads/sдох-kompjuter.176609/>);

Скончаться: *Официальный сайт горсовета скончался* (<https://yandex.ru/news/story/>).

Интересны случаи, так сказать, множественной семантической деривации, когда сначала лексемы на базе глагола *висеть* (*виснуть, зависнуть, подвиснуть* и под.) в речи компьютерщиков и пользователей сети приобрели семантику ‘прекратить работу, перестать реагировать на внешние раздражители, попасть в неотвечающее состояние (для компьютерного устройства, мобильного телефона и под.)’, а потом, уже более двадцати лет назад, эти слова стали расширять свою сферу применения посредством метафорического эмоционально-экспрессивного обозначения разнообразных состояний человека:

Иногда человек «зависает». Ну знаете, как у компьютера бывает — пауза на несколько секунд, и ни на что не реагирует? вот так же (<https://pikabu.ru/story/>).

Здесь это слово обозначает состояние человека, от неожиданности, усталости, болезни или иных причин переставшего реагировать на внешние раздражители.

Инновациями аномального толка все указанные случаи могут считаться лишь на фоне точки отсчета — современного русского литературного языка; для самой языковой среды пользователей интернета эти явления являются обычными номинативными единицами. Также отметим, что они обладают повышенной экс-

прессией и значительной семантической емкостью — попробуем заменить в данном контексте слова *умереть* или *зависать* на обычные номинативные единицы русского языка.

Иногда даже создается впечатление, что люди среднего или старшего поколения и люди поколения социальных сетей говорят на разных языках, используя одни и те же слова. Вот пример из анекдота: *А у меня вчера мама сдохла... Мозги выдрал и себе оставил, а кишки продам или выкину* — это в принципе нормальная фраза, не вызывающая никаких эмоций у компьютерщика, но несколько жутковато звучащая для носителя языка вне новейшего «узуса».

В таких случаях мы условно можем говорить о **явлениях «новой полисемии»** и **«новой омонимии»**, что ярко демонстрирует, к примеру, новая лексика русского языка, возникавшая в эпоху коронавируса.

Явления «новой полисемии» можно показать на примере такой инновации, которой является семантический сдвиг в современном употреблении лексемы *самоизоляция*. Итак, лексема *самоизоляция*, пусть и не отражаясь в основных русских толковых словарях, все же присутствовала в русской речи как минимум начиная с 1930—1940-х годов, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) — пришло мне от скуки в голову испробовать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции (Р.В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки, 1934—1944).

Исходная семантика слова *самоизоляция* опирается на значение префиксоида *само-*, которое в БАС определяется как «1. направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя, напр.: *самоанализ, самобичевание, самоконтроль, самолюбие* и т.п.» [БАС 1962], и на словообразовательное значение самой деривационной модели подчинительного словосложения с этим префиксоидом, которое характеризуется

в «Русской грамматике» (1980) как субстантивная номинация действия, направленного на того, кто его производит [Русская грамматика 1980: 242].

С лингвокогнитивной точки зрения мы можем видеть здесь следующую концептуальную схему, или когнитивную модель ситуации, по Г.И. Кустовой [Кустова 2004], стоящую за данным словом в его первоначальном значении: ‘субъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя’ (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо / кого-либо). Указанная концептуальная схема реализуется в двух типах употребления лексемы **самоизоляция**: (1) индивидуально-личностный, в двух разновидностях — физическое самоограничение на передвижения в пространстве и психологическое самоограничение на общение с людьми, самоотстранение личности от внешнего мира; (2) социально-политический — установка на проведение политики изоляционизма со стороны государства или другого масштабного социального института (партии, общественного движения, этнической группы и пр.). Важно, что эти два языковых представления когнитивной модели ситуации ‘самоизоляция’ предполагают наличие обязательной импликации добровольности: субъект действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997], «по доброй воле».

«Новое рождение» слова **самоизоляция** в эпоху коронавируса в образе словообразовательной полукальки с английского **self-isolation**, для которого, по данным сетевого проекта о русском языке «Бюро Марины Королевой», мы даже можем зафиксировать точную дату появления в новостных материалах — 8 марта 2020 г. (<https://www.facebook.com/marina.koroleva.org>), на уровне декларируемой сверху семантики вроде бы эту импликацию добровольности сохраняет, судя по его толкованию в том же интернет-источнике: ‘добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’ (<https://www.facebook.com/marina.koroleva.org>).

Однако специфика дискурсивной реализации слова **самоизоляция** обнаруживает определенный конфликт с этой навязываемой сверху семантикой — как раз по линии наличия семы ‘добровольность’. Возникает внутренняя противоречивость в рецепции данного слова в дискурсе, которая проявляется в возникновении коллокаций — устойчивых и воспроизводимых выражений, в которых идея добровольности элиминируется из естественно-языкового значения слова **самоизоляция**.

Данная сема в ряде контекстов может даже эксплицироваться:

С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать (<https://www.business-gazeta.ru/article/63398>).

Сема ‘принудительность’ в разных вариантах представлена и в свободных сочетаниях с лексемой **самоизоляция**:

Вынужденная самоизоляция в очередной раз показала, что практически все можно делать онлайн (<https://style.rbc.ru/impressions/>).

Внутренняя противоречивость контекстов типа **принудительная / вынужденная самоизоляция** легко обнаруживается посредством простейшего логического анализа — методом подстановки эксплицированного толкования вместо интересующей нас лексемы: ‘принудительная (вынужденная) добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’. Таким образом, мы видим, как в речевых практиках современных носителей языка регулярно воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом. С лингвокогнитивной точки зрения эту ситуацию можно трактовать в духе своего рода «языкового сопротивления», когда язык обнаруживает некую неправильность в новой реальности, фиксирует ненормальное, алогичное сложившееся положение дел в мире.

Явления «новой омонимии» можно проиллюстрировать на образовании в неформальной коммуникации слова *корона* как своего рода неофициального варианта лексемы *коронавирус*. Словоупотребление *корона* образуется в результате усечения сложного слова *коронавирус* (которое и само, впрочем, также является неологизмом нашего времени). В речевой практике носителей языка образование *корона*, несомненно, осознается как неологическое, не до конца освоенное на концептуальном уровне, поэтому в большинстве случаев пишется в кавычках (но со строчной буквы как признак нарицательности):

Новые ограничительные меры: узнаем, где снова свирепствует «корона» (<http://www.medargo.ru/news.php?id=11467>).

В использовании этого семантического неологизма наше внимание привлекает один любопытный когнитивный эффект. В отличие от официального, грозно звучащего *коронавирус*, его неформальный сокращенный вариант «*корона*» звучит уже не так грозно, потому что не воспринимается отстраненно, но даже приобретает некоторую свойскость:

«Корона» нипочем. «Партизан» и «Црвена Звезда» в полуфинале Кубка Сербии собрали полные трибуны (<https://football.by/news/140628.html>);

Названа группа людей, которая с рождения защищена от COVID-19. Кому же сегодня не страшна «корона»? (<https://tsargrad.tv/news/>).

Мы видим, что «*корона*», в силу своей узнаваемости, «знакомости», в меньшей степени воспринимается как непосредственная угроза. Здесь работает когнитивный механизм «магии слова», когда, чтобы отвести беду, люди переименовывают само явление, несущее тревогу, как бы «смягчают» номинацию [Русский язык 2014 и др.]

Подобные эффекты, вслед за А. Вежбицкой, можно рассматривать как установку на эмпатию (личностную вовлеченность говорящего в номинацию события) [Вежбицкая 1997]. Это важнейшая национально обусловленная черта русского дискурса, которая и в непростых условиях пандемии COVID-19 помога-

ет людям как бы сгладить негативные впечатления от грозящей им опасности, психологически адаптироваться к изменившимся условиям существования.

Явления неузального изменения объема семантики можно продемонстрировать на контекстном, речевом сужении значения слова *вирус*. Подобная модель семантического сужения когда-то, в советскую эпоху, была характерна для употребления, например, слова *партия*, которое означало вовсе не любую партию как нарицательное наименование, а конкретно — КПСС, единственно существующую партию в Советском Союзе. Во многих контекстах точно так же сегодня употребляется слово *вирус* — в значении ‘конкретный вид вируса, коронавирус, COVID-19’. При этом, по законам концептуальной метафоризации мифологического типа, обозначаемое этим словом явление предстает как одушевленное сверхъестественное существо (злой дух):

Вирус не ослабляет «мёртвую хватку»: третья волна свирепствует в Иране (<https://eadaily.com/ru/news/2020/11/26/>); *Вирус боится практически всех дезинфекторов — хлорки, спирта, водки, перекиси водорода* (<https://rg.ru/2020/04/07/>).

С лингвокогнитивной точки зрения подобные смысловые преобразования обычно свидетельствуют о ментальной и ценностной значимости обозначаемого явления для говорящих, его особой когнитивной выделенности в их картине мира. Язык таким употреблением словно утверждает, что есть только один вирус в мире, сегодня заслуживающий внимания и постоянно занимающий мысли его носителей. Такова форма своего рода защитной реакции речевой практики на опасность — точно в таких же целях на трансформаторных будках обычно рисуют что-то вроде черепа с костями, сигнализируя: «Не влезай — убьёт!».

Нетрудно видеть, что подобное сужение имеет исключительно речевой, контекстуальный характер и обусловлено исключительно прагматическими факторами — тематикой сообщения, речевой ситуацией и обстоятельствами речи в целом, интенцией говорящего и возникшей буквально на наших глазах конвенцией

в узусе по умолчанию понимать употребление слова в соответствующих условиях речи именно в таком, суженном плане.

Похожие явления сужения наблюдаем, например, в контекстах, отражающих речевое взаимодействие в компьютерной сфере — там (тоже по умолчанию) *вирус* означает ‘компьютерный вирус’:

Как вирусы попадают на «Андроид» и как их удалять (<https://www.samsung.com/ru/support/mobile-devices/>).

В нейтральных, «некоронавирусных» или «некомпьютерных», контекстах такого сужения не происходит, и слово *вирус* обозначает то, что оно значит и в языке — любой вид вируса:

А между тем другие болезнетворные организмы — грибки, вирусы и паразиты — тоже вырабатывали устойчивость к лекарствам, причем почти с такой же скоростью, с какой мы разрабатывали новые (<https://www.bbc.com/russian/>).

Коннотативно-оценочные преобразования в лексико-семантической сфере. Семантические процессы не обязательно затрагивают номинативное содержание новых явлений в лексике. Нередки случаи изменений в сфере коннотаций, т.е. приращение разного рода оценочных, эмоционально-экспрессивных оттенков смысла. Этот тип активных процессов мы покажем на примере лексики эпохи коронавируса.

Весной 2020 года люди нашей планеты внезапно очутились в другом мире. В мире, где правит коронавирус. Вот уже почти два года мы живем в эпоху коронавируса. Нам еще только предстоит осмыслить те духовные, нравственные, поведенческие изменения, которые произошли в сознании человека. Несомненно только, что новая реальность существенным образом трансформировала исходные принципы человеческого существования, произвела своего рода «ментальную перезагрузку», «переоценку ценностей». И все это нашло свое воплощение в способах оперирования языком, в которых, как в зеркале, отразились изменившиеся форматы знания о мире, ценностные приоритеты и поведенческие установки людей эпохи коронавируса.

Да, русский язык также не остался безразличным к новым коммуникативным условиям существования. Он обогатился новыми словами и выражениями, за которыми стоят новые культурные концепты, по функционированию которых в речевой практике русских людей можно диагностировать определенную когнитивную и ценностную адаптацию языкового сознания к жизни в коронавирусную эру.

В роли непосредственного научного инструментария исчисления «языка ценностей» выступают так называемые «репрезентативные» («диагностические») контексты, по которым можно судить о наличии или отсутствии в анализируемой единице объективно существующего оценочного содержания.

В свое время мы выделили ряд репрезентативных контекстов, которые призваны диагностировать наличие в анализируемой единице языка объективно существующей оценки. Подобная «объективная» языковая оценочность выступает как имплицитный компонент смысла, облигаторно выявляемый из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Это не оценка внеязыковая, которая сиюминутна и привносится в дискурс со стороны авторитетных СМИ или идеологических движений, это оценка, которая именно объективирована в речевой практике говорящих по-русски и тем самым по умолчанию разделяется всеми носителями языка. К таким контекстам относится, например, метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова*, глаголы *погрязнуть* и *глумиться* и нек. др. В работе предлагается «прокрутить» некоторые знаковые лексемы эпохи коронавируса через эти контексты и тем самым установить их специфический ценностный потенциал.

Одним из таких контекстов выступает контекст оценочного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (этого) слова*. Его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номи-

нативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя его применительно к определенным словам и выражениям, говорящий выражает тем самым свое сомнение в том, что без этого специального разъяснения, так сказать, «по умолчанию», адресат воспримет это слово или выражение в требуемом положительном оценочном регистре. Говорящий словно чувствует: здесь что-то не так, с этим словом, оно в общепринятом мнении не является безусловным носителем позитивной ценности, а скорее, напротив, это сигнал ценности отрицательной, например:

*Без обид, **деревня в хорошем смысле**, типа природа, вода, горы и т.д.* (<https://travel.rambler.ru/local/>).

Слова и выражения, применительно к которым употребляется данный метаязыковой комментарий, рассматриваются нами как выразители так называемых псевдоценностей. Подлинная положительная оценка (как и ее антипод) безусловна и аксиоматична, она не нуждается в оговорках и поправках. Только псевдоценность воспринимается как нечто хорошее при определенных условиях. Так, например, рассмотренная выше лексема **самоизоляция** в полной мере проходит языковой тест на псевдоценность. В сетевом проекте о русском языке «Бюро Марины Королевой» в авторском пояснении мы видим ее употребление в контексте интересующего нас метаязыкового комментария:

*Что еще важно: если судить по примерам из Нацкорпуса, у слова «самоизоляция» до сих пор был легкий негативный шлейф. **Самоизолировать** (для государств, для режимов, для наций) — это плохо! И вдруг — новая «самоизоляция». Теперь «самоизолировать» — это похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое. Тот, кто «самоизолировался» — помог себе и другим. <...> Теперь **самоизолировать** можем не как раньше, а «**в хорошем смысле**»* (<https://www.facebook.com/marinakoroleva.org>).

Это не положительная ценность, а именно псевдоценность, в которой на первом плане, в ядерной зоне оценочной семантики,

находится негативная оценка. Это доказывается возможностью сочетания слова **самоизоляция** с маркером другого репрезентативного контекста **погрязнуть в...**, который в норме обычно маркирует исключительно антиценность, отрицательную оценочность:

Как не «погрязнуть» в режиме самоизоляции (<https://zen.yandex.ru/media/id/>).

В нетипизированных контекстах свободной сочетаемости лексема **самоизоляция** также часто коннотируется отрицательно:

Трясина самоизоляции засасывает (<https://partizan69-balt.livejournal.com/>);

Тест: как ты прошел испытание самоизоляцией? (<https://bloknot-volgograd.ru/news/>).

Однако, как было показано ранее, приемлемость словосочетания **самоизоляция в хорошем смысле** доказывает, что самоизоляция — не всегда однозначно негативное явления. При определенных условиях она воспринимается и как позитивно-оценочная сущность:

Период вынужденной самоизоляции дома в начале пандемии оставил негативные эмоции у 54% россиян и позитивные — у 17%, показал опрос Исследовательского центра портала SuperJob.ru (<https://www.interfax.ru/russia/>).

Подобная статистика как раз в полной мере соответствует нашему пониманию псевдоценности, которая, в отличие от явной антиценности, отчасти может мыслиться и в позитивном контексте.

Аналогичным образом ведет себя и близкая слову **самоизоляция** по смыслу лексема **карантин**. Она также проходит тест на употребление в контексте метаязыкового комментария **в хорошем смысле слова**:

До чего только людей карантин не доводит, в хорошем смысле этого слова, конечно (<http://nord-news.ru/news/>).

Это означает, что по умолчанию данное понятие воспринимается отрицательно, о чем сигнализирует контекст **погрязнуть в...**:

Путин ждёт Белозёрова, ЖД протянули руки, погрузка погрязла в карантине. Пульс ж/д за неделю в зеркале прессы (<https://vgudok.com/lenta/>);

Пока страна погрязла в карантине, можно подвести некий промежуточный итог... (<https://www.drive2.ru/>).

Но и **карантин** мыслится не как безусловная антиценность, а именно — как псевдоценность, о чем свидетельствуют контексты нетипизированной сочетаемости этого слова, имплицитующие возможность позитивного восприятия этого концепта, например:

Карантин не всем нам пошел на пользу (<https://7sisters.ru/seks-i-otnosheniya/>).

В пресуппозиции данного высказывания имеется пропозиция с квантором существования: ‘некоторым людям карантин пошел на пользу’. Этот в целом позитивно-оценочный смысл также вписывается в концепцию псевдоценности, к которой, таким образом, можно отнести и анализируемое понятие.

В меньшей степени реагируют на возможность условно позитивного осмысления такие лексемы, как **пандемия** и **коронавирус** (с вариантом **ковид**). Сами по себе они не проходят тест на употребление в контексте метаязыкового комментария **в хорошем смысле слова** — не зафиксировано примеров типа **пандемия в хорошем смысле слова, *коронавирус (ковид) в хорошем смысле слова*. Иными словами, они тяготеют к области антиценности — крайнему отрицательному полюсу на оценочной шкале. Это доказывается наличием многочисленных примеров их употребления в репрезентативном негативно-оценочном контексте **погрязнуть в...**:

Штаты погрязли в пандемии и связанных с ней экономических проблемах (<https://exproclub.ru/press/opinion/>);

Италия погрязла в коронавирусе из-за своих ошибок. России такой сценарий не грозит (<https://360tv.ru/news/obschestvo/>);

Вот почему Молдова рискует навсегда погрязнуть в коронавирусе (<https://bloknot-moldova.md/news/>).

Однако и эти, казалось бы, однозначные антиценности все же имеют в речевых практиках носителей русского языка определенный потенциал для позитивно-оценочного переосмысления:

Пандемия — не всегда плохо: истории людей, кардинально изменивших свою жизнь благодаря ковиду (<https://www.krsk.kp.ru/daily/27254/4386415/>);

Пандемия: ищем хорошее (https://gorodn.ru/razdel/obshchestvo_free/);

Для каких-то отраслей российской промышленности коронавирус в определённом смысле повлиял даже положительно — это экспорториентированные отрасли, заявил глава Минпромторга Денис Мантуров на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным (<https://regnum.ru/news/society/2889544.html>);

Ковид изменил привычный уклад нашего мира, но для некоторых он стал тем самым фактором, который делит жизнь на до и после, причем в хорошем смысле (<https://www.krsk.kp.ru/daily/27254/4386415/>).

Правда, в отличие от репрезентативных, т.е. типовых, контекстов выявления негативной оценки, контексты позитивно-оценочного употребления неузуальные, нестандартные, что означает необщепринятость возможной положительной оценки ситуаций, связанных с пандемией, коронавирусом и под.

Однако сама возможность условно положительного восприятия таких в общем безусловно отрицательных явлений, как пандемия, коронавирус (ковид) и пр., на наш взгляд, может свидетельствовать о своего рода «языковом сопротивлении» носителей языка сложившимся негативным условиям существования. Такие нетривиальные контексты употребления словно помогают людям справиться с когнитивным диссонансом, помогают пережить трудные обстоятельства, увидев нечто отчасти хорошее в чем-то бесприсветно плохом.

Собственно лексические инновации заключаются в том, что в русскую речь входят иноязычные слова, которые приобре-

тают несвойственные им в языке-источнике свойства — идиома-тичность, смысловую многоплановость, специфически русский эмоционально-оценочный фон и под. [Радбиль 2017].

Так, например, неолексема *хайн*, восходящая к английскому *hype* ‘навязчивая реклама; шумиха, ажиотаж’, вполне отвечает указанным признакам. В настоящее время она употребляется в следующих значениях:

(1) ‘агрессивная и навязчивая реклама, целью которой является формирование предпочтений потребителя’:

Внутри хайна. Как создать продукт, о котором говорят все (<https://futurist.ru/articles/1208-vnutri-haypa-kak-sozdaty-produkto-kotorom-govoryat-vse>);

(2) ‘неол., сленг. искусственно создаваемый ажиотаж вокруг какой-либо темы’:

Предвыборный «хайн»: ради молодежи архангельские политики готовы стать рэперами (<https://29.ru/text/gorod/354811333914624.html>);

(3) ‘неол., сленг. объект временной, сиюминутной моды, дешевой популярности’: *Хайн* — в молодежном сленге означает то, что модно в данный момент (<https://www.elle.ru/stil-zhizni/events/chto-takoe-hayp-znachenie-slova-hayp-prostyimi-slova/>).

Также в расширенном значении оно может просто обозначать крайнюю степень эмоционального возбуждения по поводу ч.-л. или к.-л., не обязательно относящегося к рекламе, средствам массовой информации:

Это просто хайн: осудивший экс-начальника штаба Дудаевской армии о возможной мести за приговор с помощью секс-видео (<http://ren.tv/novosti/2018-08-18/eto-prosto-hayp-osudivshiy-eks-nachalnika-shtaba-dudaevskoy-armii-o-vozmozhnoy>).

На этом фоне формируется общеоценочное значение по модели: «X. — это хайн! (= класс! = супер!)», т.е. что-то исключительно значимое в ценностном плане для говорящего:

Люблю хайн и все что с ним связано... Если ты не хайн, не топ и не шарить, то не пиши мне (https://vk.com/wall-22751485_3021007?reply=3021723).

Также стало возможным и просто междоментное употребление типа *Вот это хайн!*; *Это хайн!* *Ну и хайн!* *Хайн, хайн, хайн!* и пр.

ХАЙП в моделях концептуальной метафоризации. Другой стороной культурной освоенности неолексемы *хайп* является ее вхождение в модели концептуальной метафоризации по типу овеществления и одушевления, что повышает идиоматичность неолексемы. Так, в контекстах овеществления лексема *хайп* осмысливается как конкретный объект:

«Хайп упал»: *игроки обсудили, кого отпугнул вид от первого лица в Cyberpunk*. (<https://123ru.net/dosug/162887784/>);

— приобретает локализацию в пространстве:

Крымский хайп Михаила Ефремова (<http://ren.tv/blog/309578>);

— или протяженность во времени:

За неделю весь этот хайп закончится, а телевизионный продукт еще не выйдет (<https://meduza.io/feature/2017/09/13/esche-god-nazad-ya-ne-znal-chto-takoe-zashkvar-a-seychas-chasto-ispolzuyu-eto-slovo>);

— представлен как вещество:

...вещи уже были куплены и оплачены, а компания на ровном месте словила тонны хайпа и может использовать это в собственных целях (<https://sport24.ru/news/other/2018-09-05-aktsii-nike-upali-iz-za-neudachnoy-reklamy-reklama-obrushila-aktsii-nike-patrioty-ssha-obrushili-aktsii-nike>);

— как источник:

Хайп иссяк: *почему молодежные дизайнеры сдают позиции* (<https://www.gazeta.ru> › Стиль › Мода);

— как плоскость:

Быть все время «на хайпе» — *цель многих знаменитостей* (<https://mir24.tv/news/16275854/haip-iz-za-haipa>);

— или как вместительность (контейнер):

У меня свой круг интересов и артистов, которых я люблю, они вообще не в хайпе, они в антихайпе, и я в антихайпе, на-

верное», — говорит актер Владимир Енифанцев (<https://mir24.tv/news/16275854/haip-iz-za-haip>).

В контекстах одушевления *хайп* осмысливается как живое, активно действующее существо:

Вот так и в президентские выборы прорвался хайп (<https://inosmi.ru/politic/20171020/240576932.html>);

«Хайп рождает хайп»: Сложно ли продавать кроссовки в центре Москвы? (<https://www.the-village.ru/village/service-shopping/industriya/283696-kak-otkryt-magazin-krossovok>).

1.3. Активные процессы в области фразеологии

Активные процессы в области фразеологии проявляются в двух типах явлений, в известном смысле противоположных друг другу: (1) образование новых, воспроизводимых и устойчивых, сочетаний фразеологизованного типа — коллокаций, отражающих новые реалии жизни или новые ценностные приоритеты; (2) трансформация имевших место фразеологических единиц и известных «прецедентных текстов» применительно к специфическим коммуникативным намерениям говорящего.

(1) Новая эпоха порождает новые словесные обозначения, содержащие расчлененные номинации, которые именуют то или иное явление не одним словом, а описательным словосочетанием (дескрипцией). Подобные словосочетания превращаются в устойчивые и регулярно воспроизводятся в дискурсе для обозначения того или иного явления или для выражения принятого к нему в социуме отношения.

Такие «новые фразеологизмы» в изобилии появляются в «узусе» — речевой практике пользователей социальных сетей и мобильных устройств:

— *кинуть ссылку / отправить ссылку* ‘переслать по электронной почте или другому браузеру нужную гипертек-

стовую ссылку, обеспечивающую доступ к какому-либо контенту в интернете’;

- **поставить лайк** ‘выразить согласие или одобрение в отношении автора понравившегося контента в социальных сетях посредством использования специальной функции’;
- **сделать селфи** ‘сделать фотографию самого себя посредством специального приспособления или без него’.

Эпоха коронавируса вызвала к жизни целую гроздь таких новых фразеологизмов. Например, возникли такие коллокации, как **отправить на самоизоляцию** — по модели **отправить на карантин**, поскольку в норме для первоначального употребления слова характерен предлог *в*:

*Врач рекомендовал **отправить** родителей школьников на самоизоляцию* (<https://rg.ru/2020/09/03/reg-ufo/>).

Семантика глагола *отправить* в этом контексте ‘направлять, посылать кого-л., что-л. с какой-л. целью, с поручением; командировать’ (СЕ-I 2000) с ярко выраженной импликацией принудительности этого действия для его реципиента в когнитивной модели соответствующей ситуации противоречит идее добровольности, заложенной в модели когнитивной ситуации самоизоляции.

Режим самоизоляции — с очевидной коннотацией регламентируемой необходимости его соблюдения и др., в которых, напротив, актуализуется сема ‘принудительность’: *Как соблюдать режим самоизоляции?* (<https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/isolationquestions/>).

Здесь не менее любопытна и семантическая эволюция слова *режим* в разных контекстах употребления указанной коллокации. Нетрудно видеть, что в приведенном выше примере данное слово употреблено в значении ‘точно установленный распорядок жизни, занятий’ (СЕ-II 2000), в том же значении, что и в коллокациях *постельный режим*, *режим дня* и пр.

Реальность имплицитной семы ‘принудительность’ в коллокации *режим самоизоляции* доказывается возможностью ее экспликации в ряде контекстов посредством прилагательного *принудительный* и близкими по значению словами, например:

С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать (<https://www.business-gazeta.ru/article/63398>).

Некоторые новые коллокации имеют значительную экспрессию — например, *поймать корону*:

И на приём попасть и «корону» не поймать (<https://zabnews.ru/statya/2020/09/11/>);

Тренер Масвидаля поймал «корону». Бой с Усманом под угрозой (<https://www.vesti.ru/article/2427745>).

(2) Трансформация фразеологизмов и «прецедентных текстов» издавна является распространенным средством языковой выразительности в дискурсах «активного воздействия» [Соколова 2014]. В наше время подобные преобразования фразеологизмов служат для выражения актуальной для говорящих информации или оценки тех или иных явлений. Это ярко проявляется в разнообразных включениях в модели трансформации фразеологизмов и «прецедентных текстов» лексики эпохи коронавируса:

У ковида женское лицо? Большая часть заболевших коронавирусом в Челябинской области — женщины (<https://www.verstov.info/news/society/>);

Ковид крепчает: в России выявили более семи тысяч зараженных за сутки (<https://tolknews.ru/obsestvo/>).

Нетрудно увидеть в этих и многих подобных им случаях, имеющих хождение в современных речевых практиках носителей русского языка, «языковую игру» (подробнее — см. раздел 1.5 настоящей главы I). Участие лексемы *ковид*, обозначающей в общем не такое уж подходящее для веселья явление, в игровых моделях использования языка также, на наш взгляд, свидетельствует о реализации в подобных словоупотреблениях функции психологической адаптации.

1.4. Лингвостилистический и лингвопрагматический аспект активных процессов в русском языке новейшего периода

Активные процессы в лексике (равно как и в явлениях других уровней) проявляют себя не только в изменениях системно-языкового характера. Они также выражаются в особенностях реализации языка в речи, в том, что сегодня модно называть «речевые (или дискурсивные) практики носителей языка». В научной литературе неоднократно описывались такие тенденции функционирования русского языка, как демократизация, жаргонизация и даже вульгаризация литературного языка, как активное проникновение внелитературных элементов в разнообразные области публичного общения, как немотивированное смещение в контексте разностилевых элементов и пр. [Валгина 2001]. Все эти явления, на наш взгляд, объединяет то, что они связаны с особенностями именно употребления языка применительно к той или иной речевой ситуации, в условиях новых коммуникативных потребностей общества, новых моделей речевого взаимодействия.

Так, в наши дни наблюдается определенная экспансия новообразований, возникших изначально в среде жаргона или просторечия, но благодаря активности пользователей социальных сетей и мобильных устройств вошедших во всеобщее употребление, в их «узус». Подобные новообразования обладают значительной экспрессией, которая вытесняет номинативную семантику неолексем. В этой ситуации интерпретация некоего аномального высказывания целиком и полностью определяется только исходя из общего смысла ситуации (в отрыве от него она является референциально и семантически «пустой»). В таких случаях инновация обладает «максимумом идиоматичности» и репрезентирует целый фрейм или целую ситуацию.

Например, лексема *догонялово* (← *догонять* в прямом значении) на форуме автолюбителей ситуативно обозначает ‘поезд-

ка на разных транспортных средствах с целью догнать поезд, от которого отстал (на который не попал) говорящий’:

*Ведь кто-то мог пробить ж.д. и ответить мне, и не было бы никакой поездки, никакого **догонялова**, никакого напряжения людей в других городах...* (<https://www.daewoo-avto.ru>).

Очевидно, что иным способом говорящий не смог бы выразить этот блок смыслом с такой емкостью и экспрессией.

Прагматическую обусловленность подобных аномалий подтверждает и *контекстная омонимия*, возникающая при употреблении этого же слова в других ситуациях и в других коммуникативных условиях:

*Видел сёня **догонялово** серебристого седана В3 в камаз (миксер) номер 215 (буквы не помню) на 3-м транспортном кольце в районе Студенческого моста* (<https://www.b3club.ru/forum>).

Здесь это же слово маркирует целый фрейм ‘аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой’. А на форуме «Какое пиво вы потребляете?» встречаем актуализацию в этом словоупотреблении другой исходной семантики — просторечного значения *догоняться* ‘употреблять добавочные дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния’:

*Народное **догонялово*** (<https://forum.nov.ru>).

Еще один аспект лингвостилистического своеобразия вхождения новообразований в речевые практики современных носителей языка заключается в изменении условий реализации какого-либо инновационного явления, при котором оно становится уместным и рационально осмысляемым в данном контексте.

Речь идет о том, что, изначально возникнув в роли единицы, заполняющей определенную концептуальную или культурную лакуну, лексема с заимствованным элементом употреблялась соответственно лишь в одной специализированной сфере: *гламур* — в сфере модных тусовок и глянцевого журнального, *экслюзив* — в сфере бизнеса, маркетинга и рекламы, *троллить* и *забанить* — в сфере интерактивной неформальной интернет-

коммуникации в социальных сетях. На стадии концептуального освоения по моделям и принципам русских способов смотреть на вещи иноязычная по происхождению единица используется уже в других сферах коммуникации, изначально никак не связанных с ее стандартным значением и типами употребления в языке-источнике.

Покажем это на пример глагола *заспамить*, который в жаргоне пользователей сети первоначально имел довольно узкое, специализированное значение: ‘направить в чей-либо адрес большие объёмы мусорной электронной почты (спам) не с целью собственно рассылки этой почты, а с целью создания неудобств данному адресату’.

Однако в языке интернета находим примеры семантического расширения этого значения и перенос его в среду реальных взаимодействий людей. Так, в примере из текста сообщения на Официальном портале Верховной Рады Украины читаем:

«Заспамить Верховную Раду Украины не позволю никому, каковы бы ни были его политические цели», — Председатель Верховной Рады Андрей Парубий.

Дальнейший контекст свидетельствует, что данное словопотребление имеет более широкое значение, номинирующее область документооборота проектов законов и законодательных актов:

Председатель Верховной Рады Украины Андрей Парубий во время заседания Согласительного совета в понедельник заявил, что одним из ключевых предостережений Миссии Кокса по реформированию работы Верховной Рады является то, что в парламенте есть «законодательный спам» — то есть тысячи законопроектов регистрируются, но большинство из них не попадает на рассмотрение из-за их непрофессиональной подготовки, а иногда и откровенного популизма (<http://portal.rada.gov.ua/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/130118.html>).

Нетрудно видеть, что здесь словопотребление *заспамить* обозначает что-то вроде ‘направить в парламент на рассмотрение чрезмерно большое количество ненужных, неподготов-

ленных и непрофессиональных законопроектов, тем самым отвлекая сотрудников от решения реальных проблем и мешая нормальной работе'. Уже само наличие такого объемного перифрастического толкования этого словоупотребления как раз свидетельствует о том, что использование одной емкой и оценочно-экспрессивной номинативной единицы, чтобы выразить требуемый развернутый комплекс смыслов, в данном контексте вполне уместно и оправданно с коммуникативно-прагматической точки зрения.

О том, что существует именно модель метафорического переноса данного словообозначения из сферы интернет-коммуникации в сферу реальной жизни, свидетельствуют и другие примеры:

[Заголовок] *Московское метро хочет «заспамить» пассажиров рекламой.* [Текст] *Руководство столичной подземки намерено использовать проездные в качестве рекламных носителей* (<http://suvenir.segment.ru/review/>).

Здесь *заспамить* метафорически означает 'каузировать размещение и дальнейшее распространение ненужной информации на непригодных для этого носителях', в нашем случае — размещение рекламной информации на билетах для проезда в метро, которое оценивается как дорогое, малоэффективное и раздражающее потенциальных потребителей (покупателей билетов).

Аналогично — *игнорить*, *флудить*, *банить* и *троллить*, например, теперь тоже можно не только в интернет-пространстве.

Игнорить: 'намеренно, автоматически, с помощью программных средств (специальной ссылки), исключать нежелательного собеседника (в программах онлайн-общения, форумах, чатах)':

«Нафтогаз» жалуется, что «Газпром» «игнорит» исполнение решения Стокгольма (<https://www.depo.ua/rus/money/>).

Здесь слово используется в расширительном значении 'намеренно не замечает, игнорирует' в целях усиления экспрессии и подстройки под специфику аудитории интернета.

Флудить (от искаженного произношения английского *flood* — звучит как [flʌd] ‘поток, наводнение’): ‘размещать большое количество ненужной информации в процессе общения сети, информации, как правило, бессмысленной и не соответствующей теме’:

*Оказалось, бабло туда влупили, центр попытались передать в область, на балансе он не стоит... Изначально там то ли воровская схема, то ли некомпетентность... Я с таким бардаком, если честно, первый раз встречаюсь. Как так: влупить деньги в основные фонды и не поставить их на баланс? И бегают там всякие жарковы, чего-то **флудят**: я был в Париже, я был в Лондоне... Слышь, ты хотя бы как в Москве сделай!* (<http://sibkgray.ru/news/1/866206/>);

*Сын Джона Стоктона Майкл в прошлом году сыграл в Летней Лиге НБА в Орlando. Сыграл, естественно, в форме «Юты Джазз» на позиции разыгрывающего с единичкой и двойкой на спине. В эксклюзивном интервью блогу «ДК и АС **флудят** про Джазз» Стоктон-младший рассказал о главном — баскетболе, «Юте» и семье* (<https://www.sports.ru/tribuna/blogs/847jazz/433437.html>).

В данных примерах значение слова **флудить** метафорически расширяется до предельно обобщенного ‘нести ерунду, говорить не по делу, бессмысленные вещи и под.’.

Забанить: ‘заблокировать, установить в софте форума, блога или т.п. запрет на сообщения определенного участника’:

[Заголовок] *На Украине Льва Толстого «забанили» за «агрессорску мову».* [Подзаголовок] *В Хмельницком запретили постановку «Анны Карениной» театра-студии из Киева* (<https://www.nnov.kp.ru/daily/26747/3776537/>).

Здесь также имеется модель метафорического переноса, расширяющего сферу применимости глагола **забанить**, в результате чего он приобретает эмоционально окрашенное значение ‘не разрешить, запретить’.

Троллить: ‘размещать в интернете (на форумах, в дискуссионных группах, в вики-проектах, ЖЖ и др.) провокационные

сообщения с целью вызвать конфликты между субъектами, взаимные оскорбления и т.п.':

[Тема на форуме] *Как **троллить** жену / девушку?* (<https://pikabu.ru/story/>);

*Телеканал RT стал **троллить** США из-за статуса иноагента* (<https://iz.ru/731621/2018-04-13/telekanal-rt-stal-trollit-statusom-inoagenta-v-ssha>);

*Когда у оппозиции не хватает голосов заблокировать прохождение закона, она начинает затягивать его принятие. То есть **троллить**», — объяснил парламентарий, подразумевая, что «Единая Россия» может принять законопроект без учета мнения оппозиции, поскольку имеет большинство мест в Госдуме (Справоросы устроят в Госдуме итальянскую забастовку. URL: <https://lenta.ru/news/2012/05/24/sprvrvs>);*

*«Forbes»: русским надо прекратить **троллить** США. У русских всегда была одна слабость: они любят позлить Соединенные Штаты. В основном они делают это тогда, когда разговор заходит о двойных стандартах и о предполагаемом лицемерии. В таких ситуациях они просто не могут смолчать, хотя конечный результат обычно оказывается катастрофическим, ставя всех в неловкое положение. Джулиан Ассанж, Эдвард Сноуден: нет такого объявленного в розыск Америкой человека, которого русские не поддержали бы словесно либо материально* (<https://ria.ru/world/20130626/945902525.html>);

*Фанаты «ПСЖ» **затроллили** Жерара Пике, придя на матч в майках с надписью «Остается»* (https://www.eurosport.ru/football/ligue-1/2017-2018/story_sto6279267.shtml).

Модель метафорического расширения значения глагола **троллить** приводит к возможности использовать его в самых разнообразных жизненных (как официальных, так и бытовых) ситуациях с общим оценочно-экспрессивным значением 'задевать, выводить из себя, оскорблять'.

Концептуальное освоение данного иноязычного слова еще раз подтверждается возможностью использовать его экспрессив-

ный потенциал для смены знака оценочности, т.е. в позитивно-оценочном регистре:

*Удивлять, по-хорошему **троллить**, нести позитив, быть источником не проблем, а решений. Во фронт-офисе B2B-конторы не сидят с унылым и скучным лицом, даже если речь идет об уникальнейшей, не имеющей аналогов услуге. Те, кто думает, что B2B — это скучно — покидают пляж (<https://rb.ru/opinion/udivlyat-i-trollit>).*

Здесь лексема **троллить** использована в значении ‘постоянно проявлять активность и инициативность в работе с людьми’.

Разного рода эффекты указанного выше **расширения изначально специализированной сферы употребления** заимствований и в переносе моделей их дискурсной реализации в другие, уже неспециализированные сферы характерны не только для неолексем, обозначающих реалии Сети. Так, например, для слова *хайп* отмечаем возможность употребления этой лексемы по отношению к кошкам или собакам:

*Про **икорно-кошачий хайп**. <...> Вот регулярно всплывает история про то, что какая-то упоротая москвичка свою кошку черной икрой кормит (<https://sedov-05.livejournal.com/>);*

*Собаки хулиганят! Новый **собачий хайп** — чем больше наворил, тем больше соседей в курсе (<https://zen.yandex.ru/>).*

Подводя некоторые итоги, отметим, что все указанные примеры демонстрируют коммуникативно-прагматические рефлексы культурной апроприации заимствований. Подобные рефлексы заключаются в ослаблении специализированного номинативного значения, которое посредством модели семантического расширения приобретает предельно общий экспрессивно-оценочный смысл непредметного характера, позволяющий употреблять данные глаголы в самых разнообразных коммуникативных условиях, в качестве оценочной реакции на самые разнообразные ситуации. Приобщение новообразований с иноязычным компонентом к фонду оценочной лексики общего характера способствует расширению экспрессивных возможностей рус-

ского языка, т.е. в конечном итоге служит его обогащению и развитию.

Да, во всем мире люди теперь не одобряют, а лайкают, не дружатся, а френдятся, не встречаются, а коннектятся, не запрещают, а забанивают, не оскорбляют, а троллят. Но, так сказать, «отечественная версия» этих универсальных общемировых тенденций отличается существенной национально-культурной специфичностью, так как очевидный экспрессивный, образный и воздействующий потенциал рассмотренных моделей культурной апроприации иноязычных элементов на коммуникативно-дискурсивном уровне во многом опирается на культурный фон, который содержится в исконно русских способах языковой концептуализации мира.

Интересно рассмотреть и лингвопрагматические эффекты, возникающие в нестандартных контекстах речевого употребления тех или иных неолексем, например, **в режиме косвенных речевых актов**, когда в высказывании эксплицирована одна иллюкутивная сила, но в соответствии с принятыми в обществе конвенциями общения облигаторно предполагается другая [Серль 1986]. Хорошим примером этого является контекст риторического вопроса, который скрывает реальное утверждение. Прием используется, когда говорящий по тем или иным причинам хочет выразить неочевидное суждение, которое может быть воспринято неоднозначно или негативно:

*Так ли страшен **коронавирус**, как его рисуют?* (<https://www.putevka.com/blog/>).

Здесь в форме косвенного вопроса выражается утверждение ‘коронавирус не так страшен, как это представляют’ с целью вызвать у аудитории сомнение в правильности неких общепринятых истин.

Неолексемы активно участвуют и в создании прагматического эффекта обыгрывания **имплицатур дискурса (коммуникативных имплицатур)**. Это небуквальная информация, которую адресат должен самостоятельно восстановить из того, что сказано, опираясь на тот факт, что говорящий соблюдает принцип

кооперации, постулаты речевого общения [Грайс 1985]. Как правило, подобного рода прием используется при небуквальной интерпретации тавтологий, экивоков, каламбуров и других, внешне неинформативных и/или алогичных высказываний, как это происходит, например, в следующем контексте:

«*Хайп рождает хайп*»: *Сложно ли продавать кроссовки в центре Москвы?* (<https://www.the-village.ru/>).

Любопытные прагматические эффекты в употреблении неолексем могут быть связаны со спецификой **выражения интенций говорящего**. Ср. пример, когда неолексема *хайпнуть* (← *хайп*), в узусе зачастую имеющая негативно-оценочный фон, в контексте неиронического «серьезного» употребления глагола *хайпнуть* в форме I лица ед. ч., т.е. когда человек говорит о себе, приобретает ситуативно обусловленную положительную оценочность:

Хайплю в тренажёрном зале (<https://folloart.com/>); «*Хайплю перед премьерой клипа. Она кстати в понедельник*», — подписала пикантный снимок экс-солистка *Виагры* (<https://m.znaj.ua/ru/>).

Ср. также примечательное название популярной музыкальной композиции: «*Хайплю как могу*».

Подобное употребление было бы невозможно в случае негативной оценочности указанного действия для говорящего, так как выступало бы чем-то вроде «иллокутивного самоубийства», по З. Вендлеру [Вендлер 1985].

Существенным трансформациям в наши дни подвергаются и традиционные устойчивые форматы метаязыкового оформления диалога, в том числе и формулы речевого этикета. Возьмем, к примеру, распространенную в языке интернета формулу речевого этикета: *Доброе вечернее утро*, которая вполне уместна и адекватно воспринимается адресатами в ситуации, когда «люди Сети» весь день спят и только к вечеру пробуждаются для активного общения в интернете. Эта же формула присутствует в «светской тусовке», у людей, которые после буйной вечеринки накануне имеют обыкновение просыпаться только к вечеру для «продолжения банкета».

Интересны примеры, когда формулы речевого этикета обыгрываются в нестандартных контекстах употребления, например, когда наводится столкновение взаимоисключающих иллокутивных сил в пределах одного речевого акта, в результате чего возникает **конфликт условий успешности**. Так, одна из тем на форуме носит название:

*Здравствуй, **коронавирус**?* (<https://forums.goha.ru>).

Здесь можно видеть аномальную одновременную актуализацию двух несовместимых иллокутивных сил — приветствия и вопроса, тогда как, согласно Ю.Д. Апресяну, в норме говорящий не может иметь противоречивые намерения [Апресян 1995].

Однако аномалии подобного рода в дискурсе очень часто коммуникативно оправданны, так как служат для языкового отображения внутренне полемичного или нетривиального содержания. Иными словами, они выступают как осознанный прием «языковой игры» на уровне речевой реализации языковой системы. В нашем случае знак вопроса есть сигнал сомнения в автокоммуникации (обращенный и к себе, и к другим); автор как бы выражает неприятие ситуации, когда нужно приветствовать нежданного «гостя» в лице коронавируса, и иронически призывает аудиторию разделить с ним данную установку в емкой и образной форме.

Сегодня мы наблюдаем своеобразную трансформацию «на русский лад» метаязыковых показателей, оформляющих ведение диалога в Сети. Изначально они передавались в большинстве случаев только на английском языке:

TIE (от англ. *take it easy*) — «Успокойся!».

Возможны при их передаче и элементы поликодowości и/или графодеривации:

CUL8R (от англ. *see you later*) — «Увидимся позже!», речевая формула прощания, принятая не только в интернете.

Однако в ряде случаев эти метаязыковые элементы могут быть представлены в формате фонетической передачи исходных английских словесных формул средствами русской графики и орфографии.

Изначально — это стандартная транслитерация: *хелло* (hello), *хеппи энд* (happy end), *гуд бай* (good bye), *хелп* (help) и пр.

Затем это уже несколько игровое, карнавальное переозвучивание исходных английских элементов:

Изи-изи (от англ. *easy* — ‘легкий, легко’) — «Полегче!»;

Рил ток / Риал ток (от англ. *real talk* — ‘правда, действительно’) — «Правду говоришь!», «Правда!», «Действительно!».

Финк (вариант — *синк*) *абаум ум* (от англ. *Think about it!* — ‘Подумай об этом’) — речевая клишированная формула, по соображениям политкорректности используемая в разных речевых жанрах, например, при проверке курсовых или контрольных работ.

Фо рилзис (от английского сленгового *forrealsies*) — «Действительно ли?», «Да неужели?».

Дальнейшая степень адаптации метаязыковых показателей оформления диалога, в том числе — формул речевого этикета, на наш взгляд, проявляется в использовании русских аналогов заимствованных слов. Иными словами, языковая мода (отраженная в вербальной и коммуникативной модели оперирования языком) — однозначно англоязычная, но «заполняется» уже русским лексическим материалом.

Это, например, сокращения — уже на базе русских слов: *СПС* — Спасибо; *С ДР!* — с Днем рождения!; *с НГ* — с Новым Годом!

Или стяженные и усеченные формы: *Прифки* — Привет!; *пжлст* — Пожалуйста; *нзчт* — Не за что!; *не оч* — не очень; *норм* — нормально; *прив* — Привет!

Эти примеры демонстрируют нам языковые и коммуникативные признаки формирования речевого этикета сети интернет, которые, используя иноязычные модели (в соответствии с русскими нормами стяжение, например, *пожалуйста* до *пжлст* невозможно), актуализуют уже свое, исконное содержание и словесное оформление (русские слова, русская графика и фонетика и т.п.).

1.5. Активные процессы в русской лексике и фразеологии в свете «языковой игры»

Термин «языковая игра» стал одним из наиболее популярных терминов в российском языкознании конца XX — начала XXI в. В современной русистике сложилась устойчивая традиция в понимании этого явления как сознательного эксперимента, имеющего установку на творчество.

Принято считать, что термин «языковая игра» был введен Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования» (1953), который всю человеческую речевую деятельность, отчасти и неречевую, представлял как совокупность языковой игры. В отечественном языкознании исследованию явления языковой игры на материале разговорной речи посвящены работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, С.Ж. Нухова, Н.Н. Розановой, В.З. Санникова, Н.А. Томиленко, Т.И. Шатровой и др.; на материале художественной литературы — Т.В. Бузановой, М.Н. Бутаковой, Т.А. Гридиной, Н.А. Николиной, В.З. Санникова, Е.В. Хабибуллиной, В.Д. Черняк и др.

В последнее время возрос интерес к феномену языковой игры на материале языка массмедиа (С.В. Ильясова, Л.В. Рацибурская, Т.В. Попова, А.В. Стахеева, И.А. Тропина, В.И. Шаховский и др.), поскольку языковая игра является «ярким средством деавтоматизации, экспрессивизации текстов современных СМИ» [Рацибурская 2005: 123].

Согласно мнению ученых, языковая игра является социальным инструментом, «поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных эмоций...» [Шаховский 2008: 383]. В целом ученые признают языковую игру одной из важных составляющих коммуникативной культуры современного человека [Бульина 2011]. «Многогранность языковой игры, отражение в ней как лингвистических, так и экстралингвистических проблем, выходящих за пределы языковой деятельности, поддерживает к ней неугасающий интерес специалистов и исследователей различных областей науки, которые

не просто изучают и исследуют языковую игру как отражение в современном языке различных жизненных реалий (лингвисты, литературоведы, психологи, социологи), но и находят ей практическое применение (журналисты, рекламисты, политики)» [Ильясова 2009: 29]. В то же время «многоплановость языковой игры делает затруднительным ее непротиворечивое и исчерпывающее определение» [Николина 2000: 551].

В науке наметилось два направления в исследовании феномена языковой игры.

Первоначально языковая игра рассматривалась как преднамеренное нарушение нормы. Принято считать, что данное направление было заложено Л.В. Щербой [Ильясова 2002: 11]. «Феномен языковой игры как способ организации текста в аспекте соотношения с языковой нормой имеет в своей основе любое нарушение правил употребления языковой или текстовой единицы» [Вольская 2006: 30]; «идея понимания языковой игры как осознанного нарушения стереотипа является продуктивной, ибо она позволяет рассматривать данный феномен с точки зрения отражения закономерностей системы и нормы в языковом сознании социума и конкретного индивида» [Гридина 1996: 6]. Но все-таки языковая игра — это не просто нарушение языковой нормы ради самого нарушения, это именно творческий процесс, творческий подход к слову. Так, Т.А. Гридина, придерживаясь первого направления, справедливо отмечает, что «в основе языковой игры лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» [Гридина 1996: 4]. При этом подчеркивается именно творческое использование языковых средств.

В рамках первого подхода особое распространение в лингвистике получила дефиниция В.З. Санникова, согласно которой «языковая игра — это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слу-

шающий (читающий) также должен понимать, что это “нарочно так сказано”, иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего» [Санников 2002: 23].

Достаточно исчерпывающим принято также считать определение А.П. Сковородникова: «Языковая игра — творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера» [ЭСС 2019: 388—389].

Мы предпочитаем отталкиваться от определения, предложенного Н.В. Данилевской: «Языковая игра — определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [СЭС 2003: 657]. В данном случае подчеркивается именно эстетическая целесообразность языковой игры, а не просто само нарушение нормы как таковое.

Второй подход выражается в том, что языковую игру связывают с отклонением «от определенных правил, но в пределах нормы» [Ильясова 2009: 32]. Так, С.В. Ильясова понимает под языковой игрой «...творчество, удовольствие, получаемое от достижения поставленной цели, что уже само по себе противоречит понятию преднамеренности в нарушении некой нормы» [Ильясова 2004: 277].

С.В. Ильясова отмечает, что «к языковой игре склонны в большей степени люди образованные и культурные, которые свободно владеют языком и могут осуществить выбор, предо-

ставляемый системой. Такой выбор осуществляется соображениями уместности, что шире понятия правильности. Таким образом, языковая игра не связана с пониманием нормы, вернее, ее нарушением, а связана с пониманием того способа выражения, который соответствует интенции автора» [Ильясова 2002: 10]. Отсюда следует, что ученый не связывает языковую игру с нарушением нормы и выводит на первый план прагматический критерий.

Доминирование экспрессии в текстах СМИ привело к трансформации многих понятий, в частности, языковая игра перестала восприниматься как нарушение нормы, это стало, скорее, «другой» нормой, игровой: «...Языковая игра есть отклонение от определенных правил, но в пределах нормы» [Шаховский 2008: 367]. Подобное «отклонение» может свидетельствовать о своеобразной свободе использования единиц языковой системы. Раскрывая понятие языковой игры, Б.Ю. Норман характеризует данный феномен как «использование языка в особых — эстетических, социальных и т.п. — целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою “мягкость”»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [Норман 2006: 6].

Любой более или менее продуктивный способ возникновения языковой игры можно считать нормой для данного явления. Но при таком определении возникает вопрос, что же считать нормой и как определить пределы этой нормы. Другая норма, по мнению С.В. Ильясовой, — это коммуникативная, или ситуативная норма, то есть норма, уместная в данном контексте [Ильясова 2002]. Критерий такой нормы — это уместность в определенном контексте. Итак, языковая игра — это прагматически и эстетически оправданное следование коммуникативной норме. Допустимость каких-либо отклонений свидетельствует о таком уровне развития языка, который предполагает сложный интеллектуальный процесс выбора наиболее адекватных средств выражения.

На наш взгляд, стоит остановиться на том понимании языковой игры, которое связывает ее с творческими интенциями, намерениями автора, с проявлением креативных способностей языковой личности.

Практически вся наша жизнь проходит в окружении текстов, именно благодаря им мы получаем большую часть информации о мире. Все изменения, которые происходят в общественной жизни, в первую очередь находят свое отражение в медийной речи. Современная коммуникация зачастую оказывается наполнена интертекстуальными элементами: в ней обнаруживается множество отсылок, цитат, реминисценций, прецедентных текстов, имен. Адекватное восприятие такого текста возможно только с учетом должных фоновых знаний из различных областей культуры.

Особое место в арсенале средств интертекстуальности занимают прецедентные феномены в широком понимании. Они несут в себе этнические, исторические, культурные и научные знания о мире. Но знания, которые лежат в основе прецедентных феноменов, — это знания реалий, художественных произведений, художественных фильмов, текстов популярных песен, стереотипных ситуаций, стереотипных образов — необходимы для полноценного понимания языка современной медийной коммуникации.

Таким образом, понимание текстов, которые содержат отсылки к прецедентным феноменам, опирается, как правило, на повышенную речемыслительную активность получателя информации. Именно поэтому представляется интересным рассмотреть употребление прецедентных феноменов в медийной речи как сознательно формируемую тенденцию, которая отражает ход развития современного языкового сознания.

Общепризнанным является тот факт, что прецедентный феномен или прецедентный текст в широком смысле являются элементом культурной памяти народа и регулярно используются в других текстах. Употребление в письменной и устной речи пре-

цедентных феноменов способствует оживлению накопленного культурного багажа.

Прецедентные феномены — это прецедентные тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

Прецедентный текст в узком смысле — это текст, 1) который хорошо известен представителю того или иного национально-культурного сообщества; 2) который многократно воспроизводится в речи, как правило, в сжатой форме; 3) который способен существовать без контекста. Прецедентный текст в широком смысле — это прецедентные феномены.

К прецедентным феноменам, как правило, относятся цитаты из художественных произведений, поэтических произведений, сказок, анекдотов; фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и др.

Функционирование прецедентных феноменов в современном медийном дискурсе имеет свою специфику: использование журналистами ярких, запоминающихся прецедентных феноменов, несомненно, является эффективным и относительно простым способом привлечения внимания. Их использование делает текст диалогичным, позволяет активно воздействовать на сознание читателей. Одна из главных особенностей прецедентных феноменов — узнаваемость. Незузнаваемый прецедентный феномен, известный лишь узкому кругу читателей, не сможет в полной мере исполнить свою роль — привлечь внимание читателей, ярко и точно передать мысль, выразить эмоцию.

В заголовках медийных текстов чаще всего встречаются такие разновидности прецедентных феноменов, как прецедентные

тексты, прецедентные высказывания и прецедентные имена. Рассмотрим их наиболее популярные разновидности.

Среди частотных прецедентных текстов в первую очередь следует отметить названия художественных произведений, которые довольно часто становятся основой для заголовков статей: *Бедная Лиза, или с чего начинается театр?* (Московский комсомолец. 28.01.2017) — название повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»; *Мальчик с собачкой* (Нижегородская правда. 25.01.2017) — название рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой»; *Кому на Руси болеть хорошо* (Московский комсомолец. 21.03.2015), *Где на Руси жить плохо* (Московский комсомолец. 23.03.2017) — поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; *На Первом канале все свои люди — сочтутся* (Новая газета. 10.02.2017) — название комедии А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся»; *Гад Мазай и зайцы: считать ли злодеем «морозящего» детей водителя* (Московский комсомолец. 12.01.2017) — название стихотворения Н.А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы» и др.

К произведениям литературы зарубежных авторов отсылают читателя такие заголовки, как: *О, дивный «Новый курс»!* (Московский комсомолец. 15.03.2016), *О дивный новый жир* (Московский комсомолец. 19.04.2017) — название антиутопического, сатирического романа О. Хаксли «О дивный новый мир»; *Сборную России ждет красное и черное* (Московский комсомолец. 28.03.2017) — в заголовке статьи используется название романа Ф. Стендаля «Красное и черное»; *Митрополит, арт-холдинг и Мышиный король* (Новая газета. 16.01. 2017) — название повести-сказки Э.Т.А. Гофмана: «Щелкунчик и Мышиный король»; *Америка в зазеркалье* (Нижегородская правда. 18.01.2017) — название детской книги английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в зазеркалье»; *Мост в вечность* (Новая газета. 04.03.2015) — название романа Р. Баха «Мост через вечность»; *Над пропастью ржи* (Коммерсантъ. 23.05.2018) — отсылка к роману американского писателя Дж. Сэлинджера

«Над пропастью во ржи»; *Легкий способ бросить дурить* (Коммерсантъ. 16.04.2018) — аллюзия на книгу Аллена Карра «Легкий способ бросить курить».

Как правило, заголовков, источниками которых послужили названия литературных произведений зарубежных авторов, гораздо меньше, чем заголовков, отсылающих читателей к названиям литературных произведений русских авторов. Очевидно потому, что не всем могут быть известны данные зарубежные произведения и это не делает прецедентный феномен эффективным.

Можно сделать вывод, что журналисты, используя прецедентные тексты в заголовках статей, стараются использовать те источники, которые будут известны широкому кругу читателей, поэтому чаще встречаются примеры заголовков, источниками которых были названия классических литературных произведений отечественных авторов.

Что касается наиболее употребительных источников прецедентных текстов, то ими являются источники, которые отсылают адресата к так называемому телевизионному прецедентному тексту [Гудков 2003]: *От расцвета до заката* (Новая газета. 27.01.2016) — название фильма «От заката до рассвета»; *Унесенные взрывом!* (Московский комсомолец. 25.03.2017) — ср.: американский кинофильм «Унесенные ветром»; *Эффект бабушки* (Новая газета. 31.03.2017) — американский фильм «Эффект бабочки»; *Миллионы из трущоб* (Новая газета. 28.04.2017) — фильм «Миллионер из трущоб»; *Квартирно жить не запретишь* (Коммерсантъ. 14.04.2018) — советский фильм «Красиво жить не запретишь», название которого стало общеизвестным выражением.

Среди таких источников прецедентных феноменов, как названия популярных кинофильмов отечественных и зарубежных авторов, преобладают последние, которые отсылают нас к названиям зарубежных фильмов. Нельзя точно сказать, с чем это связано, но можно предположить, что читательская аудитория

более молодого возраста предпочитает американские кинофильмы.

В качестве прецедентных текстов журналисты стараются использовать разнообразные источники, но наиболее употребительными источниками являются классические литературные произведения и названия фильмов, как отечественных, так и американских режиссеров, поскольку они легче всего распознаются адресатом.

Следующая популярная разновидность прецедентных феноменов — прецедентные высказывания. Прецедентное высказывание в нашем понимании — это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» [Гудков, Красных 1997: 106]. К прецедентным высказываниям относятся цитаты различного характера, а также пословицы и поговорки. Один из самых частотных источников прецедентного высказывания — поэтический текст: *И сам обманываться рад?* (Московский комсомолец. 04.02.2016) — ср.: «Я сам обманываться рад!» — строки из стихотворений А.С. Пушкина «Зимний вечер» и «Признание»; *Няни всякие страшны* (Московский комсомолец. 18.03.2016) — ср.: «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны»; *Это он, это он, наш московский турбийон* (Московский комсомолец. 01.04.2016) — ср.: «Это он, это он, ленинградский почтальон» — строки из стихотворений С.Я. Маршака; *Умом Россию не понять, законом общим не измерить* (Московский комсомолец. 31.03.2017) — строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...»; *Буря болю Землю кроет* (Московский комсомолец. 24.06.2019) — ср.: «Буря мглою небо кроет» и др.

Заголовков, источниками которых являются строчки из стихотворных произведений зарубежных авторов, встречается не так много, как заголовков, отсылающих читателей к стихотворным произведениям отечественных авторов. Интересно, что большинство выявленных заголовков, источниками которых

являются стихотворные произведения зарубежных авторов, отсылают нас к знаменитой, всем знакомой фразе из монолога Гамлета в одноименной трагедии У. Шекспира: «Быть или не быть — вот в чем вопрос»: *Врать или не врать — вот в чем вопрос* (Московский комсомолец. 11.03.2016); *Быть или не быть Ильичу* (Новая газета. 17.03.2017).

Большое количество прецедентных высказываний, основанных на стихотворных литературных произведениях, как мы полагаем, связано с тем, что, во-первых, благодаря ритмической и звуковой организации самих прецедентных высказываний они достаточно легко запоминаются и воспроизводятся читателем, а, во-вторых, тем, что между стилистикой медийного текста и поэтического текста наблюдается наибольший контраст. Также необходимо отметить, что чаще встречаются прецедентные высказывания, отсылающие адресата к стихотворным литературным произведениям именно отечественных писателей, поскольку, безусловно, подобные тексты известны более широкому кругу читателей по сравнению с текстами зарубежных авторов.

Регулярно в медийных источниках встречается и такая разновидность прецедентного феномена, как прецедентное имя, т.е. «“индивидуальное имя”, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [Гудков, Красных 1997]. Прецедентные имена, которые обладают широкой известностью в рамках определенной лингвокультурной общности, «могут получать определенное понятийное содержание, в результате указывать на конкретного индивида и обозначать группу лиц, приписывая им определенные признаки, качества, т.е. функционировать подобно нарицательным существительным. За прецедентным именем закрепляется определенное значение» [Русское культурное пространство 2003: 26]. К источникам прецедентных имен можно отнести имена библейских героев: *Мадам и Ева* (Новая газета. 18.03.2016) — Адам и Ева; имена ге-

роев фильмов — *Халк разбушевался* (Московский комсомолец. 06.04.2016) — имя вымышленного супергероя, появляющегося в фильмах киностудии Marvel; имена писателей — *Мольер. Но другой* (Новая газета. 01.03.2017), *Гений Горький* (Нижегородская правда. 01.03.2017); имена героев литературных произведений — *Кому шесть лет болтал «Шалтай»?* (Новая газета. 03.02.2017), *Почему «Шалтай-Болтай» не ломал «Роснефть»?* (Новая газета. 06.02.2017) — Шалтай-Болтай — персонаж многих классических английских детских стихотворений; *Призрак «Онегина» бродит по Европе и ведет итальянских звезд в Москву, в Москву* (Новая газета. 20.02.2017) — Евгений Онегин — главный герой одноименного романа в стихах А.С. Пушкина; *Робинзон из Конькова и его Пятница* (Московский комсомолец. 19.04.2017) — в данном заголовке употреблены прецедентные имена «Робинзон» и «Пятница» из романа английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо».

Прецедентные имена — это важная составляющая национальной картины мира. Использование прецедентных имен способствует привлечению внимания читателя к форме текста, делает его менее формальным. Прецедентные имена чаще всего отсылают нас к хорошо знакомым именам авторов или героев литературных произведений, однако используются в современных текстах массовой коммуникации не так активно, как, например, прецедентные высказывания.

Узнаваемость — одна из главных особенностей прецедентного феномена. Незузнаваемый прецедентный феномен, который известен лишь узкому кругу читателей, не сможет в полной мере выполнить свою функцию, т.е. ярко и точно передать ту или иную мысль, выразить эмоцию.

Следует отметить, что медийный язык — это живая и постоянно развивающаяся система, которая требует от журналистов постоянного творческого напряжения. Отсюда и специфика отбора языковых средств на страницах массмедиа. Журналисты очень часто используют золотой фонд русской

классики, апеллируя к творчеству великих русских писателей, многие авторы независимо от возраста и опыта стараются использовать современные популярные фильмы, песни, их названия и фразы из них в «каноническом» и «трансформированном» виде. Канонические — прецедентные феномены, которые употребляются без изменений. Под трансформированными прецедентными феноменами понимают феномены, в которых присутствуют «намеренные внесения автором изменения с целью достижения определенного коммуникативного эффекта» [Миронова 2013: 8].

Прецедентными могут быть тексты, включенные в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном (квазицитация), поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах [Земская 1996: 157].

Безусловно, большой интерес и креативность в функционировании проявляют трансформированные прецедентные феномены. Прецедентные феномены в каноническом виде, т.е. в том значении, в котором они существуют в сознании общества, употребляются гораздо реже, чем в трансформированном, поскольку на фоне большого количества трансформированных прецедентных феноменов нетрансформированные теряются и перестают выполнять свою главную функцию — акцентирования внимания и побуждения к изучению материала.

Можно назвать основные причины использования в языке массмедиа (особенно в заголовках) трансформированных прецедентных феноменов: во-первых, необходимость привлечения внимания читателя, так как именно заголовок связывается в памяти со знакомой фразой или явлением; во-вторых, лучшее объяснение смысла; в-третьих, прецедентные феномены используются во избежание прямого высказывания, которое может быть нежелательно в медийном источнике.

Рассмотрим подробнее трансформированные прецедентные феномены с разными видами изменений.

По мнению Б.В. Кривенко, все трансформированные прецедентные феномены, которые используются в публицистике, можно разделить на два разряда:

- 1) семантические;
- 2) аналитические.

К семантической трансформации относится прием совмещения двух семантических планов — фразеологического и буквального, т.е. «при семантической трансформации состав самого прецедентного феномена остается неизменным, но при этом, в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект» [Кривенко 1993: 47].

Так, например, устойчивое выражение «тот еще фрукт», лексическое значение которого выражает несколько презрительное отношение, использован в неизменно каноническом виде в заголовке статьи «*Тот ещё фрукт*» (Аргументы и факты. 06.05.2015). В данной статье рассказывается о странах, в которых лучше не стоит приобретать фрукты. Прямое значение высказывания отсылает читателя к содержанию статьи, а лексическое значение самого устойчивого выражения формирует определенное настроение.

Следующий прецедентный феномен, использованный в неизменно каноническом виде в заголовке статьи «*Я спросил у тополя...*» (Московский комсомолец. 06.06.2015), отсылает читателя к песне «Я спросил у ясеня» из кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром». Статья посвящена Эдуарду Тополлю, писателю, выпустившему очередной детективный роман. В данном заголовке мы можем наблюдать игру слов — нарицательное существительное «тополь» созвучно с фамилией человека, про которого рассказывается в статье. В следующем заголовке источником прецедентного феномена послужило название одноимённого фильма: *В бой идут одни старики* (Московский комсомолец. 18.06.2015) — речь идет о том, что московские

пенсионеры устраивают митинг, посвященный отмене транспортных льгот.

Далее рассмотрим случаи использования прецедентных феноменов в заголовках статей, в которых наблюдается так называемая буквализация выражений. Буквализация в нашем понимании — распространенный прием актуализации экспрессии прецедентных феноменов, это буквальное толкование, понимание чего-либо. Например, прецедентное высказывание «*Лёд тронулся*», крылатая и всем известная фраза героя книг «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» Остапа Бендера, употреблено журналистом в неизменно каноническом виде: *Лёд тронулся* (Аргументы и факты. 22.03.2017). В статье сообщается о том, что в регионе активно готовятся к повышению уровня воды в реках. Как и в предыдущем случае, в следующем прецедентном феномене, который использован в заголовке, наблюдается буквализация выражения: *Вывести на чистую воду* (Аргументы и факты. 03.03.2017) — материал посвящен тому, что в городе Кстове в водопроводе обнаружили опасный ротавирус. Источником прецедентного феномена в данном случае послужил фразеологизм «вывести на чистую воду» со значением ‘разоблачить’.

Второй вид трансформации — аналитическая — в отличие от семантической вносит изменения в словесный состав прецедентного феномена. Данная разновидность более разнообразна по своим приемам и сводится к нескольким основным типам: лексической и синтаксической.

Лексическая трансформация предусматривает своего рода «манипуляцию» с элементами прецедентных феноменов:

- 1) замена одного или нескольких лексических компонентов прецедентного феномена;
- 2) расширение прецедентного феномена за счет добавления одного или нескольких компонентов;
- 3) усечение прецедентного феномена [Земская 2004: 201].

В случае лексической трансформации происходят манипуляции с одним словом или несколькими элементами.

Рассмотрим прецедентные феномены, отсылающие нас к названиям художественных произведений, в которых наблюдается замена одного компонента: *О, дивный «Новый курс»!* (Московский комсомолец. 15.04.2016) — ср. название антиутопического, сатирического романа О. Хаксли «О дивный новый мир». Здесь наблюдается замена на ту часть речи и на ту форму слова, которая использовалась в исконном варианте. В следующем прецедентном феномене произошла замена одной части речи на другую: *Похороните щенка за плитусом* (Московский комсомолец. 11.03.2016) — ср. название автобиографической повести П. Санаева «Похороните меня за плитусом» — личное местоимение в форме винительного падежа заменяется на нарицательное существительное мужского рода в форме единственного числа винительного падежа.

В следующих прецедентных высказываниях, также отсылающих нас к цитатам из художественных произведений, заменяются сразу несколько компонентов: *Врать или не врать — вот в чем вопрос* (Московский комсомолец. 11.03.2016) — ср. фраза из монолога Гамлета в трагедии «Гамлет» У. Шекспира: «Быть или не быть — вот в чём вопрос»; *Еда горела по стране, еда горела* (Московский комсомолец. 19.03.2016) — ср. цитата из стихотворения «Зимняя ночь» Б. Пастернака «Свеча горела на столе, свеча горела». Как можно заметить, в данных примерах происходит замена сразу нескольких компонентов в составе прецедентного высказывания, но за счет того, что все компоненты остаются в тех же формах, что и в исконном варианте, и не происходит перестановки компонентов в пределах одного текста, читатель с легкостью может определить источники прецедентных феноменов.

Довольно часто встречаются варианты с заменой компонентов в составе заголовков, отсылающих читателя к названиям кинофильмов или фразам из них: *Реквием по Моцарту* (Московский комсомолец. 05.03.2016) — ср.: «Реквием по мечте»; *Человек вождя: Рамзан Кадыров как любимый политический*

проект президента (Московский комсомолец. 11.04.2016) — ср.: «Человек **дождя**».

Замена компонентов — это один из самых распространенных способов модификации прецедентных феноменов. Как правило, в большинстве случаев при замене сохраняются часть речи и форма слова, которые были использованы в исходном варианте для того, чтобы прецедентный феномен был легко узнаваем.

Следующий способ лексической трансформации прецедентных феноменов — добавление компонентов, при котором в состав неизменного прецедентного феномена включается дополнительный компонент.

Так, заголовочный комплекс отсылает нас либо к названию музыкальной рок-группы, либо к названию арабского государства Палестины: *Цыганский Сектор Газа* (Московский комсомолец. 18.03.2016). В исходное прецедентное имя включается прилагательное «цыганский», поскольку в статье говорится о штурме цыганского табора на окраине Тулы, из-за чего бунтовщиков лишили газа.

Журналист при помощи данного вида трансформации может акцентировать внимание читателя и на конкретной персоне: *США и Евросоюз помогают Савченко скрутить Россию в бараний рог* (Московский комсомолец. 09.03.2016); *Быть или не быть Ильичу* (Новая газета. 17.03. 2017).

Еще один возможный вид лексической трансформации прецедентных феноменов — усечение компонентов. Открытость и незавершенность заголовка, в котором встречается данный вид трансформации, призваны заинтриговать читателя. Усечение компонентов наблюдается в следующих случаях при ссылке к известным народным высказываниям: *За что боролись* (Новая газета. 27.02.2015) — ср.: «За что боролись, на то и напоролись»; *Не было бы Счастья...* (Новая газета. 16.03.2016) — ср.: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Во многих случаях наблюдается усечение конечной части выражений, что может свидетельствовать о том, что даже если помещать в заго-

ловок статьи неполную поговорку или поговорку, они все равно будут узнаны читателем.

Усечение компонентов — наименее частотный вид трансформации прецедентных феноменов. Возможно, этот способ является затруднительным для восприятия и узнавания прецедентных феноменов, но, как правило, журналисты стараются использовать в заголовке статьи ту часть прецедентного феномена, которая знакома широкому кругу читателей.

Также возможны более сложные варианты трансформации при совмещении базовых разновидностей.

При обращении к прецедентному материалу журналист может сочетать в нем замену и усечение компонентов. Например, в заголовке *Стой среди своих* (Московский комсомолец. 17.03.2016) — ср.: «Свой среди чужих, чужой среди своих» — трансформируется название кинофильма за счет замены притяжательного местоимения «свой» и имени прилагательного «чужих», а также за счет усечения конечной части высказывания; *Няни всякие страшны* (Московский комсомолец. 18.03.2016) — ср.: «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны» — трансформируется цитата из стихотворения С.В. Михалкова за счет замены нарицательного существительного «мамы» и формы краткого прилагательного «важны». При трансформации цитаты из ироничного стихотворения советского поэта В.И. Лебедева-Кумача «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек» имя существительное «букашка» заменяется на имя существительное «губернатор» и, как в предыдущих заголовках, усекается конечная часть выражения: *Без бумажки ты... губернатор!* (Московский комсомолец. 12.03.2016).

Одновременные добавление и замена компонентов встречаются существенно реже. Так, в заголовке *Это он, это он, наш московский турбийон* (Московский комсомолец. 01.04.2016) — ср.: «Это он, это он, ленинградский почтальон» — наблюдается добавление в состав прецедентного высказывания притяжательного местоимения «наш» и замена прилагательного «ленинградский» на «московский», а имя существительное «почтальон» за-

меняется на «турбийон». В заголовке *Щи из топора солдата Иванова* (Нижегородская правда. 22.02.2017) трансформируется название русской народной сказки «Каша из топора» за счет одновременной замены существительного «щи» и добавления компонентов «солдата Иванова». Что касается следующего прецедентного феномена «яблоко раздора», то в его составе наблюдается добавление существительного и союза, а также замена одного компонента на другой при создании заголовка *Метла созидания или раздора?* (Аргументы и факты. 05.04.2017).

Второй вид аналитической трансформации — синтаксический — подразумевает возможные замены утвердительной конструкции на отрицательную, и наоборот, повествовательное предложение может заменяться вопросительным. Кроме того, при синтаксической трансформации нередко происходит замена видов синтаксической связи.

Например, при создании заголовка *Красота — страшная, но не сила* (Московский комсомолец. 17.04.2017) утвердительная конструкция заменилась на отрицательную — ср. «Красота — страшная сила».

Иногда трансформация происходит за счет замены вопросительной конструкцией, что приводит к изменению типа предложения по цели высказывания: *Чистой воды развод?* (Нижегородская правда. 12.04.2017) — ср.: «Чистой воды»; *Внешность наудачу. Красота спасёт мир?* (Аргумента и факты. 01.02.2017) — ср.: «Красота спасет мир».

В следующих прецедентных феноменах кроме лексической замены происходит также добавление компонентов и замена повествовательного предложения вопросительным: *Метла созидания или раздора?* (Аргумента и факты. 05.04.2017) — ср.: «Яблоко раздора».

Также прецедентные феномены трансформируются одновременно с помощью буквализации и добавления компонента(-ов), что позволяет читателю заранее понимать, чему посвящена статья: *Голубой огонёк надежды* (Нижегородская правда. 01.02.2017) — материал о том, что у жителей разных уголков

Нижегородской области появился в домах газ; в статье с заголовком *Детки, рожденные в клетке* (Московский комсомолец. 17.01.2017) рассказывается о детях, рожденных в тюрьме.

Какой бы вид трансформации ни использовался в заголовке статьи, читатель всегда обратит внимание на заголовок, который будет ему напоминать знакомую фразу из фильма или строчку из песни и, как следствие, прочитает статью. Другое дело, уместно или неуместно будет использован заголовок по отношению к содержанию статьи. Нередко журналист в погоне за новым креативным средством выражения мысли при трансформации прецедентного феномена создает двусмысленный заголовок: *Пришел, увидел, возбудил* (Новая газета. 18.04.2016), *Туда — обратно. И всем приятно* (Нижегородская правда. 06.02.2017). В этих случаях возникает вопрос об уместности подобного использования прецедентных феноменов. В погоне за экспрессией журналисты могут нарушать и этические нормы. Так, в статье с заголовком *Говорят, мы бяки — «буки»* (строчка из песни советского мультфильма «Бременские музыканты») (Московский комсомолец. 21.03.2015) сообщается о малазийском самолете «Боинг», якобы сбитом российским комплексом «Бук», по мнению зарубежных массмедиа. Употребление прецедентного феномена с игровой окраской неуместно для материала, в котором сообщается о гибели людей. Или, например, в статье с заголовком *Да и клен с ними!* (Московский комсомолец. 25.03.2017), в которой сообщается о проигрыше российских керлингисток канадской сборной, наблюдается неуместное использование ненормативной лексики с целью выражения определенного отношения автора к результату матча.

Таким образом, независимо от того, в каком виде употреблен прецедентный феномен, в трансформированном или неизменно каноническом, в языке современных средств массовой информации он становится своего рода строительным материалом для создания новых, неожиданных и ярких образов в медийных текстах, которые привлекают внимание читателей.

В целом, анализируя прецедентные феномены в медиатекстах, можно заметить, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. «Цитаты из художественных произведений, популярных песен, широко известные изречения афористического типа и т.п. используются как средство экспрессии, переводя речь говорящего в шутливую тональность. Как правило, цитаты при этом выступают в расширительном переносном значении, создавая двуплановость сообщения» [Слышкин 2000: 155]. Использование прецедентных феноменов имеет характер своего рода языковой креативной игры: автор предлагает загадку, а читатель ищет на нее ответ уже в самой статье. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным.

1.6. Культурная апроприация заимствований на лексико-семантическом уровне

Совершенно очевидно, что за последние годы под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей русский язык претерпел и продолжает претерпевать серьезные изменения на всех уровнях языковой системы и ее речевой реализации в разных типах дискурса. Однако, оценивая в целом активные процессы в современной русской речи последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что в плане именно способов языковой концептуализации мира русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей.

Мы исходим из того, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода «переиначивание» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультур-

ных моделей поведения. «Знаковые» в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира.

Наша идея состоит в том, что как раз в этой области заимствования оказывают крайне малое влияние на исконно русские модели восприятия действительности в языке [Русский язык 2014]. Любой язык во все времена был, есть и будет зоной напряженного культурного взаимодействия «своего» и «чужого», что вообще представляется универсальной инвариантной культурной доминантой цивилизации, значимой не только для жизни языка. В плане же современных инновационных тенденций в лексике и грамматике русского языка, как он представлен в коммуникативной среде интернет, мы имеем дело с так называемой **культурной апроприацией заимствований** [Радбиль 2017].

Суть этого процесса, имеющего комплексную (когнитивную, семиотическую, культурную, коммуникативно-прагматическую, регулятивно-ценностную, речеповеденческую и пр.) природу, заключается в том, что иноязычные по происхождению элементы разных уровней языка в дискурсивных практиках носителей русского языка подлежат обязательному приобщению к исконно русским моделям языковой концептуализации мира, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам, т.е. к тому, что несколько нетерминологично можно именовать «русский взгляд на вещи».

Что же это за исконно русские модели мира, ценностные приоритеты и коммуникативно-прагматические установки, рефлекс которых нам предстоит искать в новообразованиях в среде интернет? В работах А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и др. были выявлены разнообразные базовые доминанты «семантического универсума» русского языка. Назовем некоторые из них, наиболее репрезентативные в плане нашего исследования:

- установка на эмпатию [Вежбицкая 1997];
- чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации ситуации [Радбиль 2017];
- гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997]);
- острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]);
- соотносительность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом [Социокультурные и прагматические аспекты 2018];
- ироническое «остранение» карнавального типа и пр. [Радбиль 2017; Социокультурные и прагматические аспекты 2018] и др.

Как «работает» когнитивный и культурный механизм культурной апроприации заимствований, мы покажем на следующем примере. Зададимся вопросом, в какой мере воспринимается как заимствованная лексема *безлимитище*? Совершенно очевидно, что, несмотря на наличие формально иноязычного корня, сам характер деривации этого слова с размерно-оценочным суффиксом *-ищ-* на базе исходного прилагательного *безлимитный (тариф)* свидетельствует о его вхождении в типично русские модели номинации ситуации. Здесь мы видим сложный и нерасчлененный комплекс смыслов, с одной стороны, одним словом как бы схватывающих целый фрейм — систему опций и предпочтений при приобретении телефонного тарифа, а с другой — регламентирующих для говорящего и адресата определенное отношение к этому объекту номинации, вписывающих его в систему ценностных установок сложной природы (здесь можно видеть уже указанную выше чрезмерную гиперболизацию и даже гипертрофию эмоциональной реакции на в общем-то нейтральный объект, какую-то неформальность и «свойскость», делающую изначально внеоценочный денотат чем-то близким, родным).

Что-то подобное видим и в заимствовании *флешка* (официально — *флеш-накопитель* или *флеш-память*). Интерес вызывает формант *-к-*, который, видимо, реализует нерасчлененный смысловой комплекс — указание на малый размер + категоризацию по женскому роду (и то, и другое отсутствует в языке-источнике, а для русского языка становится существенным для понимания смысла). В русском языке есть словообразовательная модель отсубстантивной — чаще всего метафорической деривации предметов быта или обихода: *трубка* ← *труба*, *ножка* (стола) ← *нога*, *ручка* (письменный прибор) ← *рука*. Также имеются и заимствованные слова данной тематической группы с субморфом *-к*, синхронически непроеизводные — типа *тарелка*. Возможно, в этот словообразовательный тип вовлекается и *флешка*. Но есть ряд вопросов. С одной стороны, женский род *трубки* и *ножки* диктуется родом производящего слова, с другой стороны, ряд предметов обихода легко образуются и по мужскому роду — *носик* (чайника), *валик*, имеются и синхронически непроеизводные: *ролик*, *дротик*. Почему же *флешка*, а не **флешик*, и даже не *флеш* или *флешь*?

Конечно, по этому поводу можно вспомнить известный пассаж Э. Сепира: «Так, в немецком и французском языках мы вынуждены присвоить “камню” категорию рода — возможно, фрейдисты смогут объяснить нам, почему этот объект относится к мужскому роду в одном языке, а в другом — к женскому; в языке чиппева мы не можем выразить соответствующую мысль без указания того внешне несущественного для нас факта, что камень является неодушевленным объектом» [Сепир 1993: 256]. О.А. Корнилов связывает это с действием «произвольности национального ассоциативного мышления», которое есть не что иное, как проявление его свободы [Корнилов 2003: 234—235]. В каждом языке имеется своя «национальная логика» закрепления определенных ценностно значимых свойств и признаков за тем или иным денотатом, по той или иной модели категоризации. В.Г. Гак, кстати, вслед за В. фон Гумболь-

дтом, именовал подобные эффекты просто — «дух языка»: «Итак, “дух языка” и есть, по-видимому, то, как языки организуют высказывание при описании одной и той же ситуации» [Гак 1966: 327].

Но даже если бы и получился *флешик* вместо *флешка*, принципиально ничего бы не изменилось. Все равно иноязычный корень так или иначе попадает в круг русских моделей экспрессивно-оценочной характеристики обычных, нейтральных вещей и понятий. Кстати, знаком дальнейшей апроприации заимствования является, на наш взгляд, образование прилагательного *флешечный*:

Ответы Mail.Ru: посоветуйте флешечный антивирус хороший... (https://otvet.mail.ru).

Таким образом, весьма примечателен тот факт, что окказиональные дериваты на базе иноязычных элементов образуются по типично русским моделям экспрессивного словообразования, о специфике которых именно в плане выражения русского национального характера говорит А. Вежицкая, размышляя о русских суффиксах субъективной оценки, выражающих специфически русскую черту — *эмпатию* по отношению к объекту номинации, т.е. эмоциональную вовлеченность говорящего, его сопричастность объекту номинации. А. Вежицкая вводит в толкование представление о неопределенном свободно плавающем «хорошем чувстве»: ‘когда я думаю о X, я чувствую что-то хорошее’ [Вежицкая 1997].

В этом мы видим проявление тенденции эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения к миру вообще, атмосферы особой эмоциональной насыщенности и личностной вовлеченности в номинацию вещей и событий, которая распространяется даже на самые обычные вещи, окружающие человека, в норме не подлежащие какому-либо оцениванию или эмоциональному переживанию их бытия (нас окружают носики чайника, ножки стола, шариковые ручки, форточки, зонтики, валики, ролики и пр. — каждый из нас легко продолжит этот

список). Ни в одном случае речь не идет на указание на малый размер объекта (едва ли носик чайника меньше носа человека, а платочек в песне вовсе был не маленький, носовой, а вполне себе обычный платок).

Займствованные лексемы естественным образом вовлекаются в этот круг тотальной эмпатии русского дискурса. Очевидно, что носители языка в своей речевой практике как бы присваивают (по словам Э. Бенвениста) иноязычные элементы как знаки инокультурного бытия. Языковое сознание словно не позволяет слову ничего не значить и не иметь никаких коннотативно-оценочных возможностей. Поэтому иноязычные аббревиатуры приобретают русские диминутивные суффиксы, что тут же погружает их в систему национальных «языковых привычек» выражать определенные культурно значимые эмоциональные и ценностные приоритеты: *USB* становится *юэсбишкой*, *CD-ROM* превращается в *сидюк*, а *PC* (аббревиатура от PC — personal computer) — в *писюк*.

Так в иноязычном по происхождению слове возникают культурно-обусловленные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые как бы «обнуляют» заимствованный характер этого слова, приобщают его к фонду типично русских способов вербальной реакции на действительность, концептуально интерпретации явлений внешнего и внутреннего мира в словесном знаке. Слово становится элементом «русского мира» [Радбиль 2017].

При этом культурная апроприация иноязычных элементов имеет вполне отчетливые фонетические и орфоэпические, семантические, лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-стилистические признаки, по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами. Эти признаки мы предлагаем именовать **параметрами оценки степени культурной апроприации**, которые выделяются на разных уровнях системы языка и в разных сферах ее функционирования.

На лексико-семантическом уровне рефлексy культурной апроприации иноязычных элементов проявляются в приобретенной идиоматичности, которая находит свое выражение в разнообразных смысловых и эмоционально-оценочных приращениях, в сравнении с языком-источником.

В результате этого возникают любопытные когнитивные эффекты так называемой концептуальной двуплановости получившихся новообразований, механизмом которой является так называемая скрытая предикация. В таких словах мы можем выделить своего рода **диктумную часть**, актуализующую номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусную часть**, представляющую точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно русским формантом.

Рассмотрим, например, лексему *смайлик*. Иноязычный компонент — корень *смайл-* — выступает как **диктумная часть** (номинативное содержание понятия): ‘эмотикон; в электронной коммуникации — установившееся графическое обозначение, символ для передачи разнообразных эмоций отправителя информации’; русскоязычный компонент — суффиксальный субморф *-ик-* — выступает как **модусная часть** (точка зрения говорящего на объект номинации): указание на малый размер; категоризация по мужскому роду; эмпатия («уменьшительно-ласкательный» оттенок смысла) как выражение положительной эмоционально-оценочной реакции говорящего на объект номинации. В результате мы имеем дело со **скрытой предикацией**: объект перестает быть просто графическим символом; он вписан в систему ценностей «русского мира», его бытие личностно переживается говорящим посредством включения особого эмоционального, задушевного отношения к объекту номинации и к ситуации общения в целом.

Точно так же ведут себя и глагольные лексемы типа *отфрендить*, *затроллить*, *коннектить (ся)*, *приаттачить*, *поселфиться* и пр.

Правда, плюс в том, что законнектилось очень быстро и настроек минимум (forum.electrostal.com/index.php?topic=37137.285;wap2):

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ — корень *коннект(и-ть)*:

ДИКТУМНАЯ ЧАСТЬ (номинативное содержание понятия) ‘подключаться, присоединяться посредством интернет-соединения к какому-либо IP-адресу в сети, в том числе в социальных сетях, на форумах, чатах и пр.’

+

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ — префиксально-постфиксальная модель глагольного действия (начинательность и взаимно-возвратность) и грамматическая форма безличности в прошедшем времени на -о: **МОДУСНАЯ ЧАСТЬ** (точка зрения говорящего на ситуацию) — указание на феноменологический эффект [Вежбицкая 1997], т.е. на некую таинственность и загадочность как результат непредсказуемости мира, а также непередаваемое ощущение личностной эмоциональной вовлеченности говорящего в ситуацию, какой-то «свойскости» происходящего

=

СКРЫТАЯ ПРЕДИКАЦИЯ: обозначаемое действие перестает быть чисто техническим действием; оно также вписывается в систему ментальных моделей «русского мира», с его тяготением избыточно обозначать при номинации ситуации не только общую логическую схему действия, состояния или отношения, но и разнообразные нюансы (например, характер участников, способ протекания действия и пр.), в том числе, конечно же, и особенности точки зрения говорящего, его эмоциональной реакции на происходящее [Радбиль 2017].

В глагольной лексике разнообразные семантические, стилистические и эмоционально-экспрессивные эффекты скрытой предикации выражаются посредством включения иноязычного глагольного корня в русские модели грамматического оформления глагольной лексемы (формообразующий суффикс инфини-

тива *-ть/-ти*, личные окончания глагола, суффикс прошедшего времени *-л-* и пр.), которые в указанных единицах как раз и «отвечают» за модусный компонент — выражение отношения говорящего к обозначаемому процессу / действию / состоянию. Рефлексы семантизации по лексико-словообразовательному типу часто в таких случаях актуализирует и контекстное окружение — использование неформальных, сниженных слов и выражений, например, для *флексить* ‘хвастаться чем-либо’:

Многие русские блогеры флексят модными шмотками в «Instagram» (<https://vk.com/mudakoff>),

— или для *рофлить* ‘смеяться, кататься под столом от смеха’:

Привет, блин, ты что, рофлишь? (<https://vk.com/public126234890>).

Вот еще ряд примеров лексико-семантической аккультурации заимствованных глагольных корней, добавочным признаком которой является именно контекстное окружение:

Лайкать ‘помечать сообщение, публикацию с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью «Like» («Мне нравится»), добавляющую его в подборку «Понравившееся», «Избранное» на личной странице пользователя социальной сети’:

Сидеть дома и что-то лайкать, писать комментарии под никами — легко (<https://meduza.io/feature/2018/03/27/>);

Гамать ‘(от английского *game* ‘игра’) играть в компьютерные игры’:

Пацаны, я в школе на школьном компе майнкрафт установил), щя буду гамать (<https://vk.com/martichanelof>);

Стримить ‘(от английского *streaming* ‘потокковое вещание’) передавать данные (видео, звук) в реальном времени; слово стало популярным после того, как у всех пользователей Инстаграма и Фейсбука появилась возможность вести прямые видеотрансляции’:

YouTube научился стримить напрямую из браузера (<http://gagadget.com/youtube/>);

Флудить ‘общаться бесцельно, бессмысленно, писать большое количество одинаковых или практически одинаковых сообщений’:

Надо думать, не для того, чтобы общаться со знакомыми, а для того, чтобы **флудить** на форумах (<https://fn-volga.ru/newspaperArticle/view/id/7618>);

Френдить ‘вступать с кем-либо в один из видов виртуальной дружбы, заключающийся в чтении постов друг друга, получении регулярной информации друг о друге и т.п.; для этого в блогах, социальных сетях и форумах существует специальная функция’:

Френдить не френдил, но этот пост читала (<http://teenslang.su/id/9644>);

Байтить ‘копировать чей-либо стиль, подражать кому-либо (обычно в социальных сетях или компьютерных играх)’:

Многие сейчас **байтят** стиль Яны Фисти, выставляя похожие **фотки** в *Инстаграм* (<https://www.instagram.com>);

Гуглить ‘искать информацию в интернете с помощью поисковой системы’:

Я **погуглил**, но ничего не нашел (<https://www.facebook.com/groups/178431>);

Банить ‘выставлять бан, т.е. запрещать доступ на какой-л. сетевой ресурс’:

Microsoft собралась банить пользователей Xbox Live, Skype и других сервисов за «оскорбительную лексику» (<https://news.rambler.ru/internet/39464221-microsoft-sobralas-banit-polzovateley-xbox-live-skype-i-drugi-h-servisov-za-oskorbitelnuyu-leksiku/>);

Спамить ‘посылать большому числу людей нерелевантные электронные сообщения’:

Сейчас рекламщики постоянно **спамят** в «*Instagram*» (URL: <https://www.livejournal.com/?uselang=ru>);

Инстаграмить ‘выставлять фотографии и видео в социальную сеть «*Instagram*»’: **Инстаграмить** надо правильно (<https://pikabu.ru/story/>);

Троллить ‘размещать на форумах, блогах в интернете провокационные сообщения с целью вызвать конфликт между участниками коммуникации; насмеяться, провоцировать’:

Я пытался троллить украинцев (<https://inforesist.org/>);

Твитить ‘публиковать короткое сообщение в социальной сети «Twitter»’:

«*Пора перестать твитить и начать руководить*»: почему любовь Трампа к соцсетям расстраивает американских демократов? (<https://russian.rt.com/world/article/443086>).

Феномены подобного рода являются не злом, а подлинным благом для русского языка как носителя коллективного сознания и коллективной памяти этноса. Ведь подобные концептуально насыщенные номинации расширяют вариативность в обозначении явлений внешнего и внутреннего мира, раздвигают горизонты познания действительности и обогащают экспрессивный и креативный потенциал языка. Используя иноментальные элементы, мы включаем их в исконно русские мыслительные схемы и паттерны оценочной реакции на мир вне и внутри нас, делая чужое своим.

Очень показательным примером «культурной русификации» является создание неолексемы по суффиксальной модели ‘житель какой-то местности’ от существительного *форум*, которое изначально не имеет потенциала обозначать географический пункт:

Форум-чан-е — обращение к людям, которые участвуют в обсуждении на форуме:

Здравствуйте, уважаемые форумчане! (<http://marianduma.mybb.ru/viewtopic.php?id=421>)

В такой версии инокультурная реалия органично вписывается в круг русских ценностей, становится в чем-то близкой, родной.

При создании неолексемы **Мультиаккаунт-ств-о** — создание нескольких аккаунтов (учетных записей) одним человеком для достижения каких-либо целей (финансовая прибыль, преимущество в играх и т.д.):

Господа, я сам занимаюсь «мультиаккаунтством» уже больше года и могу сказать, что сейчас виртуалку палят очень сильно (<http://marianduma.mybb.ru/viewtopic.php?id=421>);

— использован типично русский способ «схватывания» в отлагольной лексеме всей ситуации, целого фрейма, причем лексеме, созданной с нарушением стандартной модели словообразования, так как нет такого глагола — *мультиаккаунтить.

Чрезвычайно распространено в языке сети использование диминутивов, которые как раз ориентированы на включение инокультурных реалий и понятий в тотальный круг типично русской эмпатии — личностной вовлеченности говорящего в номинацию вещей и событий, его особую эмоциональную реакцию на них.

Особый интерес в этом плане представляют вариантные эмоционально-экспрессивные образования неолексем, которые помимо диминутива могут реализовать другую версию, с просторечным суффиксом *-ух(a)*: так, например, наряду с диминутивом: **превью-шк-а** (англ. Preview — «предварительный просмотр»):

Я загружаю размером одним, а превьюшка представляется совсем в другом размере и на много меньше, чем мне надо (<https://drupal.ru/node/62717>),

— имеется и **превью-х-а**:

*Возникла такая проблема, перестали генерироваться **превьюхи** (<https://ru-lightroom.livejournal.com/174877.html>).*

К этим явлениям примыкают разнообразные рефлексы универбации, которые также несут на себе печать определенного стилистического понижения, т.е. вовлечения в круг неформального отношения к объектам номинации, своего рода «свойскости», даже некоторой задушевности.

Браузер-к-а — онлайн-игра, которая работает через браузер и не требует установки дополнительных приложений на компьютер:

*Мне нужно 5 аккаунтов в одной **браузерке**, но чтоб у каждого акка были постоянные ip-адреса, дабы не забани-*

ли за мультиаккаунство (<http://marianduma.mybb.ru/viewtopic.php?id=421>);

Виртуал-к-а (виртуальная машина) — программа, с помощью которой можно установить любое количество операционных систем на компьютер:

Любые действия, проведенные с операционной системой под виртуалкой, не повлекут за собой никаких последствий! (<https://it-sektor.ru/virtualbox-besplatnaya-virtual-naya-mashina.html>).

Другую культурную установку — на чрезмерную гиперболизацию при номинации самых обычных лиц, вещей, явлений или событий — отражает модель окказионального образования аугментативов («увеличительных» неолексем) на базе иноязычных корней посредством размерно-оценочных суффиксов: **респект-ищ-е** (англ. *respect*) — выражение благодарности, уважения:

Респектище тебе, добрый человек! (<https://www.ejabberd.im/node/2661/index.html>).

В плане рассматриваемых нами рефлексов «культурной апроприации» заимствований интерес представляют разнообразные номинации деятеля посредством исконно русских суффиксов, которые изначально имеют несколько сниженный характер и потенциально также несут на себе оттенок неофициальности, свойскости — это такие показатели, как **-щик-**, **-ник-**, **-шник-** и им под.:

Инстаграм-щик — активный пользователь социальной сети Instagram:

Другие же яро ненавидят всех типичных инстаграмщиков, считая такую «жизнь на показ» вычурной и фальшивой (<https://ru-insta.com/>);

Апгрейд-щик — человек, который улучшает систему (обычно компьютерную) с помощью замены компонентов на более новые или совершенные:

Но как апгрейщик ноутбуков скажу, что дело это неблагодарное и невыгодное (<http://www.tehnari.ru/f47/t103145/>);

Аниме-шник — человек, который увлекается аниме:

Анимешник качающий занимается тем, что постоянно качает аниму (<http://tenshiandakuma.forumbb.ru/viewtopic.php?id=198>).

Любопытен в этом плане пример своего рода «словообразовательной гиперхарактеризации», когда к слову, которое уже имеет суффиксальный показатель имени деятеля — иноязычный *-ер-*, избыточно добавляется еще и отечественный *-щик-*: **юз-ер-щик** (англ. user) — пользователь:

А юзерщику, действительно, никто не торопится объяснять, поскольку при его уровне знаний это будет такой гемморрой, что никто просто не возьмется (<https://phpclub.ru/talk/threads/7966/>).

Также показательным примером наведенной, приобретенной идиоматичности как отражения культурной освоенности выступает своеобразное ассимилирование иноязычных аббревиатур, которые изначально воспринимаются чисто механическим образом, соответствуя их семантике в языке-источнике. Так, элемент VIP сначала приобретает плеонастическую добавку, расшифровывающую непрозрачный для русского сознания иноязычный элемент: *VIP-персона*. Затем этот компонент окончательно вписывается в русскую грамматику — мы можем сказать (или написать) просто *VIPы*, *ВИПы* и даже *випы*.

То же для несколько более раннего периода мы наблюдали для аббревиатуры PR — «public relations». Через стадию чисто механической, фонетической русификации *пиар* данный корень активно включается в механизмы русского словообразования: *пиарить*, *пиариться*, *распиарить*, *распиариться*, *пропиарить*, *пропиариться*, *распиаренный*, *пропиаренный*, *пиарный*, *пиарищик* и пр.; есть даже деепричастия *пиаря*, *распиарившись* и пр.:

Вам не кажется, что вы форумом ошиблись, пиаря Теле2? (<http://www.cells.ru/forum/read.php?3,1729076,1729197>);

Расширившись на тему митингов и протестов, Александр стал правозащитником (<http://pelik911.livejournal.com/361382.html>).

Богатство и разнообразие указанных рефлексов аккультурации иноязычных элементов, их частотность и активность приводят к тому, что они уже и не воспринимаются как инокультурные феномены, хотя бы на уровне пользователей сети Интернет, состав которых сегодня растет в геометрической прогрессии.

Проанализированный материал еще раз продемонстрировал определенную свободу в обращении с заимствованным материалом, которая присуща отечественным дискурсивным практикам. Это свидетельствует, с одной стороны, о существенном креативном потенциале русского языка, а с другой стороны — о надежности барьеров, поставленных русской грамматикой и прагматикой на пути проникновения иноментальных и инокультурных моделей в «русский мир».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- 1. Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.*
- 2. Какова роль так называемых репрезентативных, диагностических контекстов при выявлении коннотативно-оценочных преобразований в лексико-семантической сфере? Приведите примеры. Есть ли аналоги в венгерском языке?*
- 3. Назовите два основных типа явлений, в которых проявляются активные процессы в области фразеологии; приведите примеры. Найдите параллели в венгерском языке.*
- 4. В чем суть «культурной апроприации заимствований»? Перечислите базовые доминанты «семантического универсума» рус-*

ского языка, выявленные в работах исследователей (А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и др.). Можете ли вы назвать доминанты «семантического универсума» венгерского языка?

5. Покажите, как на практике «работает» когнитивный и культурный механизм культурной апроприации заимствований (ср.: безлимитище, флешка).

6. Кратко охарактеризуйте особенности двух направлений в исследовании феномена языковой игры с точки зрения подхода к норме и авторским интенциям.

7. Назовите наиболее распространенные типы прецедентных феноменов. В чем специфика их функционирования, прежде всего в медийном дискурсе?

8. Какие трудности испытывают иностранцы, сталкиваясь с прецедентными феноменами? Есть ли разница между медийным дискурсом России и Венгрии в данном отношении?

9. На какие два разряда можно разделить трансформированные прецедентные феномены, в чем особенности их функционирования?

10. Изучив теоретический материал раздела 1.1, определите, какое слово (словосочетание) «лишнее» в двух столбцах, предлагаемых ниже:

1. Лексико-семантический вариант.	1. Лексико-семантическая группа.
2. Фразема.	2. Лексико-семантическое поле.
3. Семема.	3. Словообразовательная пара.
4. Сема.	4. Синонимический ряд.
5. Семантический компонент.	5. Антонимическая пара.

11. *Опираясь на материал раздела 1.2, заполните таблицу, вставив в правую колонку номера примеров, приводимых ниже:*

Разновидность инновации	Номера примеров
Семантические инновации: новая полисемия / омонимия	
Семантические инновации: изменение объема семантики	
Семантические инновации: наведение новой оценочности	
Собственно лексические инновации (заимствования)	

1. У меня интернет все время **тормозит**.
2. **Самоизоляция** не всегда плохо.
3. Я вчера купил новую **флешку**.
4. Опять мой ноутбук **вирус** поймал.
5. Новая игра **съела** много оперативной памяти.
6. Я еще фото **приаттачил**.
7. **Вакцинация** в хорошем смысле слова.
8. Новая **система** очень дорогая.

12. *К какой концептуально-метафорической модели овеществления (конкретно воспринимаемый объект (вещь), вещество, вместилище, пространственная среда и пр.) или одушевления (одушевленная сущность, человеческое существо, сверхъестественное существо и пр.) относится употребление выделенных лексем в следующих контекстах:*

- Самоизоляция** рождает самоизоляцию.
 Кто должен пребывать **в карантине**?
Коронавирус коварен.
 Волна **коронавируса** накрыла страну.

Мы погрузились в **самоизоляцию**.

Мы снова уперлись в **карантин**.

Приведите свои примеры вхождения лексем **самоизоляция, карантин, коронавирус** в модели концептуальной метафоризации по типу овеществления (конкретно воспринимаемый объект (вещь), вещество,местилище и пр.) и одушевления (одушевленная сущность, человеческое существо, сверхъестественное существо и пр.).

13. Какие новые значения развились в речи пользователей компьютеров и социальных сетей у таких слов, как **железо, мать, машина, умереть, висеть, грузить(ся), тормозить**? Назовите еще такие слова из разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы).

14. Новые значения многозначных слов. Дополните таблицу о новых значениях многозначных слов в сфере компьютерной лексики. В последнюю строку впишите своё слово.

	Определение	Венгерский эквивалент
Железо		
Камень		
Кишки		
Мать (мама)		
Мозги		

15. Определите коннотацию выделенных слов. Подчеркните в контексте слова, указывающие на положительную или отрица-

тельную оценку выделенного слова. Осторожно! Возможно, что выделенное слово не обладает коннотативным значением.

...Применить уже имеющиеся знания и навыки в экстремальных условиях борьбы с атаковавшим нас **коронавирусом** и откликнулись на призыв помочь врачам [НКРЯ — Татьяна Возовикова. Эпидемия обязывает // «Поиск», 2020].

«Благодаря **эпидемии** мы вновь узнали настоящих друзей» (<https://iz.ru/987065/nataliia-portiakova/blagodaria-epidemii-my-vnov-uznali-nastoiashchikh-druzei>).

Но в дело вмешался **коронавирус**, из-за эпидемии которого власти были вынуждены ввести чрезвычайное положение и отложить рассмотрение этого вопроса [НКРЯ — Григор Эмин-Терьян. Форс-мажорная отсрочка // «Поиск», 2020].

«**Истерия**» (в хорошем смысле слова) по поводу Олимпийских игр в Сочи напрягает и антимонопольные ведомства (<http://www.tver.fas.gov.ru/node/8256>).

Из-за **пандемии** коронавируса в мире стал чище воздух, в Венеции — каналы. (<https://www.interfax.ru/world/699907>).

Польша после завершения рождественских праздников переходит в режим общенационального **карантина** (<https://tass.ru/obschestvo/10363873>).

Но это мнение людей, которые погрязли в **нормальности** и никогда не прислушивались к собственным мыслям и чувствам (<https://biography.wikireading.ru/hEOthX67Tb>).

*16. На примере участия слова **хайп** в моделях концептуальной метафоризации проиллюстрируйте процессы культурного освоения собственно лексических инноваций.*

17. Приведите свои примеры образования «новых фразеологизмов» по типу освещенных в разделе 1.3.

*18. Дайте собственное толкование значений таких «новых фразеологизмов», как **кинуть ссылку**, **гуглить себя**, **снять***

бан? Опираясь на закономерности паронимии (созвучий слов), определите, что могло бы обозначать устойчивое интернет-выражение **отправить в баню**?

19. Поставьте в пропуски подходящий по смыслу глагол в правильной форме. Обратите внимание на семантическое расширение данных глаголов.

флудить, игнорить, банить / забанить, спамить / заспамить, троллить / затроллить

В Псковской области несколько школьников _____ Instagram губернатора Михаила Ведерникова просьбами перевести их на дистанционку. Они устроили в комментариях к постам целый флешмоб, призывая перевести обучение в регионе на дистанционный формат.

Модераторы _____ флудера, сто раз задавшего один и тот же вопрос. Больше он не может постить.

Любители охоты принялись _____ защитницу животных и публиковали все новые и новые снимки с убитыми животными.

Петербуржцы _____ в соцсетях фотографиями тумана. Фотографии с атмосферным явлением разошлись по соцсетям петербуржцев.

Меня _____ и не отвечали на мои просьбы помочь мне вернуть аккаунт.

Хватит _____ и повторять одно и то же!

Уже второй день меня _____ тысячами сообщений и звонками из всей страны.

Американских пользователей праворадикальных взглядов начали все решительнее _____ в «Фейсбуке», «Ютьюбе» и «Твиттере» за призывы к насилию, дезинформацию и другие нарушения правил.

В чат-боте МТС меня явно _____, не переводя на оператора и не отвечая, за что списана сумма 250 рублей, поэтому я решила обратиться за пояснениями к банку.

Более 30 игроков в World of Tanks были _____ за то, что выстроили танки в виде свастики.

«Зарядка прилагается»: конкуренты _____ Apple в соцсетях. Samsung пошутил про 5G, OnePlus про экраны, а Xiaomi — про аксессуары в коробке.

20. Проанализируйте слова иноязычного происхождения. Определите их диктумную и модусную части.

	Диктумная часть	Модусная часть
отфрендить		
поселфиться		
заковидить		
зумер		
бесконтактный		
ковидушка		
лайкать		
науглить		
лайтовый		
гифка		
чекинуться		
винтажный		
бэкапить		
форумчанин		
респектище		

21. *Опираясь на материал раздела 1.4, ответьте на вопрос: «О каких лингвостилистических и/или лингвопрагматических сдвигах свидетельствуют следующие контексты употребления выделенных слов?»:*

(1) Весь день теща меня **троллила**. Хорошо бы ее **забанить** на пару недель. Да боюсь, жена сразу станет меня **игнорить**.

(2) Не слишком ли преувеличена опасность **коронавируса**? Глупость и безответственность, по-моему, гораздо опаснее.

22. *Опираясь на материалы раздела 1.5, определите, в каких примерах имеет место семантическая трансформация прецедентного текста, а в каких — структурная?*

В бой идут одни старики — о митинге московских пенсионеров по поводу отмены транспортных льгот.

Няни всякие страшны — о ненадлежащем уровне профессионализма нянь.

Ковид крепчал — о новой вспышке коронавируса в регионе.

Лед тронулся... — о подготовке региона к повышению уровня воды в реках.

23. *Изучив материалы раздела 1.5, заполните таблицу, вставив в правую колонку номера примеров, приводимых ниже:*

Разновидность прецедентных феноменов	Номера примеров
Прецедентное имя реального лица	
Прецедентное имя литературного или мифического персонажа	
Прецедентное название произведения	
Прецедентное словосочетание устойчивого характера	
Прецедентное законченное высказывание устойчивого характера	

1. Врать или не врать — **вот в чем вопрос**.
2. США и Евросоюз помогают Савченко **скрутить** Россию в **бараний рог**.
3. **Я спросил у тополя** (о писателе Э. Тополе).
4. **Человек** вождя.
5. **«Киркоровщина»**, на мой взгляд, это не просто жанр, это вирус, вызывающий не только изжогу, но и тошноту, головные боли, инсульты, психические расстройства.
6. **Без бумажки ты...** губернатор!
7. Пьезопечка **Емели** на нанодровах
8. Людей в тундре — морж **наплакал!**
9. **Щи из топора** солдата Иванова
10. **Кихотизм** — это рыцарство. Во всей полноте понятия.

24. По материалам раздела 1.6, докажите наличие признаков культурной апроприации заимствований на лексико-семантическом уровне для выделенных слов в следующих контекстах употребления:

Респектище всем, кто в сети!

Русско-инстаграмный разговорник.

Сначала когда установили, долго **коннектилось** все, впоследствии оказалось что дело было в установочном ноутбуке.

Копирайтинг для социальных сетей: Как писать, чтобы «лайкали»?

Полезно, выгодно и... **фейсбучно!!!**

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Булыгина Ю.В. Языковая игра в речи студентов преподавателей как способ создания смехового пространства в общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.

3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 238—251.
6. Воройский Ф.С. Информатика: энциклопедический словарь-справочник. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2006. 768 с.
7. Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966. 335 с.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
9. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.
10. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 188 с.
11. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. 1997. № 4. С. 106—118.
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. (СЕ). М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1168 с.; Т. II. 1088 с.
13. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. 544 с.
14. Земская Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. 336 с.
15. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
16. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 360 с.
17. Ильясова С.В. Словообразовательная игра: традиции и новации (на материале языка СМИ конца XX — начала XXI в.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. кон-

- гресс исследователей русского языка: сб. тезисов. М.: МГУ, 2004. С. 276—277.
18. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА, 2009. 296 с.
 19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
 20. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
 21. Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь // Русская речь. 1993. № 3. С. 44—49.
 22. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
 23. Миронова Д.А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТГУ, 2013. 24 с.
 24. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorgo.ru>
 25. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в современной русской прозе // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 1. РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 551—561.
 26. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 344 с.
 27. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569—573.
 28. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107—115.
 29. Рацибурская Л.В. Специфика языковой игры в современных деривационных процессах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2005. Вып. 1 (6). С. 122—163.
 30. Русская грамматика: в 2 т. / редкол. Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
 31. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.

32. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
33. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
34. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., под ред. А.Е. Кибрика. М.: Наука, 1993. 656 с.
35. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 195—222.
36. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 13. 1962. 757 с.
37. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
38. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 382 с.
39. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
40. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной (СЭС). М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. 696 с.
41. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 341 с.
42. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. Вып. 10. С. 82—94.
43. ЭСС — Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова (ЭСС). 7-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2019. 480 с.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

2.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в словообразовании

Словообразование — многозначный термин, который имеет следующие значения:

1. Словообразование — процесс создания слов в языке и речи.
2. Словообразование — уровень системы языка; система языковых категорий, относящихся к производству и строению слов.
3. Словообразование — раздел языкознания, изучающий структуру слов и законы их образования.

Словообразование как процесс, в особенности создания новых слов, имеет творческий характер, является средством самовыражения личности. Кроме того, словообразование позволяет создать номинации для новых предметов и явлений, а также выразить их оценку. Поэтому носители русского языка активно используют возможности словообразовательной системы.

Результатом словообразовательных процессов являются новообразования, которые могут быть узуальными неологизмами и входить в язык, а могут быть индивидуально-авторскими неологизмами (или окказионализмами) и принадлежать не языку, а речи. Как те, так и другие новообразования широко представлены в разговорной речи, интернет-общении и особенно ярко проявляются в массмедиа и рекламе.

В данном разделе активные процессы в области словообразования рассматриваются на материале медийных текстов (тексты интернет-медиа, в том числе блогов, печатных СМИ,

телевидения) за период 2010—2021 гг. Данные тексты являются наиболее показательными, поскольку в медиа широко представлены результаты словообразовательных процессов, при этом медийные тексты доступны широкой аудитории, поэтому они оказывают большое влияние на речь современных носителей русского языка.

Медийное словотворчество отражает актуальные социальные процессы и явления. В словообразование вовлекаются **ключевые слова** эпохи, обозначающие важные социальные события, актуальные для современного общества понятия, имена значимых публичных лиц (политиков, общественных деятелей, звезд шоу-бизнеса). Поэтому, например, в период пандемии Covid-19 появилось большое количество новообразований на базе слов *коронавирус*, *ковид*, *пандемия*, *прививка*, *маска*, *вакцина* и др.

На базе этих ключевых слов создаются суффиксальные новообразования, а также дериваты с продуктивными префиксами противопоставления, отрицания, отсутствия (*анти-*, *без-*), временной семантики (*до-*, *пост-*), размерно-оценочной семантики (*сверх-*): *Несмотря на «коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается* (День города. 29.07—04.08.2020) — *коронавирус + -н-*; *Поэтому лучше не экспериментировать, не рисковать здоровьем, не устраивать «ковидные вечеринки»* (Российская газета. 28.04.2021) — *ковид + -н-*; *Не знаю, может, мне показалось, но в фильмах и сериалах пандемийной поры актеры держали между собой «социальные дистанции»...* (Российская газета. 26.04.2021) — *пандемия + -н-*; *В Европе новый вакцинальный скандал* (1-й канал. 25.04.2021) — *вакцина + -альн-*; *Антиковидные меры никто не отменяет* (Российская газета. 26.03.2021); *Все большую мощь год за годом набирает движение антипрививочников. И вот новая напасть — «секта безмасочников» <...> В соцсетях регулярно появляются видео, как из общественного транспорта, магазинов, зрелищных площадок с полицией выводят таких вот принци-*

альных **антимасочников** (Наша Версия. 02—08.11.2020); **Антивакцинаторы...** всякую чушь несут (Вести FM. 11.02.2021); **С 1 декабря 2020 года начала работать в бесковидном режиме больница 19...** (Om1.ru. 26.03.2021); **На карте России не осталось белых, безвакцинных пятен** (Россия-1. 26.03.2021); **Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит** (Россия-24. 13.05.2020); **Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни** (Россия-1. 07.06.2020); **Эксперт спрогнозировал возвращение в 2022 году безработицы на допандемический уровень** (Известия. 26.02.2021); **В допандемийное время количество участников форума превышало...** (5-й канал. 29.05.2021); **Отдых в посткоронавирусную эпоху будет другим** (1-й канал. 27.04.2020); **Постковидный синдром сегодня всесторонне исследуется учеными <...> появление бессоницы после коронавирусной инфекции стало одним из главных симптомов постковида <...> Впервые за последние 7 лет появилась навязчивая идея жениться <...> Согласен с детьми, с ипотекой, даже на постковидницу** (Московский комсомолец. 28.04—04.05.2021); **А я думал, как идеи сверхкоронавируса сносят башни поклонников коронавируса** (arion.ru 28.03.2020); **Инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали** (eva.ru/forum).

В разные периоды времени для создания новых слов чаще используются те или иные способы словообразования и словообразовательные модели. Такие способы и модели ученые называют **ключевыми моделями эпохи**. Ключевые словообразовательные модели и способы отражают особенности мышления носителей русского языка в определенный период времени, помогают понять отношение общества к обсуждаемым социальным событиям.

Основной единицей словообразования является **производное слово** — слово, созданное от какого-либо другого слова (**производящего слова**) с помощью словообразовательных средств. Например, слово *подоконник* — это производное слово,

созданное от производящего слова *окно* с помощью префикса *под-* и суффикса *ник-*. Производящее и производное слова вместе называются **словообразовательной парой**.

Словообразовательное средство, используемое для создания производного слова, называется **формантом**.

Словообразовательный формант — это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство (средства), которыми производное слово отличается от производящего. Например, глагол *нарисовать* отличается от *рисовать* префиксом *на-*, соответственно этот префикс *на-* является **формантом** слова *нарисовать*.

В языке существуют регулярные схемы, по которым создаются производные слова — **словообразовательные модели и типы**.

Словообразовательный тип — это совокупность производных слов одной части речи, характеризующаяся следующими признаками: а) общая частеречная принадлежность производящих слов; б) общий формант; в) общее словообразовательное значение.

Например, создание слов *домик*, *столик*, *ключик*, *носик* относятся к одному **словообразовательному типу**: имя существительное + суффикс *-ик-* = существительное с уменьшительно-ласкательным оттенком.

Словообразовательная модель — структурная схема производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Так, слова *домик*, *столик*, *ключик*, *носик* относятся к одной **словообразовательной модели**.

Механизм, по которому создается производное слово, называется **способом словообразования**. Способ словообразования определяется по виду форманта (суффикс — суффиксальный способ; префикс — префиксальный способ, префикс и суффикс — префиксально-суффиксальный способ и др.).

Словообразовательный способ может быть узуальным или неузуальным (окказиональным). Исследование узуальных и неузуальных способов словообразования является актуальной

проблемой современной русистики, основные положения этой концепции изложены в трудах Н.А. Валгиной, Е.А. Земской, С.В. Ильясовой, Р.Ю. Намитоковой, В.Н. Немченко, Н.А. Николиной, Л.И. Плотниковой, Н.А. Янко-Триницкой; характеристика узуальных и неузуальных способов словотворчества представлена также в трудах нижегородской дериватологической школы: Л.В. Рацибурской, Е.А. Ждановой, В.А. Куликовой, Н.А. Самыличевой, Т.Б. Радбиля, Е.В. Щениковой и др.

Узуальный способ словообразования — способ, регулярно используемый в языке для создания слов и не нарушающий словообразовательных норм.

В русском языке существуют различные узуальные способы словообразования, некоторые из них активно используются для создания слов, другие встречаются довольно редко. К основным узуальным способам, наиболее актуальным для современного словообразования, относятся следующие способы:

I. Способы создания простых слов.

1. Префиксальный (приставочный) способ — производное слово создается путем добавления приставки к основе производящего слова. Например: *читать* → *про-читать* (приставка *про-*), *красивый* → *не-красивый* (приставка *не-*).

2. Суффиксальный способ — производное слово создается путем добавления суффикса к основе производящего слова, самый распространенный способ. Например: *ключ* → *ключ-ик* (суффикс *-ик-*), *учить* → *учи-тель* (суффикс *-тель*).

3. Постфиксальный способ — производное слово создается путем присоединения постфикса *-то*, *-либо*, *-нибудь* и др. Например: *кто* → *кто-нибудь*, *где* → *где-либо*.

4. Префиксально-суффиксальный способ — производное слово создается путем добавления приставки и суффикса к основе производящего слова. Например: *стакан* → *под-стаканник*, *свежий* → *о-свеж-и-ть*.

Кроме того, выделяются такие способы, как префиксоидация и суффиксоидация, при которых словообразование происходит с помощью морфем переходного типа — аффиксоидов (префиксоидов и суффиксоидов). Аффиксоиды одновременно имеют сходство и с корнями, и с аффиксами (суффиксами, префиксами). С одной стороны, многие аффиксоиды произошли от корней (например, префиксоид *пол-/полу-* — от слова *половина*), имеют схожую с корнями семантику. С другой стороны, по частоте и функционированию они похожи на аффиксы и образуют регулярные словообразовательные модели. Распространенные в русском языке суффиксоиды: *-вод-* (*садовод, овощевод*), *-вед-* (*искусствовед, языковед*), *-люб-* (*книголюб, жизнелюб*) и другие. Среди распространенных префиксоидов можно назвать *пол-/полу-* (*полумесяц, полушубок, полведра, полбутылки*), *само-* (*самообслуживание, самодостаточный*), *лже-* (*лженаука*, ср. *лжеец*, где эта часть является корнем). Многие аффиксоиды имеют интернациональный характер, восходят к иноязычным корням: *-ман-* (*киноман, игроман*), *-фон-* (*телефон, домофон*), *-грамм(а)* (*кардиограмма*); *кибер-* (*кибербезопасность*), *крипто-* (*криптовалюта*), *авиа-* (*авиалинии, авиарейс*), *авто-* (*автобиография, автореферат*, ср. *автор*, где эта часть входит в корень).

II. Способы образования сложных слов.

1. Чистое сложение — соединение одной (реже — нескольких) основ с целым словом, при отсутствии других словообразовательных средств. При этом производное слово должно быть той же частью речи, что и основное производящее. Например: *яркий + зеленый* → *ярко-зеленый* (цвет). Возможно сложение с использованием соединительного элемента между двумя корнями (*научно-исследовательский, трехэтажный*) или без него (*диван-кровать, летчик-испытатель*).

2. Существуют смешанные способы, когда для словообразования используется и сложение, и добавление каких-либо

суффиксов, префиксов, постфиксов. Среди смешанных способов наиболее часто в современной речи используется сложно-суффиксальный способ.

Сложно-суффиксальный способ — производное слово создается путем сложения двух основ и добавления суффикса: *железн(ая) + дорог(а) + -н-* → *железнодорожный*.

3. К сложению примыкает аббревиация — создание слов на основе сокращения словосочетаний. Ученые выделяют следующие виды аббревиации: а) буквенная — слово состоит из первых букв слов, входящих в исходное словосочетание: *США* (Соединённые Штаты Америки), б) звуковая — создается из первых элементов слов в составе словосочетания, но читается не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово: *вуз* (высшее учебное заведение), *МИД* (Министерство иностранных дел), в) сложносокращенные слова — создаются путем усечения основ слов, входящих в словосочетание (*роддом* — родильный дом, *медсестра* — медицинская сестра).

Среди узуальных способов словообразования ученые отмечают продуктивность префиксального, суффиксального, префиксально-суффиксального способов, способа чистого сложения, сложно-суффиксального способа. Исследования медийной и интернет-речи последнего десятилетия свидетельствуют о том, что наиболее продуктивными способами создания новых слов являются суффиксация и префиксация.

Данные узуальные, традиционные способы отражают частотные словообразовательные процессы. Однако в современном русском словообразовании, в особенности в текстах СМИ, рекламы, часто встречаются производные слова, созданные не узуальными способами. **Неузуальные способы** — это способы, не соответствующие стандартным схемам создания слов, нарушающие словообразовательные нормы.

К активным неузуальным способам словообразования относят следующие способы:

1. Контаминация — создание нового слова путем произвольного совмещения формально сходных частей производящих

слов. Часто при контаминации на финаль одного исходного слова накладывается созвучное начало другого узуального слова, ср.: *педальтоник* (*педаль* + *дальтоник*, новообразование со значением ‘человек, который не различает педали’); *коронагностик* (*корона* + *агностик*, новообразование со значением ‘человек, который сомневается в существовании коронавируса’). Также возможен тмезис, когда одно слово вставляется внутрь другого, ср: *словралик* — *словарик* + *вра(ть)*.

2. Заменительное словообразование, или субституция — мена аффикса при том же корне (*поухавшие* — замена префикса *на-* на *у-* в исходном слове *понаехавшие*), мена одного из корней в сложном слове (*опростоголосились* — замена корня *-волос-* на *-голос-* в исходном слове *опростоволосились*) или замена неморфемной части слова (*громкокричатели* — замена *говорит-* на *кричат-* в исходном слове *громкоговорители*).

3. Графическая деривация — процесс создания нового слова, при котором в качестве словообразовательного форманта выступают графические и орфографические средства, например:

- использование заглавных, прописных букв: *ШОКоладный* — в слове *шоколадный* выделяется часть *шок* ‘состояние крайнего потрясения’;
- смешение букв разных алфавитов в пределах одного слова: *SPАсение* — в слове *спасение* начальная часть заменяется на написанную латиницей часть *SPA* (ср. *SPA-процедуры*, слово обозначает косметические процедуры); *SOSулька* — в слове *сосулька* начальная часть заменяется на *SOS* (ср. *SOS* — сигнал о помощи).

Расцвет незуального словообразования — одна из типичных черт современного русского языка. Слова, созданные незуальными способами, обладают нестандартной структурой и поэтому являются более яркими, экспрессивными, привлекают внимание.

2.2. Узуальные способы словообразования

В современных текстах массмедиа наиболее продуктивными являются такие способы, как префиксация, префиксоидация, суффиксация, суффиксоидация, сложение, аббревиация, универбация, усечение.

2.2.1. Префиксация и префиксоидация

Для медийного словотворчества актуальна **именная префиксация**, при которой префикс присоединяется не к глаголу, что характерно для русского языка, а к словам именных частей речи (прежде всего существительным, прилагательным).

Активно используются размерно-оценочные префиксы *мега-*, *супер-*, *гипер-*, направленные на выражение оценки. Эти префиксы добавляют семантику усиления качества или явления, называемого производящим словом: **Суперинфекция**. *Врач побеждает ковид, а пациент все равно умирает. Почему против бактерий бессильны антибиотики и стоит ли прививаться от коронавируса?* (Новая газета. 06.12.2021) — *супер-* + *инфекция*, новообразование приобретает значение ‘очень сильная инфекция, которую сложно победить’; *...будь то ядерное оружие или какой-нибудь суперкоронавирус...* (mixed-news.ru/archives/162957) — *супер-* + *коронавирус*; *Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей мегазнаменитой матери?* (1-й канал. 11.03.2018) — *мега-* + *знаменитый* ‘очень знаменитый’; *Пожилый человек может быть мегаполезен* (1-й канал. 12.02.2018) — *мега-* + *полезен* ‘очень полезен’.

Префиксам *супер-*, *мега-* изначально свойственна позитивная оценочность, поэтому они активно используются в рекламе, делая ее более эмоциональной и привлекая внимание: *мегараспродажа*, *суперскидки*, *суперакция*. Однако при соединении с основой, обозначающей негативные явления и качества, создается обратный, негативный, эффект.

В СМИ эти префиксы часто присоединяются к основам существительных, обозначающих пагубные явления, тем самым эти префиксы усиливают негативную оценку: *Wikileaks: суперпровал разоблачителей. Ситуация не могла сложиться более трагичным образом. Интернет-платформа Wikileaks доводила до сведения общественности скандальные факты, которые от нее пытались скрыть* (ИноПресса. 02.09.2011) — супер- + провал перен. ‘Полная неудача в каком-л. деле’ [МАС], новообразование приобретает значение ‘грандиозный, масштабный провал’; *Судьба двух суперпредателей России* (Конт. 01.11.2018) — супер- + предатель ‘тот, кто предал кого-л., нарушил верность кому-л., чему-л’ [НСРЯ], новообразование приобретает значение ‘люди, совершившие крайне вероломное предательство’; *ГОТОВИТСЯ МЕГАСКАНДАЛ. Внимание, провокация!* (Завтра. 16.11.2016) — мега- + скандал ‘случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников’ [МАС], новообразование приобретает значение ‘грандиозный, масштабный скандал’; *Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные мега-свалки, гигантские супер-кладбища и промышленную зону рядом с густонаселенным Троицком, обрастающую нелегальными асфальтовыми заводами* (Livejournal. 07.12.2017) — мега- + свалка ‘большая свалка, место, где много мусора’, супер- + кладбище ‘очень большое кладбище’.

Префикс *гипер-* используется для создания производных слов, имеющих значение ‘что- или кто-л. обладающее(ий) в высокой (иногда чрезмерно высокой) степени признаками того, что названо мотивирующим существительным’ [Лопатин, Улуханов 2016: 70]. Таким образом, префикс *гипер-* не только вносит оттенки усиления, но и указывает на превышение нормы, что подчеркивает негативную оценочность производящего слова (основы): *Гиперпредательство вместо гиперзвукового оружия. Как ракетные секреты продавали оптом и в розницу* (Аргументы недели. 31.05.2012) — гипер- + предательство, новообразование приобретает значение ‘предательство, нару-

шающее все нормы морали»; *Черная метка Чубайса: «развитие нанотехнологий» приносит гипер-убытки*. На различных проектах «Роснано» потеряны миллиарды (Московский комсомолец. 27.04.2017) — *гипер- + убытки* 'материальный ущерб, потеря' [МАС], новообразование приобретает значение 'большие, чрезмерные убытки'.

Продуктивным является префикс *недо-* с семантикой 'неполный, недостаточный': *недомастер, недопевец, недоправитель, недостудент* и под. Так, префикс *недо-* выражает семантику неполноценности, недостаточной степени проявления признака и используется для создания новообразований, обозначающих лиц, чьи качества не соответствуют стандартам определенного социального статуса: *Недоотец*: *Тарасов опозорился случайным упоминанием старшей дочери* (новостной портал «Спутник». 11.02.2019) — *недо- + отец* в знач. 'плохой отец, не исполняющий свои отцовские обязанности полноценно'; *Битва недополитиков-недоблоггеров* (портал «Интернет-Ополчение». 16.06.2017) — *недо- + политик* в знач. 'неполноценный, неквалифицированный политик', *недо- + блоггер* в знач. 'неполноценный блоггер'; *Недоадвокат*. *Кантемир Карамзин был задержан по возвращению в Москву из США, где длительное время игнорировал запросы российских правоохранителей рассказать о коррупционных отношениях с должностными лицами госорганов и причастности к рейдерским посягательствам* (Новый взгляд. 22.05.2019) — *недо- + адвокат* в знач. 'неполноценный, неквалифицированный адвокат'.

При этом для формирования оценочности подобных новообразований большое значение имеет система ценностей. Так, в публикации «*Недомать и недочеловек* (Вечерняя Москва. 19.03.2019)» выражается яркая негативная оценка, так как префикс *недо-* присоединяется к основе (слову), обозначающей важную в системе ценностей социальную роль (*мать*).

Префикс *недо-* в современном русском языке расширяет сочетаемость и присоединяется не только к глаголам (ср.: *недоедать* 'недостаточно есть', *недоговаривать* 'скрывать что-либо',

недосыпать ‘насыпать недостаточно чего-либо’ и под.), но и к существительным.

Префиксу *недо-* синонимичен формант *полу-* с семантикой ‘не в полной степени обладающий каким-либо признаком’: *полудемократ*, *полукандидат* и под. Морфему *полу-* называют префиксоидом — это морфема переходного типа, совмещающая признаки корня и префикса. Так, *полу-* относится к префиксоидам, потому что он сформировался на базе корня слова *половина* и частично сохраняет корневую семантику, при этом по своей функции, частотности *полу-* похож на суффикс. Префиксоид *полу-* присоединяется к основам слов, обозначающим общественно важные институты, документы, учреждения, должности, подчеркивая неполноценность их деятельности: *Декларация полунезависимости. ЦБ отдаст крупным СРО финансовых рынков половину контрольных полномочий* (Коммерсантъ. 27.12.2014) — *полу-* + *независимость*, обыгрывается название документа *Декларация независимости*; *Полуправа* *получеловека. Не получается создать здоровое социальное государство в условиях политического уродства.* (Эхо Москвы. 22.10.2019) — *полу-* + *права*, обыгрывается устойчивое словосочетание *права человека*; *Полуправозащитники. Как совет по правам человека пытался справиться с президентом* (Коммерсантъ. 05.09.2013) — *полу-* + *правозащитники*, в значении ‘правозащитники, которые неполноценно исполняют свои обязанности’. Негативная оценка формируется за счет указания на недостаточность проявления социально необходимого признака, неполноценность объектов.

Новообразования с *полу-* могут указывать на совмещение различных качеств, социальных ролей, в таком случае негативная оценка не выражается: *Леонид Парфенов: я — полуактер... Я не только журналист, но и телеведущий, — признался Парфенов. — И тут выступаю во второй своей ипостаси. Получается как бы полуактерская работа* (Телесемь. 12.05.2010) — новообразование обозначает человека, совмещающего работу актера с работой журналиста, телеведущего; *Везучий полудепу-*

там. Бензиновый барон Сорокендя попал в гордому почти чудом и удивил своим упорством даже однопартийцев (Новая газета. 21.03.2013) — новообразование обозначает человека, совмещающего должность депутата с ведением бизнеса.

Продуктивность проявляют исконный префиксоид *лже-* и заимствованные префиксы *псевдо-*, *квази-*, обозначающие ложные явления действительности и выражающие несоответствие общественным стандартам.

Заимствованные префиксы *псевдо-*, *квази-* синонимичны исконному префиксоиду *лже-*, имеют значение неистинности, ложности и выражают негативную оценку в публикациях, посвященных темам мошенничества, разоблачения ложных социальных явлений.

Префиксы *псевдо-*, *квази-* активно присоединяются к основам одушевленных существительных — наименований лиц по профессии или роду деятельности. Так создаются новообразования со значением ‘лицо, выдающее себя за кого-либо, как правило, в мошеннических целях’: *«Били костылями»: как псевдоврачи украли миллионы из петербургской больницы* (РИА Новости. 26.07.2019) — *псевдо-* + *врач*; *Псевдомедики обманули жителей Дальнего Востока на 20 млн рублей. В нескольких городах действовали псевдомедицинские центры, в которых под видом оказания врачебной помощи населению похищали деньги* (Новые известия. 04.03.2019) — *псевдо-* + *медик*; *«Псевдоюристы» помогают клиентам банков вернуть страховые взносы и забирают их себе* (Полит.ру. 22.08.2019) — *псевдо-* + *юрист*. Такие новообразования обозначают лицо с ложным социальным статусом, мошенника. Также новообразования с префиксами *псевдо-*, *квази-* обозначают лиц, которые ведут себя неподобающе, непрофессионально: *«Был в “Рубине” один псевдопрофессионал...»* (БИЗНЕС Online. 09.12.2015) — *псевдо-* + *профессионал*; *Минобороны России назвало «псевдоэкспертом» критика гиперзвукового комплекса «Авангард». <...> умозаключения эксперта «свидетельствуют лишь о широких пробелах в его познаниях сущности аэродина-*

мических процессов на гиперзвуковых скоростях» (Московский комсомолец. 17.01.2019) — *псевдо- + эксперт*. Оттенки значения проявляются в контексте, ср.: **Псевдоактивисты** «Молодой гвардии» вымогают деньги у предпринимателей. Мошенники совершают контрольные закупки алкоголя и табака с участием несовершеннолетних, после чего представляются активистами регионального штаба «Молодой Гвардии» и вымогают деньги, предлагая за это не оформлять официально заявление в правоохранительные органы (RIA56. 07.12.2015) — новообразование *псевдоактивисты* обозначает мошенников, которые не являются активистами, но выдают себя за них в противозаконных корыстных целях (совпадает по семантике с исконным префиксоидом *лже-*); **Псевдоактивисты**: защитники климата проигнорировали субботник... похоже, активистам больше по душе провозглашать цели и требовать действий от правительства, чем действовать самим (Переселенческий вестник. 22.09.2019) — в данном контексте то же новообразование обозначает лиц, которые являются активистами, но ведут себя неподобающе этому статусу, не выполняют свои обязанности в должной мере (подобное значение не может быть реализовано исконным префиксоидом *лже-*).

Также префикс *псевдо-* присоединяется к основам неодушевленных существительных, обозначая ложные социальные явления, противозаконные явления (*Проданной квартире начислили псевдоналог* (Коммерсантъ FM. 05.09.2019) — *псевдо- + налог*, в знач. ‘Незаконно взимаемый налог’) или явления, не отвечающие общественным стандартам, например: **Псевдомодернизация**. Новый антикризисный план правительства состоит из модернизационных мер. Они не стимулируют спрос на инновации, считают эксперты (Ведомости. 17.03.2010) — *псевдо- + модернизация*, в знач. ‘Ложная модернизация, не приносящая должных результатов’; «Среди действующих немало **псевдопартий**»... такие организации создавались для «искусственного замутнения политической среды, чтобы обеспечить прорыв во власть лоббистским, региональным и даже

сепаратистским группировкам» (Коммерсантъ. 13.05.2019) — *псевдо-* + *партия* в знач. ‘Партии, не выполняющие свою общественную функцию’. Синонимичное значение имеет префиксоид *квази-*, при присоединении к основам неодушевленных существительных добавляющий семантику ложности: *От котов к информагентствам: как развлекательные сайты превращаются в квази-СМИ* (портал «Radio.ru». 14.09.2016) — *квази-* + *СМИ* в знач. ‘ненастоящие СМИ’; *Песков назвал британский доклад по Литвиненко «квази-расследованием»* (Российская газета. 21.01.2016) — *квази-* + *расследование* в знач. ‘ненастоящее расследование’.

Таким образом, новообразования на базе неодушевленных существительных с префиксами *псевдо-*, *квази-* обозначают ложные явления, которые не соответствуют общественным стандартам, поскольку не обладают необходимыми качествами, не приносят должных результатов или созданы в мошеннических целях.

Новообразования с *квази-* нередко создаются на базе терминов сферы экономики, юриспруденции, финансов и используются в текстах, выражающих негативную оценку экономических процессов и явлений: — *Это лицензирование? — Скорее квази-лицензирование. Механизм позволит экспортировать нефтепродукты только их производителям и только при соблюдении ими условий о приоритетном снабжении нефтепродуктами внутреннего рынка* (Коммерсантъ. 27.03.2019) — *квази-* + *лицензирование*, в значении ‘правовой механизм, похожий на лицензирование, но им не являющийся’; *С точки зрения такого сверхбольшого банка, он прекрасно живет за счет переводов между своими клиентами, он такой квазимонополист в этой области, и он абсолютно никого не хочет в эту систему пускать* (Коммерсантъ FM. 21.01.2019) — *квази-* + *монополист*, в значении ‘ненастоящий монополист’.

Активно создаются новообразования с префиксоидом *лже-*, которые обозначают лиц с ложным социальным статусом, выдающих себя за кого-либо в корыстных целях. Префиксоид *лже-*

присоединяется к основам существительных, обозначающих лицо по профессии или роду деятельности: *Лжебанкиры идут на перехват. Заемщики все чаще рискуют стать жертвами мошенников* (Российская газета. 13.09.2017) — лже- + банкиры в знач. ‘мошенник, выдающий себя за банкира’; *Лжеадвокат, защищавший Саддама Хусейна, получил 14 лет тюрьмы* (Российская газета. 29.03.2013) — лже- + адвокат в знач. ‘мошенник, выдающий себя за адвоката’.

В современном медийном словотворчестве актуальны префиксоиды, восходящие к иноязычным корням.

В СМИ XXI в., в эпоху технического и информационного прогресса, частотны новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-*, *нано-*. Эти префиксоиды изначально принадлежали научному стилю и встречались преимущественно в составе терминов. Такие элементы могут использоваться для создания новых слов, обозначающих новые явления науки и техники, — в номинативной функции.

В связи с прогрессом в области науки и техники и интересом к нему со стороны общества словообразовательную активность приобрел префиксоид *нано-*, который ‘при добавлении к существительным образует существительные со значением отношения к очень мелким объектам с размерами, измеряющимися в нанометрах’ [НСЗ-90]. Слова с этим префиксоидом используются для номинации инновационных нанотехнологий: *В России разработали мину с «наномозгом». В России представили противопехотную мину с искусственным интеллектом* (Российская газета. 19.11.2015) — *нано-* + *мозг*, новообразование обозначает чрезвычайно маленькое устройства с искусственным интеллектом («мозгом»); *Алексей Кудрин купил производство нанобинтов. «Инмед» специализируется на разработке и выпуске инновационных нановолокон, используемых в качестве перевязочных средств* (Известия. 03.04.2014) — *нано-* + *бинт*, *нано-* + *волокно*, новообразования обозначают инновационные медицинские материалы на основе нано-технологий; *В Приморье разработали «наношоколад» с*

водорослями (Российская газета. 29.03.2017) — *нано-* + *шоколад*, новообразование обозначает продукт питания — шоколад с особым составом, с мельчайшими частицами водорослей.

Также в связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал префиксоид *кибер-*. Уже вошли в постоянное употребление и зафиксированы в словарях лексемы *кибератаки*, *кибербезопасность*, *кибервойна*, *киберпреступление* и др. В то же время в СМИ продолжают создаваться новообразования с данным префиксоидом для обозначения новых компьютерных, информационных технологий, объектов виртуальной реальности: *Кибер-дружину сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей* (Российская газета. 28.03.2017) — *кибер-* + *дружина*, в знач. ‘объединения людей, следящих за распространением информации и информационной безопасностью в интернете’; *В новом «Призраке» сложная кибермифология оригинальных комикса и аниме редуцирована до понятных голливудских оппозиций* (Коммерсантъ. 21.02.2017) — *кибер-* + *мифология*, в знач. ‘мифология виртуальной реальности’; *Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от киберрисков* (Коммерсантъ. 12.12.2016) — *кибер-* + *риск*, в знач. ‘риск хакерской атаки на информационную систему’.

Префиксоид *крипто-*, изначально имеющий семантику ‘соответствующий по значению словам тайный (напр., *криптография*) или скрытый (напр., *криптофиты*)’ [ТСИС], в современном словотворчестве обозначает связь какого-либо явления с криптовалютой: *Совы или жаворонки. В какое время можно больше заработать на криптобирже* (РБК. 06.02.2019) — *крипто-* + *биржа*, в знач. ‘финансовая биржа, позволяющая производить покупку и продажу, хранение и обмен криптовалют’; *Налоговики ограничили доступ к крипто-СМИ Cointelegraph. Федеральная налоговая служба*

*России добилась внесения в реестр запрещенных сайтов издания Cointelegraph, посвященного криптовалютам и блокчейну (NewsBTC. 17.10.2019) — крипто- + СМИ, в знач. ‘СМИ, публикующие материалы по теме криптовалюты’; В России откроют первое **крипто-детективное** агентство (Российская газета. 14.11.2017) — крипто- + детективное, в знач. ‘агентство, занимающееся расследованием преступлений в области криптовалюты’. Таким образом, семантика префиксоида изменяется в процессе медийного словотворчества.*

В то же время новообразования с префиксоидами *нано-*, *кибер-*, *крипто-* могут использоваться не столько для обозначения новых реалий, сколько для выражения оценки.

В современных СМИ *нано-* используется для иронического обозначения объектов чрезмерно маленького размера, действий с чрезмерно маленькой скоростью и т.д.: *Зарплата в конверте? Готовьтесь к **нанопенсии**. За что переживать, если вам платят по-серому* (Комсомольская правда. 07.02.18) — *нано-* + *пенсия*, в знач. ‘слишком маленькая пенсия’; *«Леноблинновации» движутся **нанотемпами**. Проект индустриального парка «Гатчина» начнет работу с задержкой в несколько лет* (Коммерсантъ. 30.05.2019) — *нано-* + *темпы*, в знач. ‘очень маленькие темпы, медленно’.

Яркая негативная оценка создается, когда новообразования с *нано-* используется вне научной сферы для описания явлений бытовой жизни: ***Нанобурёнки** среди разрухи. Начинать подъём животноводства надо не с коров, а с людей* (Литературная газета. 01.03.2017) — *нано-* + *буренки* разг. ‘корова’ [МАС]. Таким образом выражается критика современного состояния общества, в котором, по мнению журналистов, установка на развитие технологий сочетается с низким бытовым уровнем жизни, а амбициозные планы научного прогресса оказываются нереализованными. При этом могут обыгрываться прецедентные феномены: *Пьезопечка Емели на **нанодровах**. Россиянам пообещали, что в 2021 году на дороги выедут беспилотные автомобили. Мы сумеем собрать один парадный экземпляр для*

демонстрации и самообмана. А для промышленного выпуска автопилотируемых транспортных средств мы должны иметь другой уровень индустриального развития (Наша версия. 21.08.2017) — *нано- + дрова*, в тексте содержится отсылка к народной сказке «По щучьему веленью», где главный герой Емеля ездит на заколдованной печке; таким высокие технологии иронически сравниваются со сказочным волшебством и признаются такими же неправдоподобными.

Слова с *кибер-* нередко обозначают негативные последствия развития информационных технологий. При этом новообразования с *кибер-* обозначают явления, связанные с информационной войной, хакерскими атаками: *Запад и Россия в шаге от киберкатастрофы. Великобритания включается в гонку технологичных вооружений* (Независимая газета. 28.03.2018) — *кибер- + катастрофа* ‘неожиданное событие с трагическими последствиями’ [НСРЯ], новообразование имеет семантику ‘катастрофа, наступившая вследствие использования информационных технологий’; *Киберущерб превысил 100 млрд. Аналитики НАФИ подсчитали убытки бизнеса от хакерских атак* (РБК. 20.12.2017) — *кибер- + ущерб* ‘потери, причиненные кому-, чему-л.; урон’ [МАС], новообразование имеет семантику ‘ущерб от хакерской атаки на информационную систему’; *Рубль ослаб на киберобвинениях. Биржевой курс доллара впервые с 19 сентября превысил 67 руб.* (Коммерсантъ, 04.10.2018) — *кибер- + обвинение* ‘то, что вменяется кому-л. в вину’ [МАС], новообразование имеет семантику ‘обвинение в кибернетических атаках’. Эти новообразования не только созданы на базе лексем, выражающих негативную оценку (*катастрофа, ущерб, обвинение*), но и в контексте обозначают явления действительности, негативно влияющие на жизнь общества.

В связи с развитием интернет-преступности востребованными становятся новообразования с префиксоидом *кибер-*, *крипто-* на базе лексем, называющих лиц, виновных в преступной деятельности: *Киберубийца: родители не справились с*

зависимостью подростка (Вести образования. 07.11.2019) — кибер- + убийца, новообразование имеет семантику ‘убийца, действовавший с помощью информационных технологий’; **Криптомошенник** обманул жительницу ЕАО на 100 тысяч рублей (Российская газета. 08.08.2018) — новообразование имеет семантику ‘мошенник в сфере криптовалюты’; **Криптовор** получил условный срок. Житель Кургана превратил серверы госслужб в майнинговые фермы (Коммерсантъ. 30.11.2018) — крипто- + вор, новообразование имеет семантику ‘вор, совершавший незаконные операции с криптовалютой’.

Морфемы *нано-*, *кибер-*, *крипто-* имеют книжный характер, участвуют в образовании терминов (*нановолокна*, *нанопроцессор*, *кибербезопасность*, *криптография* и др.). Однако в современной речи новообразования с этими префиксоидами выходят за пределы научного стиля. При этом носители языка стремятся не только назвать новые явления, но и осмыслить, оценить их, поэтому слова с *нано-*, *кибер-*, *крипто-* часто выражают оценку (преимущественно негативную).

Описанные в этой главе префиксоиды *нано-*, *кибер-*, *крипто-*, *лже-*, *полу-* продуктивны в современном словотворчестве, однако в текстах массмедиа встречаются новообразования и с другими префиксоидами: *авиа-*, *авто-*, *био-*, *евро-*, *макро-*, *микро-*, *мини-*, *теле-*, *эко-* и др. Новообразования с данными префиксоидами широко представлены в медийных текстах: *автоледи*, *автодизайн*, *автокредит*, *автострахование*; *биополе*, *биоритмы*, *биотерроризм*; *евроремонт*, *евромода*, *евроотдых*; *экофермер*, *эко-обувь*; *Россию ждет микроускорение* или *микроразмедление*. *Вчера аналитики ОЭСР ухудшили прогноз роста российской экономики в 2011 и 2012 году* (Независимая газета. 29.11.2011) — префиксоид *микро-* + *ускорение*, *микро-* + *замедление*; *Материалы дела об автохамах, напавших с ножом на нижегородскую семью, исчезли* (Комсомольская правда. 14.09.18) — префиксоид *авто-* + *хам* ¹. Грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости. 2. Употребляется как бранное слово, которым обзывают такого чело-

века' [НСРЯ], в словаре С.И. Ожегова, Ю.Н. Шведовой также имеет пометы *презр., бран.* [ТСРЯ]; *Как наказывают авиадебошира и что делать, если он летит вместе с вами?* (Аргументы и факты. 16.12.2013) — префиксоид *авиа-+ дебошир* разг. 'Тот, кто устраивает дебош; буян, скандалист' [НСРЯ].

Итак, в современном медийном словотворчестве активно задействована именная префиксация и префиксоидация. Новообразования с исконными и заимствованными префиксами и префиксоидами могут использоваться для номинации новых явлений, а также для выражения оценки этих явлений.

2.2.2. Суффиксация и суффиксоидация

В современном медийном словотворчестве для создания новых слов активно используются книжные суффиксы *-изм, -(из)аци(я)*, а также разговорные суффиксы уменьшительно-ласкательные (*-к-/-ик-/-чик-, -ишк-/-ушк-, -очк-/-ечк-*), стилистически сниженный суффикс *-цин(а)*.

Среди суффиксов книжного характера в медийной речи проявляют активность суффиксы *-изм, -(из)аци(я)*, которые присоединяются к основам как глаголов, так и существительных. Словообразовательные модели существительных с *-изм, -(из)аци(я)* востребованы в рамках политического дискурса, слова, по ним образованные, изначально использовались в СМИ как оценочно нейтральные обозначения актуальных и обсуждаемых событий и явлений (*глобализация, модернизация, интернационализация, терроризм, феминизм, глобализм* и др.). Иногда журналисты используют данную словообразовательную модель с пародийной целью, создавая новообразования с отрицательной оценочностью, обозначающие негативные процессы современности: *Вправе ли мы считать эти настроения проявлением особого «озверизма» россиян? К сожалению, необходимо признать, что цинизм подобных рассуждений граждан имеет под собой почву* (Независимая газета. 12.10.2011) — *озвереть* 'Стать жестоким, злобным,

уподобившись зверю и утратив человеческие качества' (разг.) [НСРЯ] + -изм; *Горбачёвщина и ельцинизм* (Советская Россия. 05.02.2011) — *Ельцин* (фамилия первого президента России) + -изм; ...на особенности питания человека повлияла урбанизация, **супермаркетизация** и популярность западного образа жизни (Огонек. 19.03.2012) — *супермаркет* + -изаци(я); *Чем пугает будущая чипизация населения* (Газета.ру. 14.04.2019) — *чипировать* 'вживить чип' + -изаци(я); *Эпидемия и вынужденная изоляция ускоряют цифровизацию в самом широком смысле слова* (РБК. 14.09.2021) — *цифровизировать* 'сделать цифровым, электронным' + -изаци(я). Экспрессивность подобных новообразований может усиливаться за счет оценочного потенциала производящего слова, имеющего негативную семантику (например, *озвереть*) или вызывающего неодобрительное отношение определенной части социума (например, *чипировать* и др.).

В процессе словотворчества могут обыгрываться различные прецедентные феномены: **Кихотизм** — *это рыцарство. Во всей полноте понятия. Это когда один человек противостоял всему злу на свете* (Новая газета. 03.02.2012. № 11) — имя литературного персонажа из романа М. Сервантеса *Дон Кихот* + -изм; *Великая французская депардьезация* (Новая Газета. 09.01.13) — обыгрывается название исторического события *Великая французская революция*, где последнее слово заменяется на новообразование от фамилии известного актера (*Жерара Депардье* + суффикс -изаци(я). В современных медиа нередко встречаются контексты, отсылающие к созданному В.И. Лениным лозунгу советской эпохи «Коммунизм — это есть советская власть плюс **электрификация всей страны**», для этого создается контекст по схеме «новообразование с -(из)аци(я) + словосочетание *всей страны*»: **Гламуризация всей страны** (Московский Комсомолец. 10.04.2010) — *гламур* + -изаци(я); *Какая уж тут модернизация с «нано-зацией»* плюс **айфонизация всей страны** (Открытая газета. 15—22.09.2010) — *нано-* + -заци(я), *айфон* + -изаци(я) о

распространении новых технологий в стране; *Плюс китаизация всей страны* (Коммерсантъ. 01.02.2010) — *Китай* + *-изаци(я)*, о политических отношениях Китая и Казахстана.

В современной речи, как в бытовой сфере, так и в медийной, актуальны размерно-оценочные суффиксы. Эти суффиксы служат для образования форм имен существительных, качественных прилагательных и наречий с особой, эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к предмету, качеству, признаку. Суффиксы субъективной оценки имеют разговорную стилистическую окраску и придают словам различные оттенки: ласкательность, сочувствие, пренебрежение, презрение, уничижение, ирония, также реальное уменьшение или увеличение. В СМИ среди этих оттенков преобладают негативные — пренебрежение, презрение, уничижение, ирония.

Эмоционально окрашенные размерно-оценочные суффиксы в СМИ активно используются для создания существительных с оттенком уничижения, пренебрежения. Особенно продуктивными являются размерно-оценочные суффиксы *-к/-ик-/-чик-*, *-ишк-/-ушк-*, *-очк-/-ечк-*: *«Вон тот футболистишка ударил меня стулом»: Кокорин рассказал, за что пытался ещё раз напасть на чиновника Пака* (Комсомольская правда. 25.04.2019) — *футболист* + *-ишк-*; *Ефремов отрёкся от соратничков* (Завтра. 27.07.2020) — *соратник* (чередование *-ник-/-нич-*) + *-к-*; *Серая зарплата. За выплаты «в конвертах» директорам и бухгалтерам может грозить год тюрьмы* (Российская газета. 14.06.2012) — *зарплата* + *-к-*, ср. *серая зарплата*, устойчивое выражение разговорного характера, обозначающее выплату части заработной платы неофициально, без уплаты налогов. В 2020—2021 гг. в медиа активно используются новообразования с уменьшительно-ласкательными суффиксами от слов *коронавирус*, *ковид*: *«слабенький, хиленький коронавирусик»* (tsargrad.tv. 20.11.2020) — *коронавирус* + *-ик-*; *Вот спасибо тебе тогда будет коронавирушка наш — накормилец!* (fakeoff.org. 18.03.2020) — *коронавир(ус)* + *-ушк-*; *И ковидик по степени патогенности очень слабенький* (tsargrad.

tv. 02.08.2020) — ковид + -ик-; проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «**ковидушки**» (Наша Версия. 30.07.2020) — ковид + -ушк-. Подобные производные свидетельствуют о национальной специфике русской ментальности, для которой характерно эмоционально-оценочное отношение к реалиям окружающей действительности.

Также с помощью эмоционально маркированных размерно-оценочных суффиксов создаются наречия и слова категории состояния с иронической окраской. Активность проявляет суффикс *-еньк-*, который в медийном словотворчестве добавляет к значению производящего слова оттенок уничижительности: **Толерантненько**. *Факт давно общеизвестный: те, кто громче всех кричит о необходимости свободы слова, требуют этой свободы слова не для всех, а только лишь исключительно для себя* (Завтра. 13.09.2012) — *толерантно* + *-еньк-*.

В медийном словотворчестве является востребованным стилистически окрашенный суффикс *-щин(а)*, за которым закрепился яркий оценочный компонент ‘явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущ. с неодобрительной оценкой)’ [Лопатин, Улукханов 2016: 700]. Суффикс *-щин(а)* используется для создания отвлеченных существительных, обозначающих общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской. Основой для новообразований с суффиксом *-щин-* выступают названия политических течений (*Это не совместимо с либеральщиной — преодолеть смуту начала XX века* // Потаенное. 2013. № 3 (56) — *либерал* + *-щин-*), громких политических событий (*От майданищины к атаманщине. Украина стремительно теряет остатки государственности* // Свободная пресса. 03.02.2015 — *майдан* + *-щин-*). Часто новообразования суффиксом *-щин-* создаются на базе имен известных личностей. Новообразования создаются на базе фамилий медийных деятелей: певцов («**Киркоровщина**», *на мой взгляд, это не просто жанр, это вирус, вызывающий не только изжогу, но и тошноту, головные боли, инсульты, психические расстройства* // Аргумент-

ты и факты. 06.06.2012 — ср. Ф. Кирокоров), телеведущих (*Диагноз — киселевицина. ...нашлись медийные персонажи, которые попытались использовать трагедию для достижения неких политических эффектов* (Сегодня.ру. 10.03.2016) — ср. В. Киселев; *Псковские депутаты призвали избавить телевидение от «малаховщины»* (Лента.ру. 24.11.2016) — ср. А. Малахов).

Для разговорной речи характерна универбация — создание одного слова на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из исходных слов: *кожанка — кожаная куртка; кругосветка — кругосветное путешествие; методичка — методическое пособие; наличка — наличные средства*. Подобные слова попадают и в СМИ: *Важно есть молочные продукты. Они компенсируют нехватку кальция. Однако не все виды «молочки» будут приносить пользу* (zen.yandex.ru. 26.02.2020) — ср. *молочная продукция; Камни и караты — классическая ювелирка, а я эксперт в дизайнерских украшениях — зоне, смешанной с фэшн-индустрией* (<https://thecity.m24.ru/articles/4277>) — ср. *ювелирная продукция; ПЕРВИЧКА ИЛИ ВТОРИЧКА — ЧТО ЛУЧШЕ? «Своя квартира может быть как в новом доме, так и во «вторичке»* (Газета.ру. 14.08.2021) — *первичка ‘новое жилье, квартира в новостройке’, вторичка — вторичное жилье ‘не новое жилье, повторно проданное от одних собственников другим’*.

В 2021 г. в условиях пандемии в речи распространились универбаты *дистанционка* ‘дистанционная работа / обучение’: *Дистанционка в вузах: плюсы и минусы* (<https://4s-info.ru/2021/08/18/distantcionka-v-vuzah-plyusy-i-minusy-rassuzhd-ayut-prepodavately-novosibirsk/>); *удалёнка* ‘удаленная работа’: *Специалисты по безопасности отмечают, что поспешный перевод на удалёнку неизбежно приводит к ошибкам администрирования и появлению незащищенных сетей* (Российская газета. 08.04.2020); *На мой взгляд, удаленка и самоизоляция (как полюбил я эти слова!) — это оптимальный вариант для писателя* (Российская газета. Неделя. www.rg.ru. 22.04.2020). В последние годы появились также

универбаты, связанные с тематикой пандемии, болезней и лекарств: *...заразили одного из сотрудников, имеющих доступ внутрь, и дальше **респираторка** сделала черное дело* (Комсомольская правда. 22—29.04.2020) — *респираторка ‘респираторное заболевание’; Да у всех препаратов есть **побочка**, — предупреждая мой вопрос, говорит Карина* (Яндекс. Дзен. 07.05.2020) — *побочка ‘побочный эффект’*. Универбаты образуются и с помощью суффикса *-ик-*: *Вы упомянули про бессимптомное течение заболевания: сколько таких **бессимптомников** может быть* (1-й канал. 14.04.2020); *Возрастает число «**бессимптомников**» — носителей болезни* (nn.mk.ru. «МК в Нижнем Новгороде». 29.04—19.05.2020) — *бессимптомник ‘бессимптомно болеющий’*.

Универбаты позволяют кратко выразить мысль, создать емкую номинацию.

В словообразовании современного русского языка наблюдается тенденция к интернационализации, обусловленная прежде всего влиянием английского языка. Поэтому продуктивность проявляют иноязычные, заимствованные аффиксоиды. Продуктивен суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’. Новообразования с *-гейт* часто создаются на базе имен собственных, связанных со скандальными событиями — фамилий известных личностей, названия предприятий и организаций, названий городов и стран, на базе топонимов обозначают место, в котором произошли скандальные события. Так, суффиксоид присоединяется к названиям российских городов: ***Челябинскгейт**. В Челябинской области не утихают коррупционные скандалы, связанные со схемами по распилу бюджетных средств, выделяемых на дорожное строительство* (Наша Версия. 21.02.2019); ***Мытищи-гейт**. 68 председателей избиркомов в одном только подмосковном городе переписали результаты выборов* (Новая газета. 05.12.2016). Основой для создания новообразований служат и названия зарубежных городов и территорий: *«**Карачи-гейт**» повернулся против экс-премьера*.

...правоохранительные органы, расследуя теракт в пакистанском городе Карачи в 2002 году <...> обнаружили связь правительства Франции <...> с Пакистаном (Коммерсантъ. 07.10.2011); СМИ: участнику скандала «Ибица-гейт» укрывают спецслужбы на Балканах. Речь идет о видеозаписи острова Ибица с участием бывшего вице-канцлера Австрии Хайнца-Кристиана Штрахе (Интернет-портал «ТАСС». 04.12.2019).

Новообразования с *-гейт* также создаются на базе фамилий русских и зарубежных публичных лиц, являющихся виновниками скандальных событий: *Роналду-гейт*. СМИ сообщили об отстранении футболиста от матчей из-за обвинений в изнасиловании (Интернет-портал «БФМ.РУ». 04.10.2018).

Скандальные события могут быть связаны с деятельностью не только конкретных публичных лиц, но и организаций, названия которых становятся основой для новообразований: *Медуза-гейт*: активистка Лиза Лазерсон объясняет, почему всех так задел скандал с сексуальными домогательствами в «Медузе» (Esquire. 08.11.2018) — название интернет-газеты «Медуза». При этом базой для создания новообразований могут выступать и аббревиатуры, называющие коммерческие организации и государственные структуры: *ФИФА-гейт*: почему чиновников арестовали сейчас и чем это грозит ЧМ-2018 в России (Комсомольская правда. 27.05.2015).

Таким образом, суффиксоид *-гейт* служит для создания негативно-оценочных новообразований, обозначающих какие-либо скандальные события, компрометирующие их участников.

2.2.3. Усечение

В современной русской речи, в особенности в разговорной речи и сленге, характерно создание слов путем усечения конечной части слова: *конфа* от *конференция*, *комп* от *компьютер*, *ноут* от *ноутбук*, *препод* от *преподаватель*, *чел* от *человек*, *бутер* от *бутерброд*, *диссер* от *диссертация*. При

усечении не меняется семантика слова (*чел* и *человек* имеют одно и то же значение), но меняется стилистическая окраска (*человек* — нейтральная лексема, употребительная во всех стилях, а производное от него усечение *чел* употребляется только в сленге). Производное слово, создаваемое путем усечения, относится к той же части речи, что и производящее (как правило, производное и производящее слова являются существительными).

Подобные примеры встречаются в СМИ: *Почти 50 классов в школах Владикавказа перевели на дистант из-за случаев ковида* (ТАСС. 28.09.2021) — усечение от *дистанционный* (режим); *Новости шоубиза: Artik & Asti разошлись, а в семье Шалапиных новые скандалы* (РИА Новости. 04.11.2011) — усечение от *шоу-бизнес*.

Поскольку усечение характерно для разговорной речи, в медиа усечения часто встречаются в интервью, репортажах, цитатах из высказываний очевидцев: *Еще был какой-то чел, который прятался от камеры* (lenta.ru. 25.05.2019); *Образы «брутальных чело́в», братков с бритыми головами и слипшимися от боевого пота челочками, выведенные ею на парижский подиум на показах Vetements, зародились не двадцать и не тридцать лет назад, а все сто, а то и больше: так стригли еще в царской армии, а потом и в Красной* (lenta.ru. 23.01.2018); *А если на тебя кто-то пожалуется, то админы тебя штрафовать не будут* (lenta.ru. 15.08.2019) — усечение от *администратор*; *«Когда сдаешь экзамен преподу, лекции которого не посещал», — отреагировал другой* (lenta.ru. 31.10.2019); *Бывший сотрудник колонии предположил, что об этом позаботился его отец, который «большой коммерс был»* (lenta.ru. 21.11.2019) — усечение от *коммерсант*.

Таким образом, усечения в медийных текстах помогают передать живую разговорную речь, создать эффект непринужденного диалога с читателем.

В некоторых случаях могут усекаются оба слова в составе словосочетания: *И даже в праздник либер-оппам нет*

покая (Отомкак.гу. 09.03.2021) — усечение от либеральные оппозиционеры.

Усечение может выступать средством языковой игры: *Борьба за мир во всем кибере. Россия провела в ООН свою инициативу* (Коммерсантъ. 14.03.2021) — обыгрывается устойчивое словосочетание *мир во всем мире*; *Ёлк и семеро козлят. <...> примерно двум сотням детей после новогодней елки в Кремлевском дворце предложили просто посмотреть на настоящую елку на Соборной площади Кремля, а не на искусственную в фойе Кремлевского дворца* (Коммерсантъ. 26.12.2017) — усечение окончания слова *ёлка* создает созвучие *ёлк* — волк, таким образом обыгрывается название сказки «Волк и семеро козлят».

Усечение и универбация характерны преимущественно для разговорной речи, однако в современных условиях общения они широко представлены и в текстах СМИ — это объясняется тенденцией к демократизации.

2.2.4. Способы образования сложных слов

К способам образования сложных слов, продуктивным в современной русской речи, относятся сложение с соединительным элементом, сложение без использования соединительного элемента, а также аббревиация, в особенности создание сложносокращенных слов.

Возможно сложение с использованием соединительной гласной: *ковидоистерия*, *ковидоноситель*, *ковидопаникер*; ***Толстозверь*** — толстая зверушка, обычно — раскормленная домашняя (Сплетник. 24.01.2014) — *толст-* + *-о-* + *зверь*; ***Гаджетозависимость*** на Тайване на законодательном уровне приравнивается к алкогольной и табачной зависимости (Газета. ру. 28.01.2015) — *гаджет-* + *-о-* + *зависимость*; ***Энерговорам*** усложняют жизнь. Силовики подключаются к борьбе с незаконным потреблением электричества (Независимая газета.

17.10.2017) — *энерг-* + *-о-* + *вор* ‘тот, кто незаконно потребляет электроэнергию’.

В современном русском языке сложение часто происходит без участия соединительной гласной — это процесс активизировался под влиянием английского языка, для которого подобный механизм словосложения является типичным. При создании сложных новообразований без соединительной гласной часто задействована лексика иноязычного происхождения (*зомби, диссидент, кэш, токен*): *Социалистическая экономика как «зомби-идея»* (Ведомости. 04.03.13) — *зомби* перен. ‘Человек, который слепо подчиняется воле — обычно злой — воздействующих на него людей или специальных средств воздействия’ [НСРЯ]; *Региональных парад-диссидентов «строго одёрнули»* (Завтра. 20.06.2020) — в знач. ‘человек, не признающий парады’; в речи также встречаются структурно похожие дериваты *вич-диссидент, ковид-диссидент*, обозначающие игнорирование определенных заболеваний; ***Ковид-сегрегация***: *политолог призвал маркировать граждан РФ цветными повязками на руках* (Завтра. 12.20.2020) — в знач. ‘разделение общества по признаку наличия антител к Covid-19’; ***Кэш-контроль*** (Новая газета.19.02.2019) — в знач. ‘контроль распространения наличных средств (кэша)’; ***Токен-революция***. *Новая криптовалюта обеспечит инвестиции без банкиров, их яхт и отмывания грязных денег* (Новая газета. 26.09.2020) — в знач. ‘революция, связанная с введением нового вида криптовалют — токенов’.

Производными для создания сложных новообразований выступают социально значимые слова современной эпохи, в частности слова, называющие реалии коронавирусной эпохи, интернет-коммуникации, цифровой действительности, сферы бизнеса: *коронагоспиталь, коронаскептик*; *Во Владивостоке появились желтые ковид-маршрутки* (Российская газета. 12.11.2020); *Несколько дней мы лечились дома, но состояние становилось все хуже, и ее госпитализировали в ижевский*

ковид-центр (Российская Газета. Неделя. 31.03.2021); *У психиатров уже появились новые диагнозы: **коронаневроз, коронапсихоз** и далее по списку, в зависимости от количества масок, перчаток, пакетов на голове, количества дезинфекций всего и вся и т.д. Кроме шуток* (<https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1435282&start=15500>); *...в мире говорят о третьем пришествии **коронакризиса*** (НТВ. 06.04.2021); *Я очень благодарен проекту Маска, который разбавил эту **корона-ситуацию*** (НТВ. 02.05.2021); **ковид-идиотизм, ковид-больной, ковид-госпиталь, ковид-диссидент, ковид-пациент** (Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных // Свой Взгляд. 22—28.05.2020), **ковид-скептик** (сорвать маски с **ковид-скептиков** // НТВ. 18.10.2020), **ковид-триллер** (*Никто не хочет повторения и продолжения **ковид-триллера*** // Российская газета. 06.11.2020); **коронапоколение** (*Учиться не надо: коронавирус же! А потом у нас будет **коронапоколение*** // Радио «Вести FM». 29.09.2020).

Всеобъемлющее влияние интернета и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовало повышению частотности в неодериватах частей **интернет- и онлайн-: Просчитались интернет-паникеры** из разных стран (НТВ. 18.04.2020); **Аудитория интернет-версий** изданий выросла на 100 млн человек (Российская газета, www.rg.ru, 24.04.2020); *Теперь и у широкой **интернет-аудитории** появилась возможность посмотреть и оценить* (1-й канал. 11.05.2020); **Волонтеры** объяснят, как уйти на налоговые каникулы и помогут выбрать **онлайн-няню** (Комсомольская правда. 15.04.2020); **Какие онлайн-проекты** помогут учиться на карантине (Российская Газета. Неделя. 22.04.2020); **Создана онлайн-тетрадь** для школьников и учителей (Российская Газета. Неделя. 22.04.2020); **Модные показы** перейдут в **онлайн-формат** (sunmag.me/trend/24-04-2020); **Пятая неделя изоляции. Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн-онлайн** (kommersant.ru. 24.04.2020); **Вакцина от хореографов**

фестиваля «Спасская баиня»: **онлайн-уроки танцев народов мира** (Российская газета. 02.05.2020).

В сложных новообразованиях может выражаться негативная оценочность, как правило, связанная с семантикой исходных слов (*коронаневроз, коронапсихоз, коронакризис* и др.).

Активно используются сложные новообразования с элементом *vip-/vip-*, нередко имеющие негативную окраску. Элемент *vip-/vip-* оформляется в текстах СМИ как с помощью латиницы, так и с помощью кириллицы и происходит от английской аббревиатуры *VIP* (*very important person*) ‘особо важная персона’. Данный элемент характеризуется как ‘часть сложных слов агглютинативного типа, передающая значение важности, влиятельности, исключительности’ [НСРЯ].

Слова с *vip-/vip-* обозначают лиц, наделенных особым высоким социальным статусом, привилегиями, а также различных товаров и услуг, которые такому статусу соответствуют: ***Vip-менеджер*** компании Вадим Алемский пояснил, что договор будет подписан в течение ближайших недель (Коммерческие вести. 13.07.2017) — в знач. ‘менеджер по работе с важными клиентами’; Президент «Реала» Флорентино Перес хотел усадить игроков рядом в ***vip-ложе***, тем самым отдав дань уважения их многолетнему противостоянию (Газета. ru. 05.12.2018) — в знач. ‘ложа с особыми удобствами для статусных гостей’; ***Crocus Fitness*** предлагает клубное членство с индивидуальной программой тренировок, а также ***ВИП-обслуживание***, которое предусматривает отдельные раздевалки, косметику, персональный шкаф и услугу вальт-паркинга (Коммерсантъ. 19.03.2019) — *vip-обслуживание* ‘обслуживание с особыми привилегиями’. Подобные слова выражают положительную оценку, активно используются в рекламе.

Однако в медийном словотворчестве данный элемент нередко присоединяется к основам с негативной семантикой. Создаются новообразования, обозначающие лиц с высоким социальным статусом, нарушающих юридические нормы и

нормы морали, пользуясь особыми привилегиями: **Вип-браконьерам** нашли лазейку. Они смогут гонять зверя, «замаскировавшись» под ученых (Московский комсомолец. 22.07.2012); В Зауралье завершено расследование дела **вип-браконьеров** из Тюмени. Напомним, в феврале 2019 года в Зауралье с поличным были задержаны **вип-браконьеры** из Тюмени — член политсовета «Единой России» Тюменской области (Новый день. 06.09.2019) — на базе лексемы **браконьер** ‘тот, кто занимается браконьерством’, **браконьерство** — противозаконная деятельность, ‘охота или ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время или запрещенным способом, а также недозволенная рубка леса’ [НСРЯ]. Подобные номинации обозначают лиц, которые не только совершают аморальные противозаконные действия, но и имеют высокий социальный статус, дающий им особые привилегии и позволяющий избежать ответственности.

Активно создаются сложные новообразования на базе лексемы **фейк**, заимствованной из английского языка (*fake* (adjective) ‘фальшивый, искусственный’ [Cambridge Dictionary]). В русском языке эта лексема относится к интернет-сленгу и выражает негативную оценку ‘об интернет-контенте: подделка, фикция’ [ССЛ]. Сложные новообразования с **фейк-** обозначают ложные качества и явления, подделки: **Фейк-эксклюзив** «Эхо Москвы» о грядущем дефиците продовольствия в Москве. Совсем недавно на портале радиостанции «Эхо Москвы» оказалось размещено сообщение с явным кликбейтом в заголовке, целью которого является дезинформация аудитории, и жителей Москвы в частности (Газета о газетах. 01.02.2019) — ‘ложный эксклюзив, содержащий неправдивые сведения’; **Новая порция фейк-данных** от «Эхо Москвы». Раздел «Блоги» интернет-ресурса «Эхо Москвы» вновь послужил площадкой для размещения материалов, основанных на лжи (Газета о газетах. 02.09.2018) — ‘ложные, неправдивые данные’.

В современной медийной речи активно используется лексема **фрик** и производные слова на ее базе, как правило,

созданные путем сложения. В английском языке лексема *freak* (noun) имеет несколько значений и выражает негативную оценку '1. урод, посмешище; 2. фанатик, человек, помешанный на чем-либо' [Cambridge Dictionary]. Русскоязычные словари относят лексему *фрик* к жаргону и по-разному трактуют ее значение: 'некрасивый, несимпатичный человек' [Словарь русского арго 2002], 'странный человек, чудака; а также человек, который выделяется своим внешним видом, манерой одеваться, прической и часто вызывающим поведением, взглядами на окружающий мир' [Толковый словарь русского языка XXI]. В сложных новообразованиях основа *фрик-* соединяется с основами номинаций лиц по профессии, такие новообразования обозначают лиц, эпатирующих публику и выделяющихся среди других за счет своего эксцентричного поведения и внешнего вида: *Смертельная схватка фрик-блогеров... Григорий Чистяков широко известен в Красноярске благодаря своим странным и дурацким поступкам* (Московский комсомолец. 13.05.2020); *Боец-фрик утверждает, что нокаутировал в драке легенду Pride. Беннетт — просто безумец. Уничтожил плюшевую игрушку перед боем, продавал кокс, бил беременную* (Спорт экспресс. 30.06.2020); *Жена Мамаева призвала помочь фитнес-фрику... В свои бицепсы он закачал синтол. Из-за большого объема вещества в мышцах Терешину теперь требуется операция* (Газета.ру. 14.08.2019). Сложные новообразования с основой *фрик-* также обозначают события, шокирующие публику, в которых участвуют «фрики»: *Российская лига отказалась от проведения «фрик-боев»... «Это несерьезно, нам это неинтересно. Я не приемлю такие бои», — приводит слова Хасиева «Р-Спорт»* (Газета.ру. 18.12.2019). Так, образ «фрика» связан с эксцентричными поступками, противоречащими традиционной системе ценностей в обществе, поэтому подвергается осуждению.

Иноязычная лексема *трэш* (*trash*) также является заимствованием из английского языка (*trash* '1. мусор, хлам;

2. дрянь, халтура' [Cambridge Dictionary]) и в современном русском языке относится к жаргону. Как и в английском языке, лексема выражает значение 'дрянь, халтура' в новообразованиях, обозначающих продукцию СМИ низкого качества: *Снижается качество коммуникаций... Стремление добиться долевых и цитатных побед направляет госинвестиции в область сенсационной и **трэш-продукции**. При этом многие СМИ не стесняются игнорировать важные для аудитории новости* (Ведомости. 23.04.2015) — в знач. 'сенсационная информация низкого качества'; *То, что еще 50 лет назад считалось бы грязной историей, сюжетом для **трэш-драмы**, нынче продается бесполовой публике, как романтическая история современных Ромео и Джульетты* (Взгляд. 16.09.2019).

Однако сложные слова с основой *-трэш-* могут и не выражать негативных характеристик, когда они называют особую стратегию поведения и стилистику эстетического направления «треш» и употребляются в позитивном или нейтральном контексте: *Это веселая, местами уместно безумная **трэш-комедия*** (Медуза. 16.04.2020) — 'комедия в стиле треш'; ***Треш-сайт** о Сибири завоевал мир и изменил представление о русском Севере* (Лента.ру. 27.12.2017) — 'сайт в эстетике треша'; *После ошеломляющего дебюта **трэш-группа** «Крестоповал» планирует свой первый гастрольный* (Взгляд. 22.09.2012) — 'группа, выступающая в стиле треш'. Таким образом, сложные слова с основой *-трэш-* могут быть негативно-оценочными или нейтральными в зависимости от контекста.

В СМИ активно используются сложносокращенные слова, которые также помогают создать краткую и емкую номинацию явления, однако не обладают разговорной окраской (в отличие от универбатов и усечений): ***Инвестидея**: у акций «Аэрофлота» высокий потенциал роста* (Ведомости. 17.08.2021) — ср. *инвестиционная идея*. Сложносокращенные слова часто служат еще и емким средством характеристики явления, выражают

оценку: *Режиссёра Учителя погнали от госкормушки* (Завтра. 28.04.2020) — ср. *государственная кормушка* перен. разг. ‘Место, где можно приобрести что-л. неблагоприятными способами’ [ТСРЯ].

В современной медийной речи сложение с суффиксацией представлено единичными примерами: *Стрессозаедатель* — человек, который «заедает» проблемы — т.е. в стрессовой ситуации ест больше, чем обычно (Сплетник. 28.01.2014) — *стресс + заедать + -тель-*; *Пора уйти от «бабловерия»*. <...> *Такие предостережения — признак заражения «бабловерием»* (Взгляд. 23.12.2014) — новообразование создано сложно-суффиксальным способом на базе лексем *бабло* и *вера*. Лексема *бабло* в словарях относится к жаргону [ТСРР]. Значение слова нейтрально (‘деньги’), но поскольку лексема *бабло* относится к жаргону, в СМИ оно приобретает пренебрежительную, презрительную эмоциональную окраску, что подтверждается контекстом (*заражения «бабловерием»* — скрытое сравнение с болезнью). Таким образом, в контексте новообразование *бабловерие* обозначает отрицательное нравственное качество, что соответствует традиционной системе ценностей русской культуры: излишне трепетное отношение к деньгам, провозглашение их высшей ценностью осуждается.

Наличие большого количества сложных производных, созданных без использования соединительного элемента, отражает тенденцию к интернационализации в современном русском языке. Также под влиянием тенденции к интернационализации, увеличения количества заимствований в речи, активно создаются сложные слова с основами иноязычных слов.

2.3. Неузуальные способы словообразования

К неузуальным способам словообразования, востребованным в современном медийном словотворчестве, относятся кон-

таминация (междусловное наложение и тмезис), заменительная деривация и графическое словообразование.

2.3.1. Контаминация

Достаточно активно создаются новообразования путем контаминации с совмещением конечной части первого исходного слова и начальной части второго: *Очень вузкие места. По каким правилам будут поступать в вузы абитуриенты-2016* (<http://www.rg.ru/2015/10/13/postuplenie.html>) — вуз + узкие, ср. устойчивое сочетание узкое место, со значением ‘наиболее слабая, уязвимая сторона в каком-л. деле, создающая затруднения, осложнения’ [МАС]; *С футболом в сердце. Жеребьевка ЧМ-2018 была полна скрытых интриг и переживаний* (<http://www.kommersant.ru/doc/2776789>) — футбол + боль; *Ода наградности. Кто кого прославлял в Екатерининском зале Кремля* (Коммерсантъ. 24.05.2019) — награда + радость; *Лингвистическая коронавирусистика. Слово «коронавирус» вошло в общезыковой лексический фонд совсем недавно (до этого оно было известно только узким специалистам и даже писалось через дефис: «корона-вирус»), однако всего лишь за несколько месяцев русский язык успел приспособить его под себя* (philfak.ru. 05.05.2020) — корона-вирус + русистика; *Ковидео* — по аналогии с карантинками, ко-видео – это видео о жизни в самоизоляции. (Posta-Magazine.ru. 13.05.2020) — ковид + видео.

Большую степень экспрессивности, выразительности имеют контаминированные новообразования на базе сленгизмов и жаргонизмов. Новообразование *Боб-стоп* (Международная федерация бобслея и скелетона отняла у Сочи право проведения чемпионата мира // Коммерсантъ. 14.12.2016) создается путем контаминации бобслей + гоп-стоп жарг. ‘Ограбление, кража’ [Словарь русского арго 2002]. Использование лексемы, в уголовном жаргоне обозначающей ограбление, в публикации

подчеркивает агрессивный характер действий Международной федерации бобслея (*отняла у Сочи право проведения*) и выражает критику в экспрессивной форме.

Сленгизмы и жаргонизмы находятся за пределами литературного языка, поэтому их употребление в СМИ нарушает нормы культуры речи. Однако журналисты используют сленгизмы и жаргонизмы, чтобы привлечь внимание читателей и усилить экспрессивность текста: *Муниципалево. ...Мы всех видим! У нас все отцифрованы!* — слова сотрудницы ЦУРА *выглядели хищно* (Коммерсантъ. 30.01.2020) — новообразование создано путем контаминации *муниципальный* (финальная часть усекается) + *палево* (в молодежном сленге ‘контроль (спецслужб)’ [ССЛ]); в контексте служит иронической номинацией цифровых технологий, которые муниципальные органы используют для контроля определенных сфер жизни общества.

Примечательно, что новообразования, созданные неустойчивыми способами, несмотря на свой окказиональный, нестандартный характер, могут получать распространение в СМИ. Так, после поражения российской сборной по футболу в чемпионате Евро-2016, проходившем в г. Тулуза (Франция) в СМИ распространилось новообразование *тулузеры*. Новообразование создано путем контаминации *Тулуза* + *лузеры* от англ. *looser*, в сленге ‘неудачник’ [ССЛ] и выражает негативную оценку игры российских футболистов: *Тулузеры: сборная России крупно проиграла команде Уэльса и вылетела с Евро* (Комсомольская правда. 21.06.2016); *«Тулузеры» отправляются домой. В Госдуме предложили разогнать сборную России по футболу* (СТС. ru. 21.06.2016). Популярность данной номинации отмечали и сами журналисты: *СМИ синхронно назвали футболистов сборной России «тулузерами»* (Газета.ru. 21.06.2016). Получив распространение в СМИ, номинация стала употребляться и по отношению к другим командам, потерпевшим поражение на

чемпионате: *Совсем другие «тулузеры»: Бельгия разгромила Венгрию* (Спорт Экспресс. 27.06.16). Новообразование *тулузер* используется как отрицательная характеристика из-за значения производящего слова *лузер*, употребляется в негативном контексте (*сборная крупно проиграла, вылетела с Евро, предложили разогнать сборную*). Несмотря на многократное употребление в СМИ, данная номинация не вошла в постоянное употребление, но была крайне популярна в 2016 г.

Разновидностью контаминации является тмезис — неузуальный способ словопроизводства, когда одно из исходных слов вставляется внутрь другого: *Туркоператоры. Российский МИД не рекомендует гражданам посещать Турцию* (Российская газета. 24.11.2015) — *туроператоры* + *турки*; *Лучшая защита — нападение. ...в Московский зоопарк накануне саммита завезли двух панд из Китая* (Коммерсантъ. 06.06.2019) — *нападение* + *панда*.

Контаминированные новообразования отличаются нестандартностью и яркостью, включаются в тексты для привлечения внимания, повышения экспрессивности и образности текста. Они выполняют также развлекательную функцию: читатель вступает в интеллектуальную игру, разгадывая многогранный смысл новообразования.

2.3.2. Заменительное словообразование

Среди неузуальных способов создания новообразований также крайне востребованным является заменительное словообразование, проявляющееся в замене служебной морфемы в составе простого слова или одного из корней в составе сложного слова: *СТОП-КРАХ... В силу страшной гримасы судьбы контроль за этой многомиллионной колонной попал в руки воров <...> асоциальных подонков, которые не имеют ни ума, ни желания организовывать такое массовое движение...* (Экономика и мы. 28.04.2016) — ср. *стоп-кран* с заменой

второго корня в сложном слове на *крах* перен. ‘Полный провал, неудача’ [НСРЯ]; *Известный политолог о вирусобесии: «Попытка отработать новые технологии управления обществом очевидна»* (Завтра. 25.03.2020) — новообразование на базе лексемы *мракобесие* ‘Крайне враждебное отношение к прогрессу, просвещению, науке’ [ТСРЯ] с заменой одного их корней на *вирус*, что отсылает к пандемии вируса COVID-19; *Черноярск. На прошлой неделе в Красноярске на трое суток официально ввели режим «чёрного неба». Город покрылся серой смесью тумана и гари, в которой едва можно было различить силуэты зданий* (Версия. 24.02.2020) — ср. *Красноярск* (название российского города) с заменой второго корня в сложном слове на *черно-* в заголовке публикации о проблемах экологии — черном от дыма небе; *Несчастазот. Очередной групповой несчастный случай на крупнейшем химическом заводе ПАО «Тольяттиазот» привел к гибели двоих рабочих* (Версия. 16.04.2020) — ср. *Тольяттиазот* (название завода) с заменой второго корня в сложном слове на *несчаст(ье)*, что отсылает к тематике публикации о трагедии на производстве.

Наиболее востребованным приемом заменительного словообразования в современном словообразовании является замена корня в сложном слове, однако возможна и замена служебной морфемы, например, префикса: *Здравозахоронение. В области разгорается скандал с разглашением личных данных пациентов «скорой» и их родственников* (Российская газета. 15.02.2017) создано путем замены в сложном слове *здравоохранение* префикса *о-* на *за-*.

В качестве заменяющих частей могут использоваться лексемы, актуальные в последние годы в связи с пандемией: *Главнойинфекционная мисс Катастрофа* (expert.ru. 22.03.2020) — ср. *главнокомандующий* с заменой части на *инфекционная*; *Отменили Евровидение — получите карантиновидение* (mir24.tv. 12.04.2020) — ср. *Евровидение* с заменой части на *карантин*.

Как и контаминация, заменительное словообразование используется для создания новообразований, привлекающих внимание читателя, поэтому такие новообразования часто встречаются в заголовках.

2.3.3. Графическое словообразование

В современной медиасфере и интернет-сфере активно используются визуальные средства воздействия на читателя, поэтому в словообразовании актуальны графические средства создания новых слов.

При капитализации в узуальном слове может выделяться прописными, заглавными буквами часть, совпадающая с другим узуальным словом: ***ЭТАЛОНное** шугерство. Покупка строительной группы компаний «Эталон» из Санкт-Петербурга Владимиром Евтушенковым может привести к её уничтожению* (Версия. 26.03.2020) — в слове *эталонное* выделяется часть **ЭТАЛОН**, совпадающая с названием компании «Эталон», которую журналист подозревает в мошенничестве; ***ПодНАТОрели:** альянс вновь поставил «российскую угрозу» в один ряд с терроризмом* (Известия. 05.12.2019) — в слове *поднаторели* выделяется часть **НАТО**, совпадающая с аббревиатурой — названием международной организации.

С помощью заглавных букв в узуальном слове может выделяться корень, что позволяет расставить смысловые акценты и привлечь внимание читателя: ***ГЛАВный** выход — «Новое дело»* (<https://www.delonn.ru/>).

С помощью заглавных букв может выделяться часть узуального слова в составе контаминированных новообразований: *Самые **сКАНН**дальные платья фестиваля* (Комсомольская правда. 18.05.2019) — *скандалный* + *Канны* (выделяется корень слова *-Канн-*), о кинофестивале в Каннах; *«**НеБЛОГО**надежная среда»... в Глобальной сети каждое написанное слово может стать известно работодателям*

(Компания. 24.01.2011) — новообразование создается путем контаминации *неблагонадежный* ‘недостойный доверия в нравственном или каком-либо ином отношении’ + *БЛОГ* с капитализацией второго производящего слова. Капитализация производящего слова *блог* в составе новообразования позволяет сделать структуру новообразования более прозрачной, акцентировать внимание на выделенном фрагменте: части *благ-* и *блог-*, которые накладываются друг на друга, формально похожи, поэтому графическое выделение привлекает внимание читателя.

В процессе капитализации может выделяться не целое слово, а одна буква, отмечающая начало второго производящего слова в составе новообразования: *Откланились*. *Второй президент Казахстана выходит из тени первого* (Новая газета. 08.07.2019) — ср. *откланялись* с выделением слова *клан* ‘замкнутая группировка, обычно возникающая на основе родственных, экономических, деловых связей, общих интересов и потребностей, характеризующаяся взаимопомощью ее членов, финансовым и деловым партнерством, круговой порукой; часто имеет противоправный характер’ [Словарь иностранных слов 2006]; *Это не «Чернобыль» — это ЧерноБоль*. *Участник запуска АЭС, экс-чернобылец Валерий Милашенко в колонке для AiФ.ru — о том, как его поразил сериал «Чернобыль»* (Аргументы и факты. 14.06.2019) — *Чернобыль* с заменой части на *боль* ‘ощущение физического или нравственного страдания’ [МАС] и дополнительной капитализацией.

Капитализация в контаминированных новообразованиях служит для выделения одного из производящих слов в составе новообразования, таким образом языковая игра становится более понятной для читателя.

В эпоху глобализации в словообразовании все чаще используется латиница.

Новообразования с иноязычными частями, написанными латиницей, создаются путем сложения: *SKYPE-конвой*. *Тюремное ведомство начало контролировать арестантов через*

Интернет (Российская газета. 14.03.2012); *Total-сокращение* (РБК. 16.08.2016); *Записки COVID-волонтера* (Собеседник. 15—16.05.2020). Подобная модель преимущественно используется для создания оценочно-нейтральных новообразований, выполняющих номинативную функцию (ср. *CD-диск*, *beauty-журнал*, *fashion-бутик*).

Графическое словообразование с использованием латиницы в большей степени свойственно контаминированным новообразованиям. Так, иноязычные элементы в исконной графике могут соединяться путем контаминации — производящими для новообразования выступают два узуальных слова, одно из которых принадлежит русскому языку и оформляется кириллицей, другое слово — иноязычное в исконной графике (латинице): *Массовый PSYхоз*. *Корейская поп-звезда доказала, что мир, возможно, более плоский, чем нам кажется* (Эксперт. 26.10. 2012) — *психоз* разг. ‘Сильное психическое воздействие каких-л. явлений, событий, вызывающее нервозность, навязчивые идеи, страх’ [MAC] + *PSY* (псевдоним корейского певца); *COVIDное постоянство: коронавирус станет сезонной болезнью, как грипп* (Известия.IZ. 28.02.2020) — устойчивое сочетание *завидное (постоянство)* с заменой первой части на *COVID*. В контаминированных новообразованиях *DDoSмали*, *ВещDDOSы* обыгрывается написанная латиницей аббревиатура *DDoS (атака)*, обозначающая хакерскую атаку на вычислительную систему, таким образом в заголовках раскрывается проблема киберпреступности: *DDoSмали*. «Ъ» *просит МВД проверить причастность «Наших» к атакам на ИД* (Коммерсантъ. 10.02.2012) — *достали* ‘выводить кого-либо из себя непрекращающимися действиями, расспросами; надоедать, приставать, раздражать’ [ССЛ] + *DDoS*; *ВещDDOSы соберут по стандарту. Под кибератаки подводят доказательную базу* (Коммерсантъ. 11.11.2016) — *вещдоки* (профессионализм, созданный путем сращения словосочетания ‘вещественные доказательства’) + *DDOS*.

Широкое использование графических средств словообразования связывается с визуализацией современного общения, усилением игрового начала и креативности языковой личности.

Словообразовательная система языка представляет собой открытую структуру, которая, как и лексическая система, в большой степени зависит от внешних факторов. Работа словообразовательного механизма языка обеспечивает пополнение лексического состава. Но и сам словообразовательный механизм не остается без изменений. Одни части словообразовательного механизма утрачивают продуктивность и перестают функционировать, другие части, наоборот, становятся продуктивными, активно функционируют. Наконец, в составе словообразовательного механизма возможно и появление новых частей исконного или иноязычного характера. На деривационный потенциал словообразовательного механизма влияние оказывают социальные факторы, и прежде всего социальные потребности в новых номинациях, а также в уточнении характеристик и оценке уже названных реалий.

В текстах современных российских медиа отражаются активные словообразовательные процессы. Журналисты используют средства словообразования, чтобы создать номинации для новых общественных явлений, выразить свое отношение к ним, а также чтобы сделать свой текст более ярким, экспрессивным и привлечь внимание читателя.

Результатом медийного словотворчества становятся новообразования, которые создаются узуальными и незузальными способами.

Продуктивными узуальными способами являются префиксация и префиксоидация, суффиксация и суффиксоидация, различные разновидности сложения и другие способы. При этом можно отметить некоторые общие тенденции:

- активно используются аффиксы, модели и способы, свойственные разговорной речи (уменьшительно-лас-

кательные суффиксы, универбация, усечение и т.д.); за счет этого автор делает свой текст более экспрессивным и стремится установить контакт с читателем, создать эффект непринужденности общения;

- актуальны иноязычные аффиксы, аффиксоиды и корни, что отражает общую тенденцию к интернационализации, глобализации во всех сферах жизни общества, в том числе в речевой сфере; многие иноязычные морфемы имеют книжный характер, приходят в медийное словотворчество из научного стиля;
- многие аффиксы и аффиксоиды выражают оценку (*супер-*, *гипер-*, *мега-*, *-цин-*, *псевдо-* и *квази-* и др.), поэтому словотворчество помогает автору выразить собственное мнение и воздействовать на мнение читателей.

Неузуальные способы менее регулярны и продуктивны, чем узуальные. Среди неузуальных способов в современном медийном словотворчестве активность проявляют контаминация, заменительная деривация и графическое словообразование. Неузуальные способы помогают создать яркое, необычное новообразование с многогранным смыслом. Поэтому, создавая такие новообразования, автор реализует свой творческий потенциал, а также привлекает внимание читателя за счет нестандартности новообразования. Подобные новообразования могут выполнять развлекательную и комическую функцию, вовлекая читателя в своеобразную игру, и в то же время могут выражать оценку определенных социальных событий.

2.4. Культурная апроприация заимствований на словообразовательном уровне

Культурная апроприация заимствований на словообразовательном уровне заключается в вовлеченности иноязычных элементов в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного. Так, например, вошедшее в нашу речь

слово *гламур* тут же порождает целый массив субстантивных, адъективных, глагольных и наречных новообразований, не просто ожидаемые *гламурить*, *гламурный*, *гламурно*, но и достаточно экзотические — *гламурненький*, *гламурненько*, *гламурь*, *гламурьё*, *гламурицк / щца*, *гламурник / ница*, *нагламуренный*, *огламуренный* и пр. [Северская 2011]. Аналогично — в наших материалах по уже упомянутому выше слову *хайп* зафиксировано большое количество новообразований субстантивных (*антихайп*, *сперхайп*, *гиперхайп*, *мегахайп*, *пседохайп*, *минихайп*, *хайповость*, *хайпище*, *хайпушка*, *хайпишко*, *хайпишка* и пр.), адъективных (*хайповый*, *хайповатый*), наречных (*хайпово*) и глагольных (*хайпить / хайпиться*, *захайпить / захайпиться*, *отхайпить / отхайпиться*, *расхайпить / расхайпиться*, *подхайпить / подхайпиться* и пр.).

В этом плане интересны, например, неадериваты от заимствованного слова *селфи*, которое в первоначальном виде, видимо, не имеет экспрессивных или оценочных сем, означая вполне нейтральную конфигурацию смыслов: ‘фотография самого себя с помощью предназначенных для этого технических устройств’. Однако иную картину мы наблюдаем в субстантивных дериватах этого слова по модели экспрессивного суффиксального словообразования с помощью диминутивов, когда спонтанно возникают экспрессивно-оценочные смыслы:

Селфяшка на память о 36-летию со дня нашей свадьбы (https://www.liveinternet.ru/photo/alla_sumeny/post21783432/);

Лет десять тому назад сделала первую селфяшку (<https://mamakenga-71.livejournal.com/164320.html>).

При этом имеются дериваты как мужского рода — *селфишко* (по модели *домишко*, *бельшко*):

И как же без новогоднего селфишка (www.imgrum.net/user/jeka_anik/),

— так и женского — *селфишка* (по модели *землишка*, *мелочишка*):

Самый дорогой человек в моей жизни!!! Селфишка с папашкой!!! (<https://m.ok.ru/profile/>).

Обнаружен даже сниженно-разговорный экспрессивный фонетический вариант, маркированный по женскому роду — *селфя*: *Селфя с сегодняшнего хеллоуинского концерта...* (www.diary.ru/~iolly/p206570911.htm).

Как уже было сказано выше, использование размерно-оценочных суффиксов свидетельствует о наличии эмпатии — эмоционально окрашенного отношения говорящего в выражаемому понятию.

Аккультурация иноязычных корней в русскую глагольную лексику также осуществляется по русским способам видеть мир в слове, отражая такую черту «семантического универсума», как присущая русскому глаголу избыточная образная характеристика ситуации в целом с встроенным экспрессивно-оценочным отношением к ней.

Так, например, то же приращение эмоционально-экспрессивных смыслов мы наблюдаем в глаголах, образованных на базе этого слова через ступень деривации — глагол *селфить* и его возвратный коррелят — *селфиться*:

Учимся правильно селфить у мастера Жана-Франсуа Жонвелля (Ostrich.livejournal.com/10889524.html);

Как фотографироваться сейчас модно и как селфиться категорически нельзя (gubdaily.ru);

Как правильно селфиться (<https://www.youtube.com/watch?v=-7H5DRzi9Aw/>);

Не на диване или коврике селфиться (olivkafrekenbok.myqip.ru).

От этого глагола и его дериватов также образуются причастия:

А на четвертом — улыбающийся и селфящий себя в храме священик (www.yaplakal.com);

Уродки отселфенные! (myprikol.com/comments/);

— *деепричастия*: *Вдоволь наулыбавишись друг другу и населфивишись, публика направилась в зрительный зал* (<https://03grb.ru/opinions/>).

Уже эти формы содержат в себе определенный экспрессивный потенциал. Кроме того, известно, что в русском языке существует вполне специфичная лексико-грамматическая категория **способа глагольного действия**, когда на базе одного глагола с помощью разных типовых словообразовательных формантов (приставок, суффиксов и постфикса *-ся*) образуется разветвленная система дериватов, которые обозначают разнообразные и порою неперебиваемые на другие языки аспекты действия, его различные временные, количественно-временные и результативные модификации действия (*бегать* → *забегать*, *набегаться*, *отбегаться*, *разбегаться* и т.д.). Наличие этой категории, несомненно, можно интерпретировать в духе исконных способов языковой концептуализации мира, так сказать, проявления «языковой ментальности»: русскому человеку почему-то понадобилось выражать самые разные, порою довольно тонкие нюансы, оттенки и параметры описываемого действия в пределах одной лексемы, как бы схватывать в глаголе всю ситуацию в целом, при этом включая туда и экспрессивно-эмоциональную реакцию на эту ситуацию или оценку описываемого действия.

Поэтому вовлечение некоего иноязычного слова в разветвленный способ глагольного действия является несомненным свидетельством его «культурной русификации», так сказать, концептуального «обрусения». Именно это мы наблюдаем для глагола *селфить* / *селфиться*. От данного глагола образуются самые разнообразные дериваты с сильной степенью экспрессии:

— *понаселфить*: **Понаселфили** в общем (www.pictaram.com/tag/malcev);

— *понаселфиться*: *Пока Доби бегал за водичкой, они **понаселфились***. (<https://vk.com/wall/>);

— *отселфить*: *Я ровно два года назад **отселфился** на этой же камере* (<https://www.drive2.ru/b/>)

— *поселфиться*: *Из разряда **помылись**, **убрались**, **поселфились*** (<https://www.drive2.ru/>);

— *населфиться*: **Населфился** до потери сознания! (<https://otvet.mail.ru/question>); *Петербуржцам и гостям города на Неве можно и бесплатно населфиться* вдоволь (peterburg.center/ln/3d-selfi-v-peterburge-foto-s-dinozavrami-i-ne-tolko.html);

— *уселфиться*: **Весь уселфился** (<https://vk.com/>).

О том, что включение иноязычных корней в систему моделей русского экспрессивного глагольного словообразования, в том числе — русских способов глагольного действия, как примета культурной апроприации этих понятий является значимой тенденцией в активных процессах современного русского языка, свидетельствуют подобные эффекты, обнаруженные и у других иноязычных лексем.

Так, на базе заимствования *лайк* (условное выражение одобрения материалу, пользователю, фотографии, выражающиеся нажатием одной кнопки) образуются экспрессивные глаголы *лайкать* и *лайкнуть*, которые также порождают ряд аффиксальных модификаций действия по значению производящего глагола:

— *полайкать*: *Она попросила своих друзей «ВКонтакте» зайти на страницу ее сына и «полайкать» его...* (<https://snob.ru/selected/entry/>);

— *полайкаться*: *Молодежь в процессе деградации — главное побольше полайкаться в соцсетях* (sergey-anaxata.livejournal.com/2017/02/04/?get=prev);

— *налайкаться*: *Зачем секс, если можно зайти на ask, найти девочку, которая ненавидит жизнь и людей примерно так же, как и ты, и налайкаться* вдоволь (ask.fm/jratvaaadepressiontime/answers/119149814292).

От глагола *френдить* ‘включать чью-либо учётную запись в список избранных контактов на интернет-ресурсе’ также зафиксирован целый букет экспрессивных аффиксальных модификаций действия:

— *зафрендить*: *Добавить в друзья (т.е. предоставить повышенные права доступа к личным ресурсам) в социальной*

сети, в частности в жж. Хотите меня **зафрендить**? (argo.academic.ru/);

— **зафрендиться**: **Зафрендиться** с потребителем в последнее время (www.kommersant.ru/private/pdoc?docsid=139182);

— **отфрендить**: **Отфрендить** нельзя помиловать (www.costo.ru/sex-love/he_and_you/otfrendit-nelzya-pomilovat/);

— **расфрендить**: Трудно **расфрендить** человека, который одновременно: сам по себе хороший и обаятельный (andrzejn.livejournal.com/555148.html);

— **расфрендиться**: Недавно пришлось **расфрендиться** с парой «широко известных в узких кругах» блогеров (asiarussia.ru/blogs/11100/);

— **пофрендиться**: Ничего не имею против новых технологий, но когда они опускаются только до уровня «пофрендиться» и «**полайкаться**»... (forums.kuban.ru/43068749-post4820.html).

Мы видим, что в освоении заимствований и на уровне словообразования русский язык ведет себя как рачительный хозяин: берет из чужого то, что ему нужно, и делает это своим. Иноязычные по происхождению элементы осваиваются и даже присваиваются современными носителями русского языка как часть их собственной, национально-специфичной естественной речевой практики.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.
2. Что такое «словообразовательная модель» и «словообразовательный тип»? Чем эти понятия отличаются?
3. Чем отличаются узуальные и неuzuальные способы словообразования? Приведите примеры слов, созданных узуальными и неuzuальными способами.

4. Какие продуктивные способы словообразования есть в современном русском языке?

5. Какова разница между аффиксом и аффиксоидом? Какие аффиксы и аффиксоиды, продуктивные в современном медийном словотворчестве, выражают негативную оценку?

6. Какие префиксы и префиксоиды, суффиксы и суффиксоиды, исконные и заимствованные, являются наиболее активными для современного медийного словотворчества? Обратите внимание на синонимичность, стилистические особенности и оценочный характер данных морфем. Попробуйте подобрать формальные и семантические аналоги в венгерском языке и сравните их функционирование.

7. Какова разница между словами, образованными при помощи размерно-оценочного суффикса **-к-** (типа **зарплата**), и универбатами с суффиксом **-к-** (типа **дистанционка**)?

8. Какие семантические, стилистические и оценочные особенности имеют сложные новообразования на базе заимствованных лексем? Приведите примеры сложных слов с компонентом **-треш-**, где отсутствует негативная характеристика — вопреки ожидаемой негативной, и с компонентом **-вип (VIP)-** с негативной оценкой — вопреки ожидаемой положительной.

9. Приведите примеры графического словообразования в текстах из венгерских СМИ или рекламы.

10. Какие общие тенденции наблюдаются в активных словообразовательных процессах русского языка и венгерского языка? Приведите примеры.

11. С какими трудностями сталкивается переводчик при подборе эквивалентных средств в венгерском языке для передачи сти-

листических и эмоционально-оценочных функций современного русского словообразования (возможно, на конкретных примерах необразования)?

12. Какими средствами может воспользоваться переводчик для передачи форм, возникших в результате незуальных способов словообразования? Есть ли в венгерском языке активные незуальные способы словообразования?

*13. Каким образом словообразование свидетельствует о культурной апроприации заимствований? Проиллюстрируйте данный процесс неодериватами от заимствованного слова **селфи**. Обратите внимание и на глаголы, в частности на способы действия.*

14. Разложите следующие неологизмы на компоненты.

	Корень	Форманты
<i>безмасочник</i>	<i>маска</i>	<i>без-, -ник</i>
ковидник		
пандемийный		
антипрививочник		
бессимптомщик		
докоронавирусный		
карантинист		
суперзаражатель		
гречник		
постковидный		
зумизация		

15. Определите узуальный способ создания новообразований в медийных текстах:

а) **Коронавирусная инфопандемия** (Эхо Москвы. 10.04.2020).

б) **Микропропуска** для въезда в Белоруссию. Без которых не получится пересечь российско-белорусскую границу (TJ journal. 04.08.2020).

в) **VIP-вирус**. Все большие политиков, актеров, спортсменов и других знаменитостей заражаются коронавирусом (Коммерсантъ. 22.03.2020).

г) **Телеармия** идёт в бой. В суде начались слушания по делу Михаила Ефремова. А на телеканалах эти «слушания» и не стихали. Столько криков и проклятий опытный телезритель и не припомнит (Наша Версия. 11.08.2020).

д) **Харассмент-гейт**: Скандал с обвинениями в домогательствах прокатился по всему миру (РБК, название рубрики).

е) **Коронаминусы** и **коронаплюсы**. Президент заверил бизнесменов, что их бизнес не будет разрушен второй волной пандемии (Коммерсантъ. 21.10.2020).

ж) **Ковид-сегрегация**: политолог призвал маркировать граждан РФ цветными повязками на руках (Завтра. 12.10.2020).

16. Определите неузуальный способ создания новообразований в медийных текстах:

а) **Автомобилль** о правах. В автомобильной отрасли ожидают падение продаж на 20—50% в 2020 году (Коммерсантъ. 24.04.2020).

б) **Тихая орбитель**. Специальный корреспондент “Б” Андрей Колесников — о том, стоит ли космонавтам, как запланировано, возвращаться сейчас на Землю (Коммерсантъ. 11.04.2020).

в) **Мемуарно-денежные** отношения. «Махинаторы» Дейва Маклина подоспели к открытию кинотеатров (Коммерсантъ, 01.08.2020).

г) **Иммунитет-а-тет**. Мы должны двигаться к коллективному иммунитету на уровне 60%, и такую задачу по прививке хотя

бы первым компонентом ставим к 1 ноября 2021 года (Коммерсантъ. 21.07.2021).

д) **Пост-Modernism**. Всемирный конгресс вакцин назвал Moderna лучшей вакциной от коронавируса в мире (Коммерсантъ. 05.06.2021).

Справочная информация:

Билль о правах (от англ. *Bill of Rights*) — юридический термин, название закона, устанавливающего основные права и свободы гражданина.

«*Тихая обитель*» — пейзаж русского художника Исаака Левитана.

Товарно-денежные отношения — экономический термин, обозначающий рыночные отношения, возникающие при продаже товаров.

Тет-а-тет (от франц. *Tête-à-tête*) — означает ‘вдвоем, с глазу на глаз’.

Постмодернизм — название литературного направления.

17. Сгруппируйте слова по способу словообразования.

админ, антикарантинист, бандитизация, БЛОГбастер, вакциноид, вакцинотурист, вирусмажорный, вирусолизация, вирусоскептик, гречник, дистант, дистант-образование, дистанционка, доковидный, зум-усталость, карантейли, карантинообучение, карантинофоб, квазикарантин, кибервойна, ковид-паникёр, ковидарность, ковидоистерия, комп, коронадепрессия, маскомода, маскофил, мегаскандал, нанопенсия, наружитель, недоблоггер, обезZOOMеть, онлайн-обучение, откарантинить, постпандемийный, противомасочник, удалёнка, удаЧное время, трудорасстроиться, шоубиз, ШОУ-ковая (терапия), COVID-иот

Префиксация					
Суффиксация					

Префиксально-суффиксальный способ					
Чистое словосложение с интерфиксом					
Чистое словосложение без интерфикса					
Усечение					
Универбация					
Контаминация					
Графическая деривация					

18. Какие префиксы или префиксоиды использованы для создания данных новообразований? Исходя из значения префиксов и префиксоидов, определите значение сами новообразований в медийных текстах.

а) Русская **авиарулетка**. Таким образом, полёт на «Суперджете» можно приравнять к игре в русскую рулетку (прим. — экстремальная азартная игра с опасностью смертельного исхода), где останешься в живых, если повезёт (Наша версия. 12.05.2019).

б) Такие **квазиисследования**, о которых идет сегодня речь, безусловно, способны лишь еще больше отравить атмосферу наших двусторонних отношений (Российская газета. 21.01.2016).

19. Образуйте слова от корней **корона**, **ковид** и **маска** при помощи указанных в таблице аффиксов. Осторожно! Не все варианты возможны!

	корона	ковид	маска
анти-			
без-			
до-			
пост-			
-ист			
-ник			
-фил			
-фоб			

20. Определите значение глагольных дериватов. Переведите предложения на венгерский язык.

Представители этого знака уже вдоволь **«накарантинились»** и даже **«налокдаунились»**, поэтому бездельничать они совсем не настроены (<https://vesti.ua/lite/goroskop/mesyats-aktivnosti-i-spokojstviya-goroskop-na-aprel>).

Однако я вот прогуливаясь по соцсетям заметил, что почти весь мой бывший круг знакомств **ковиданулся** на всю голову (<https://kondratio.livejournal.com/1285646.html>).

Мы самоизолировались-самоизолировались и **досамоизолировались**. Какой следующий приказ — самоликвидироваться? (<https://yatakumayu.ru>)

«Насамоизолировался»: в Перми человек напал на здание краевой прокуратуры (<https://progorod59.ru/news/34752>).

Маску — на себя. Можно ли сохранить ментальное здоровье, когда мир **ковиднулся** (<https://music.yandex.ru>).

Каждый решил разбежаться по своим национальным квартирам, самоизолироваться и **закарантиниться** на период эпиде-

мии. (<https://az.sputniknews.ru/20200327/russia-usa-zapad-europa-koronavirus-ekonomika-g20-423508202.html>)

Мои **отковидили** из-за того, что ребенок из школы ковид при-
волок. (<https://kotenka-m.livejournal.com>)

Очень хочется уже **раскарантиниться**. Но не все го-
товы это делать резко и сразу. (<https://www.youtube.com/watch?v=LeBVG4Bi68E>)

На свадьбе он **обковидил** всех гостей, включая невесту.

Когда я **приковидился**, почему-то остехондроз обострился.
(<https://www.yaplakal.com/forum14/st/50/topic2360762.html>)

Список литературы

Научная и учебно-методическая литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 9-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 328 с.
4. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т, 2002. 359 с.
5. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 154 с.
6. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студентов филол. специальностей ун-тов. М.: Высш. школа, 1984. 255 с.
7. Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. С. 39—46.
8. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 332 с.
9. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 136 с.

10. Русская грамматика: в 2 т. / Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980—1982.
11. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова, Е.А. Жданова. М.: ФЛИНТА, 2021. 328 с.
12. Северская О.И. *Гламур, гламурь, гламурьё* и прочее (об истории одного из заимствований последних лет) // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. Вып. 10. С. 48—53.
13. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова. Москва, 2018. 232 с.
14. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

Словари

1. Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980—1990 гг.) // ГРАМОТА.РУ, 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/>
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: Более 4500 слов и выражений. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
3. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
4. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
5. НСЗ-90 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. 1392 с.
6. НСРЯ — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>

7. ССЛ — Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: <https://argo.academic.ru/>
8. Толковый словарь русского языка XXI века. URL: <https://how-to-all.com>
9. ТСИС — Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25 000 слов и словосочетаний. М.: Русский язык, 1998. 846 с.
10. ТСРЯ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. URL: <https://dic.academic.ru>
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ

3.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в морфологии

Морфологическая система языка, совместно с синтаксисом, образуют грамматику языка. **М о р ф о л о г и я** — это та часть грамматического строя языка, которая объединяет грамматические классы слов (части речи), принадлежащие этим классам грамматические (морфологические) категории и формы слов. Таким образом, в центре морфологии стоит слово с его грамматическими изменениями и грамматическими характеристиками.

Слово — это сложное единство лексического и грамматического значений. Например, слово *лампа* обозначает «осветительный или нагревательный прибор различного устройства». Это его лексическое значение. В смысловое содержание слова *лампа* входят еще значения женского рода, именительного падежа и единственного числа. Это его *грамматические*, а точнее — *морфологические* (как разновидность грамматических) значения. Лексическое значение слова — индивидуальный смысловой признак, отличающий его от других слов. Даже близкие по смыслу слова (ср. *лампа*, *фонарь*) имеют разные лексические значения. *Морфологические* значения характерны для целого класса слов. Так, значения женского рода, единственного числа, именительного падежа объединяют слова *лампа*, *вода*, *рыба*, *комната*, *мысль* и др., которые не имеют ничего общего в своих лексических значениях.

Грамматическое значение — это значение, которое обязательно, регулярно выражается в языке, причем определенным способом. Например, значение дательного падежа единственного числа слова *друг* и всех грамматически подобных ему слов

выражает окончание **-у (-ю)**: *слон-у, стол-у, кон-ю* и т.д. Свойство обязательно выражать грамматические значения определенным способом называется **облигаторность**. Это свойство грамматики, общее для всех языков. Грамматическое значение и грамматический способ неразрывно связаны. Если некое значение в языке может выражаться, а может — и нет; может выражаться так, а может — иначе (например, значение определенности / неопределенности в русском языке), значит, оно необлигаторно, следовательно, для него нет грамматического способа выражения, следовательно, и грамматического значения тоже нет.

Грамматические значения не изолированы от лексических. Они как бы «наслаиваются» на лексические (реальные, вещественные) значения слов и опираются на них. Поэтому их нередко называют сопутствующими. Грамматические значения отражают или определенные черты явлений внешнего мира (например, значение предмета), или отношение говорящего к высказываемой им мысли (например, значение I лица), или внутриязыковые связи и взаимоотношения слов (например, род, число, падеж прилагательных). Как лексика и грамматика, являясь разными сторонами языка, связаны друг с другом, так и лексическое и грамматическое значения в слове находятся во взаимодействии. Это проявляется, например, в том, что с изменением лексического значения в слове меняются и его грамматические значения, и формы. Так, в словосочетании *звонкий голос* прилагательное *звонкий* качественное. Оно имеет формы степеней сравнения (*звонкий, звонче, самый звонкий*). То же прилагательное в словосочетании *звонкий согласный*, потерявшее значение качественности и ставшее относительным прилагательным (*звонкий*, т.е. образованный с участием голоса), утратило и формы степеней сравнения, т.е. лишилось ряда грамматических значений и форм.

Грамматические значения выражаются определенными **грамматическими средствами**. Так, значение 1-го лица единственного числа в глаголе *пишу* выражается при помощи окончаний

чания -у, а общее значение творительного падежа в слове *лесом* выражается при помощи окончания -ом. Грамматические значения могут выражаться не только при помощи морфологических видоизменений слова, но и при помощи других слов, с которыми оно связано в предложении. Например, в предложениях *Он купил пальто* и *Он был в пальто* форма слова *пальто* одинакова, однако в первом случае оно имеет грамматическое значение винительного падежа, а во втором — предложного падежа. Эти значения создаются разными связями этого слова с другими словами в предложении.

В русской морфологии существуют разные способы выражения грамматических значений, т.е. способы образования форм слова: **синтетический**, **аналитический** и **смешанный**. При **синтетическом способе** грамматические значения выражаются обычно аффиксацией, т.е. наличием или отсутствием аффиксов (например, *стол, стола; идет, идут; красив, красива, красиво*), значительно реже — чередованием звуков и ударением (*умереть — умирать; масла — спец. маслá*), а также супплетивно, т.е. образованиями от разных корней (*человек — люди, хорошо — лучше*). Аффиксация может совмещаться с изменением ударения (*вода — воды*), а также с чередованием звуков (*сон — сна*). При **аналитическом способе** грамматические значения получают свое выражение вне основного слова, т.е. в других словах (*слушать — буду слушать*). При **смешанном**, или **гибридном, способе** грамматические значения выражаются и синтетически, и аналитически, т.е. и вне, и внутри слова. Например, грамматическое значение предложного падежа выражается предлогом и окончанием (*в доме*), грамматическое значение первого лица — местоимением и окончанием (*я приду*).

Выражение грамматических значений внешними языковыми средствами называется **грамматической формой**. Вне грамматической формы не существует ни одного грамматического значения. Слово существует в языке как система **словоформ**. Так, существительное *стол* — это система словоформ: *стол, стола, столу, столом, (о) столе; столы, столов, столам, столами,*

(о) *столах*. Каждое изменение слова одновременно несет в себе несколько значений или — реже — одно значение. Например, в словоформе *стола* заключены значения род. п., ед. ч., муж. р.; в словоформе *красивее* — значение сравнительной степени прилагательного или наречия. Кроме того, каждая словоформа сохраняет и общее морфологическое значение слова, т.е. значение части речи.

Принадлежащие языковой системе морфологические видоизменения слов данной части речи, несущие наряду с общим значением части речи некоторый комплекс морфологических значений (или одно такое значение), называются формами слов. Формы одного и того же слова могут быть определены как регулярные видоизменения слова, объединенные тождеством его лексического значения и различающиеся морфологическими значениями. Таким образом, в конкретных словоформах того или иного слова (*читаешь, сделали бы, столом, умному*) представлены морфологические формы как абстрактные грамматические образцы — в полном отвлечении от конкретных слов с их индивидуальными лексическими значениями.

В ряде случаев отдельные слова образуют формы, тождественные по своему морфологическому значению, но различающиеся по выражению, например: *сахара и сахару, водой и водою; в краю и в крае; тракторы и трактора; верховий и верховьев; дверями и дверьми; красной и красною; естествен и естественен; бойче и бойчее; выздоровею и выздоровлю; капаю и каплю; двигаю и движу; сох и сохнул; река, реку, реки, рекам и река, реку, реки, рекам* с другим ударением. Такие формы называются вариантными.

Упорядоченная совокупность (или система) грамматических форм слова называется *парадигмой*. Парадигму имеют только изменяемые слова. Морфологическая парадигма слова — это совокупность всех грамматических разновидностей (словоформ) данного слова (набор всех форм, выражающих все значения). Способность слова образовывать парадигму называется *словоизменением*. В русском языке парадигмы реализуются

в типах склонения и спряжения. Поэтому выделяют два вида парадигм — именная и глагольная. Именная парадигма — это совокупность всех словоизменительных форм слова, принадлежащего к классу имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных. Это — выражение их словоизменительной категории числа и падежа (т.е. изменение по числам и падежам). Глагольная парадигма — это система личных спрягаемых форм глагола, т.е. изменение по родам, числам и падежам глаголов в разных временах и наклонениях. Изменяемые слова различаются типом изменения: одни склоняются (существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастия), другие спрягаются (глаголы).

Формально выраженные (с помощью ряда окончаний, суффиксов и пр.) грамматические значения (например, рода, числа, падежа и пр.), находящиеся в отношениях оппозиции (противопоставления), составляют морфологическую категорию. Морфологическая категория — это система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями. В состав морфологической категории входит минимум два ряда форм. Примером категории, состоящей из двух рядов морфологических форм, может служить категория числа, образуемая рядами форм ед. ч. и мн. ч. Ряды форм являются компонентами морфологической категории. Морфологическое значение, общее для всех форм, образующих ряд, называется категориальным морфологическим значением. Отношения между компонентами одной категории — это морфологические противопоставления (оппозиции). Морфологические формы образуют ряды, объединяемые категориальным значением члена определенной морфологической категории, но различающиеся своими значениями как члены других категорий. Например, категориальным значением 2-го лица объединяются формы глагола, различающиеся по наклонениям, временам, видам, залогам, числам. Все эти формы образуют ряд морфологических форм 2-го лица. Категориальным значением совершенного вида объединяются формы глаголов разных за-

логов, наклонений, времен, лиц, чисел, родов, а у причастий — и разных падежей. Эти формы образуют ряд морфологических форм совершенного вида [Русская грамматика 1980].

По своим грамматическим свойствам все слова русского языка распределяются по грамматическим классам, которые называются *частями речи*. Распределение слов по частям речи осуществляется с учетом их общего грамматического (категориального, или классифицирующего) значения (например, предмет, признак и пр.), морфологических признаков и синтаксических свойств. Под *категориальным (классифицирующим) значением* принято понимать общее морфологическое значение слов каждой части речи. Обобщенное значение, характеризующее все слова той или иной части речи, есть абстрактное представление того общего, что присутствует в лексических и морфологических значениях конкретных слов данного класса. Наиболее обобщенными значениями для частей речи являются значения предмета (субстанции) и признака — процессуального (представляемого как действие или состояние) и непроцессуального (представляемого как качество или свойство). Каждая часть речи имеет свой собственный комплекс грамматических категорий, в которых представлено то обобщенное значение, которое свойственно всем словам этой части речи. Так, значение предметности, свойственное существительному, грамматически представляется морфологическими категориями рода, числа и падежа; значение процесса, свойственное глаголу, — категориями вида, залога, наклонения, времени и лица. К *морфологическим признакам*, используемым при классификации слов на части речи, относятся: 1) изменяемость / неизменяемость слов, тип и особенности их изменения (склонение, спряжение); 2) набор грамматических категорий слов и их специфика. К *синтаксическим свойствам* частей речи относятся: 1) способы их синтаксической связи с другими словами; 2) синтаксические функции [Русская грамматика 1980].

Среди частей речи принято различать слова *знаменательные* (полнозначные, самостоятельные) и *служебные* (несамо-

стоятельные). К **знаменательным** словам относятся имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия, категория состояния. Они: (1) отражают различные явления объективной действительности (предметы и их качества, процессы, состояние и т.д.), обладают номинативной (назывной) функцией; (2) являются членами предложения. Служебные слова — предлоги, союзы и частицы не называют предметов и признаков; их лексические значения — это значения, абстрагированные от тех отношений, которые они выражают в предложении. Значение, объединяющее служебные слова в ту или иную часть речи, отличается от значения, объединяющего в одну часть речи знаменательные слова: общность служебных слов — это общность только функциональная. Служебные слова противостоят знаменательным словам как такие слова, которые, во-первых, не имеют морфологических категорий и, во-вторых, выполняют только служебные функции в синтаксической конструкции. Служебные слова употребляются для связи слов, предложений или частей предложения, а также служат для выражения разных оттенков субъективного отношения говорящего к содержанию сообщения. Отдельные частицы участвуют в образовании аналитических форм слова [Русская грамматика 1980].

Части речи — это наиболее общая грамматическая классификация слов. В пределах каждой знаменательной части речи выделяются лексико-грамматические разряды слов. Это такие подклассы данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий. Лексико-грамматическими разрядами являются, например, глаголы переходные и непереходные; существительные одушевленные и неодушевленные, собирательные, вещественные, отвлеченные и конкретные, а также собственные и нарицательные; прилагательные качественные, относительные и притяжательные; наречия качественные и обстоятельственные.

При изучении активных процессов в русском языке акцент традиционно делался на новых явлениях в лексике и словообразовании, что во многом объясняется непосредственной обращенностью этих уровней языковой системы к действительности. Однако не менее интересными и значимыми выступают инновационные тенденции в грамматике русского языка наших дней.

Одним из ведущих активных процессов в морфологии русского языка считается тенденция к аналитизму. Кроме того, определенные изменения происходят и в функционировании отдельных морфологических категорий в рамках разных частей речи, в частности наблюдаются разнообразные аномалии и отклонения от морфологической нормы, которые имеют тенденцию к рациональной осмысляемости. Например, формы степеней сравнения периодически генерируются при отсутствии в системе соответствующих начальных форм (*самая наидворняжистая дворяга*); аналогичная ситуация наблюдается при образовании таких глагольных форм, как причастия (*услюнявленный*) и — реже — деепричастия; притяжательные прилагательные создаются для указания на принадлежность чего-либо неодушевленным предметам; имена существительные могут изменять принадлежность к грамматическому роду (*черный пантер*) и пр.

3.2. Аналитизм ↔ синтетизм в активных процессах в грамматике русского языка новейшего периода

В числе ведущих активных процессов в современной русской грамматике традиционно отмечается тенденция к аналитизму, о которой заговорили еще в конце 60-х годов XX в. [Русский язык 1968]. В конце 1990-х — начале 2000-х годов эта тенденция получила мощный толчок к развитию по причине лавинообразного роста заимствований в самых разных тематических областях русской речевой практики [Валгина 2001]. Носители

языка, по сути, просто не успевали освоить пласты иноязычной лексики надлежащим образом и потому употребляли ее, так сказать, в «непереваренном» виде. В этом смысле тенденция к аналитизму может быть рассмотрена в рамках более общей тенденции к интернационализации [Тер-Минасова 2013] и даже в рамках общекультурных механизмов универсализации, стандартизации и упрощения коммуникации в поликодовом языковом сообществе (сокращение языковой избыточности, исключение неинформативных облигаторных элементов словоформы, устранение смысловой идиоматичности, минимализация грамматических связей и под.). Неслучайно именно языковая среда интернет-коммуникации, изначально поликодовая и мультиязычная [Максимова 2010], выступает в качестве главной арены этого процесса.

Совершенно закономерно, что на первоначальной стадии вхождения заимствования в узус в грамматике задействуются прежде всего языковые механизмы аналитического характера. Вкратце охарактеризуем черты указанного «дрейфа» русской грамматики в сторону аналитизма, которые заключаются: «(1) в несклоняемости “новых” субстантивов и адъективов: *женщина вайп, стиль киберпанк, дискурс массмедиа*; (2) в неизменяемости элементов устойчивых выражений: *VIP ложа, интернет-коммуникация, хит-парад*; (3) в тенденции к фиксированному порядку компонентов: *Работа Про, Мама Плюс* — нельзя **про работа, *плюс мама* и др.» [Радбиль 2019: 220].

На этом фоне в составных наименованиях появляются ранее не свойственные русской грамматике черты — своего рода «послелог», а точнее — лексически самостоятельные элементы несклоняемого характера, регулярно воспроизводимые в качестве постоянных показателей: *про, плюс, инфо, авто* и пр.:

Комплектация ПРО (PROFESSIONAL) (<https://nn.hh.ru/employer/3796147>);

Группа компаний Сервис Плюс (<https://www.servplus.ru>);

Русатлетикс Инфо (<http://www.rusathletics.com>).

В письменном формате коммуникации аналитические тенденции поддерживаются графически — передачей аналитического элемента посредством латиницы, что исключает его возможность обрести грамматическую оформленность по законам русского языка: *IT-менеджер*, *HR-специалист*, *PR-кампания* и пр.

Мы полагаем, что языковой аналитизм выступает как воплощение «когнитивного», мыслительного аналитизма — тенденции к «прозрачному», одномерному, неосложненному ментальному представлению сложного, расчлененного понятия или пропозиции в целом. Поэтому он проявляется на всех сигнификативно релевантных уровнях языковой системы, в частности и в лексике. Так, еще в работах В.Г. Гака было показано, что для ряда западных языков (французский, английский и пр.), в сравнении с русским, характерен прежде всего лексический аналитизм как тенденция передавать разные смысловые компоненты высказывания разными лексическими единицами, при этом не обязательно служебными словами (*to get ill = заболеть*) [Гак 1966].

Возвращаясь к нашей проблеме, укажем на некоторые примеры новых лексических аналитических конструкций, вполне типичных для современной русской речи: *спа(-)салон*, *веб(-)мастер*, *гейм(-)дизайнер*, *арт(-)директор* и под. (могут передаваться как с дефисом, так и в раздельном написании). Создаются даже развернутые составные наименования, образованные целиком и полностью из иноязычных аналитических компонентов: «**Биржа плюс авто**» (название газеты).

Более сложной ситуация видится в области глагольных новообразований. В русском языке для многих синтетических лексем имеются синонимические дублиеты аналитического типа: *участвовать = принимать участие*, *спрашивать = задавать вопрос* и пр. Но в русском языке это именно дублиеты на фоне нейтрального, стандартного и идиоматичного способа обозначить данное понятие традиционным синтетическим образом. В английском или французском языках как раз аналитический

способ является или вообще единственно возможным, или нейтральным, минимально обусловленным контекстно или ситуативно.

А вот когда мы имеем дело с глагольными новообразованиями в современной русской речи, мы можем заметить обратную тенденцию. Сначала закономерно создается аналитическое глагольное образование с заимствованным субстантивным элементом — *делать селфи, ставить лайки* и под. Потом, по мере языкового освоения, уже возникает его окказиональный синтетический вариант — *селфить, лайкать* и пр.:

Я вот не понимаю людей, которые такое селфят и выкладывают в соцсети (<https://tehnar-ru.livejournal.com/5673272.html>);

Если бы мой парень никогда не лайкал меня, но выделял других девушек — я бы точно насторожилась (www.wonderzine.com/wonderzine/life/).

Таким образом, снова синтетизм «берет свое».

В целом и лексический, и грамматический аналитизм (как, впрочем, и синтетизм) являются разными сторонами воплощения концептуального, содержательного, смыслового аналитизма как одного из двух способов языкового мышления.

Мы исходим из предположения, что аналитизм мыслительный, содержательный есть, по сути, единственно возможная форма когнитивного, культурного и языкового усвоения инокультурной и иноязычной инновации на его начальной стадии. Неслучайно ведь все известные контактные языки на иноязычной основе (пиджин-языки и «креольские языки», в стандартных социолингвистических классификациях) являются исключительно аналитическими [ССЛТ 2006].

В содержательном плане аналитизм означает **отсутствие семантической идиоматичности**, т.е. полную и однозначную выводимость значения целого выражения из значений формирующих его состав компонентов (*бизнес-план, IT-технологии, PC-комплектующие, спа-процедуры* и пр.). «Неидиоматичность выступает как следствие понятийной неосвоенности носителя-

ми языка одного или всех компонентов (говорящий вынужден использовать готовое значение из языка-источника, принимать его, так сказать, на веру), как следствие минимальной метаязыковой рефлексии над внешней или внутренней формой» [Радбиль 2019: 220].

Однако в соответствии с концепцией **культурной апроприации заимствований** [Радбиль 2017] иноязычные элементы, по мере их освоения в русской речевой практике, укоренения в русском социокультурном пространстве, постепенно утрачивают черты аналитизма и развивают лексические, словообразовательные и грамматические признаки синтетизма, как на формально-языковом, так и на содержательном уровне. По сути дела, иноязычные по происхождению единицы органично вписываются в русские лексические, словообразовательные и грамматические модели, ведут себя уже по законам системы русского языка. Иными словами, именно приобретение инновационной синтетичности выступает как один из наиболее репрезентативных и ярких признаков культурной апроприации заимствований, того, что данный иноязычный компонент по праву становится «своим», родным для носителей русского языка.

«Новый синтетизм» при образовании и функционировании заимствованных элементов, а также при их вхождении в современную русскую речевую практику, находит свое выражение в следующих явлениях.

(1) В русском языке в свое время образовались многочисленные составные наименования по свойственной английскому языку модели с препозицией зависимого атрибутивного компонента: *секс-индустрия*, *интернет-дискурс* и пр. По мере освоения подобных единиц фиксируется их переход к привычному для русских порядку слов в генитивном сочетании, когда зависимый компонент выражается управляемой словоформой в косвенном падеже: *секс-индустрия* → *индустрия секса*, *интернет-дискурс* → *дискурс интернета*, *бизнес-консультант* → *консультант по бизнесу*, *контент-менеджер* → *менеджер по контенту* и пр.

(2) Иноязычные компоненты регулярного характера (по типу префиксоидов) могут переосмысляться в качестве самостоятельной лексической единицы, которая характеризуется лексико-грамматической оформленностью по законам русского языка, т.е., попросту говоря, начинает склоняться. Ср., например: *в сети Интернет* (или даже еще раньше — *в сети «Интернет»*) → *в сети интернета*; *в интернет-коммуникации* → *в коммуникации в интернете* и пр. Склоняемость и категоризацию по роду могут приобретать и иноязычные по происхождению аббревиатуры: *VIP-персоны* → *ВИП-персоны* → *персоны ВИП* → *ВИПы* → *випы*; *PR* → *пиар* (*пиара*, *пиару* и т.д.). См. следующие примеры склоняемости новых синтетических образований из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

*А вот к поясу, привезенному с Афона, рвутся толпы простого люда, обгоняемого юркими **випами*** (НКРЯ — Елена Волкова. Магия порядка // Эксперт. 2013);

*Специалисты по **пиару** настоятельно советовали Шредеру: «Только не ведите себя как мачо!»* (НКРЯ — Руслан Хестанов. Инстинкт против разума // Русский репортер. 17—24 мая 2007. № 1 (1)).

(3) Несклоняемые иноязычные компоненты составных наименований (главным образом — препозитивные в атрибутивной функции) могут преобразовываться в стандартные русские прилагательные, согласуемые с определяемыми существительными в роде, числе и падеже: *IT-технологии* → *айтишные технологии*; *PR-кампания* → *пиарная кампания*. Так, зафиксировано даже такое «экзотическое» прилагательное, как «*спашный*» на базе *спа салон* (салон, где производят оздоровительные процедуры):

СПАшные процедуры — верх моих мечтаний (<https://www.babyblog.ru/user/domovoj95/26345>).

(4) Иноязычные компоненты входят в типично русские словообразовательные модели: *флеш-накопитель* → *флешка*, *тату* → *татушка* и под.:

Кто-то из ваших друзей недавно обзавелся новой татушкой? (НКРЯ — post & fact. Последние новости в мире психологии // Психология на каждый день, 2010).

Особенно ярко процесс проявляется в преобразовании аббревиатур: *USB* → *юзэбшика*; *PR* → *пиар* → *пиарить*, *пиарицик*, *пропиаренный*, *распиарившись* и т.д.; *IT* → *айти* → *айтишник*, *айтишный* и т.д.:

Снял заглушку, вырезал отверстие и вставил юзэбшику (<https://www.drive2.ru/l/455187644490449224/>);

Тяжба с олигархами, разоблачение «оборотней», скоропалительные выборы в Чечне — все это в нынешней ситуации рассматривается как стремление получить «распиарить» президента и его команду (НКРЯ — Павел Вошанов. Требуется тройник президента // Новая газета. 15.01.2003);

Чем он будет привлекать десятки тысяч айтишников, не очень понятно (НКРЯ — Алексей Щукин. IT-город в чистом поле // Эксперт. 2015).

Характерно, что подобные образования присущи прежде всего неофициальной речи, где освоение («обрусение») иноязычных элементов идет активнее, так как не сдерживается авторитетными документационным источниками, требованиями коммерческих договоров и разного рода юридических актов, но полностью подчиняется стихии языка.

(5) Изначально нечленимые иноязычные элементы приобретают членимость или квазичленимость, по аналогии с русскими словообразовательными схемами: монета номиналом 1 евро именуется, например, *один еврик*; аналогично — *смайлик*, которое изначально в русском языке не мотивируется исходным английским *smile*, а образуется сразу с субморфом *-ик*. В этом же ряду, возможно, следует рассматривать и неологизм *джойстик*, который изначально в английском языке-источнике выступает как типичное аналитическое двуударное сложное слово (*joystick* — буквально ‘палочка радости’), причем с основным ударением на последний слог-корень; в русском языковом сознании это слово явно вписывается в аналогический ряд с суффиксаль-

ными и квазисуффиксальными обозначениями разного рода приспособлений или деталей типа *ролик*, *валик*, *носик* (чайника) и др.

Указанные явления могут подкрепляться и графически — передаваться кириллическим шрифтом, по модели транскрипции: *PR* → *пиар*; *IT* → *айти*. При этом, облекшись в русский шрифт, эти номинации также и ведут себя по законам русской грамматики — например, *стартап*, *коворкинг*, *франчайзинг* и пр. теперь очень даже легко склоняются и приобретают родовую категоризацию по мужскому роду:

Затем стал сотрудничать с английским аналитическим агентством Aging Analytics Agency, которое мониторит все компании, от крупных фирм до крошечных стартапов, занимающиеся проблемами старения и долгожительства (Галина Костина, Дмитрий Каминский. «Мы с Алексом поспорили на миллион» // Эксперт. 2015);

Это нечто среднее между хостелами и коворкингами, с более привлекательными ценами, чем в случае обычной аренды квартир (Близкие по духу // lenta.ru. 06.12.2017);

В следующем году у нас будет уже порядка 30 собственных клубов, не считая франчайзинга (Татьяна Гурова, Игорь Лукашов. Регулярный фитнес // Эксперт. 2014).

Обратим внимание, что тенденция к аналитизму охватывает в русском языке в основном сферу имен как зону непосредственной ответственности за номинацию новых реалий, входящих в жизнь носителей языка. В плане функционирования глагола аналитизм в русском языке не слишком приживается. В речевой практике носителей языка глаголы на базе иноязычных корней никогда не утрачивают, например, спрягаемости, но, напротив, сразу же оформляются по законам русской грамматики — *приаттачить*, *законнектить* и пр.:

Теперь хотелось бы к письму, отсылаемому таким образом, приаттачить бинарный файл(ы) (<https://sysadmins.ru/topic115153.html>);

Как законнектишь Volkswagen и смартфон на Android?
(<https://geo-mag.livejournal.com/499649.html>).

«Дух русского языка» отчетливо сопротивляется возможности образовать какую-либо глагольную форму посредством «чистой» основы на базе заимствованного слова. Поэтому рекламисты вынуждены использовать неуклюжие новообразования типа *Сниккерсни!* Английский же язык вполне позволяет использовать основу любого существительного для образования глагола путем чистой конверсии, т.е. аналитическим путем.

На уровне содержания «новый синтетизм» как результат высокой степени культурного освоения заимствования, на наш взгляд, проявляется в «наведенной идиоматичности», «знаком которой является новоприобретенная семантическая компрессия, смысловая емкость подобных новообразований» [Радбиль 2019: 221]. Иными словами, при дальнейшем освоении иноязычного элемента он как бы обрастает культурным, ассоциативным и оценочным фоном, присущим русским словам, и содержание цельного выражения в этой ситуации далеко не всегда выводимо из механической суммы значений составляющих его компонентов. Как было сказано ранее, русский *смайлик* — это уже не совсем то, что исходное английское *smiley*. Благодаря аналогическому переосмыслению по русским моделям диминутивно-словообразования, выражающим особое чувство эмпатии говорящего, это слово обретает чисто русские коннотативно-оценочные смыслы, связанные с представлением о чем-то родном, близком, милом и пр. [Русский язык 2014; Радбиль 2017].

Подтверждением эффекта «наведенной идиоматичности» как снятия содержательного аналитизма могут считаться явления вхождения иноязычных компонентов в разного рода метафорические преобразования, в том числе каламбурного типа, эффекты неузуального расширения их сочетаемости и другие модели «языковой игры» — см. следующие примеры:

Спа-обман красоты (<http://rk.karelia.ru/opinion/spa-obman-krasoty/>);

Нано лапти с встроенными бесшумными минами (<https://www.pinterest.es/pin/551550285593791356/>);

Ретро-кошки. В начале XX-го века фотографы-фрилансеры бродили по миру, подыскивая интересные сюжеты для фотосъемки, и получали неплохие деньги от издателей (<https://www.pinterest.ru/pin/540432024017968725/>);

*У кладбищенских ворот большой храм, перед ним парковка, а прямо на парковку, как в первый ряд партера, лезут **вип-могилы*** (Дмитрий Соколов-Митрич. Лёша из Лавры // Русский репортер. 2015).

Здесь хочется вернуться к вопросу, которого мы частично коснулись несколько выше, а именно — к возможности когнитивно интерпретировать расхождение между аналитичностью и синтетичностью. Как нам представляется, аналитизм и синтетизм — это не просто разные форматы языковой «упаковки» одного и того же содержания. Это разные способы думать о вещах и событиях в окружающем нас мире. Аналитический способ представляет собой комбинаторное последовательное выражение отдельных «кирпичиков» смысла, каждый из которых относительно автономен и независим друг от друга (какие-то можно убрать или поменять местами). Он очень удобен на первичном этапе осмысления каких-либо сущностей, когда отдельные признаки еще не слились в мысли в единую целостность. Синтетический способ — это синкретичное, одномоментное выражение разных смыслов в едином комплексе, в результате чего они приобретают взаимообусловленность. Он более громоздок и характеризуется значительной степенью избыточности, но он и более глубоко охватывает мысль явление в многообразии его взаимосвязанных составляющих. Это хорошо знакомое всем, кто интересуется музыкой, различие между последовательным нажатием клавиш (арпеджио) и одновременным (аккордом). Как мы видим, русский язык продолжает идти по пути синтетичности.

В целом наш материал показывает, что обилие иноязычных заимствований на поверхностно-лексическом уровне никоим

образом не затрагивает основы русской грамматики, которые отражают национально обусловленный взгляд на мир, воплощенный в русском слове. Спорадические рефлексивы аналитизма, возникая на том или ином участке языковой системы или речевой практики, подобно волнам на поверхности, затухают по мере освоения иноязычных компонентов в языковом сознании носителей языка. Отдельные черты аналитического строя выступают как необходимая и закономерная реакция системы языка на инновации, которые необходимо апроприировать, приобщить к фонду чисто русских способов концептуализировать мир в слове. Восприняв чужое и сделав его своим, русская речевая практика перестает нуждаться в аналитических инструментах осмысления инородных языковых элементов и спокойно возвращается на испытанные рельсы лексического и грамматического синтетизма, который, возможно, отвечает каким-то глубинным пластам отечественного языкового мышления и потому не сдает позиций под напором инокультурных воздействий.

3.3. Активные процессы в функционировании отдельных морфологических категорий

В работах [Радби́ль 2017 и 2020] своеобразие активных процессов в русском языке новейшего периода на уровне морфологии интерпретируется через понятие «грамматизации языковых инноваций» (по аналогии с описанными ранее, в главе I, процессами «семантизации языковых инноваций»).

Под **грамматизацией** языковых инноваций мы понимаем устойчивую тенденцию аналогического образования отсутствующих в системе грамматических форм или синтаксических схем в рамках эксплуатации той или иной грамматической категории. Грамматизация возможна как **семантическая**, так и **формальная**.

При *семантической грамматизации* аномальная вербализация какой-либо грамматической категории приобретает обязательную семантическую или экспрессивно-оценочную спецификацию на фоне альтернативной ей нормативной единицы.

В сфере имен существительных это связано с явлениями ненормативной категоризации по числу, при которой возникает новое значение, например, образование окказиональных форм числа существительных, которые в системе образуются супплетивно:

*Я вот хотела одно время фотку узишную показать, а сейчас мнусь и думаю, что может покажу потом, когда уже **деть** родится* (<https://forum.cofe.ru>);

*Какой-то мелкий и пугливый **людь**¹ пошел...* ([https://Blog Botinok](https://BlogBotinok));

*Люди — это стадо! Человек — это личность! Если идешь туда же, куда и стадо, не имея своего мнения, то ты не человек! Ты — **ЛЮДЬ!!!*** (<https://otvet.mail.ru/question/16259734>).

Часто встречается экспрессивно значимое переосмысление окказиональных образований единственного числа от *Pluralia Tantum*:

*А я вот где-то белыми итанами каплю гудрона (черной смолы) поймал... Че делать? Жалко новый **итан*** (<https://www.kuban.ru>).

Здесь *итан вовсе не означает ‘одна брючина’, здесь *итан = итаны, но ‘эмоционально, ценностно значимые для говорящего по какому-л. признаку’.

Экспрессивному переосмыслению подвергается аномальная вербализация категории рода существительного, которая в дискурсе осознается не как классификационная, а как словоизменяемая:

*Ваши новый **мыш*** (<https://www.homepc.ru>);

*Маленький **мух** в большой Немчурши* (<https://iimuhin.livejournal.com>).

¹ Лексема *людь* имеется в словаре В.И. Даля в значении собирательности ‘совокупность людей’ [Даль 2002, т. 2].

Чаще всего указанные случаи имеют очевидную семантическую и стилистическую оправданность:

*Итак, вы самый настоящий... **русал*** (<https://PlasticSur>),

— где говорящему понадобилась отсутствующая в языке номинативная единица для именованя лица мужского пола в целях эксплуатации культурных коннотаций слова *русалка*.

В наших предыдущих исследованиях также зафиксированы такие формы, как *машин*, *ух*, *мяс* и др., где отражено стремление говорящего «повысить» значимость объекта номинации за счет придания ему более «мужественной» формы рода [Русский язык 2014].

В сфере глагольных грамматических категорий максимальной семантической грамматизации подвергаются ненормативные образования переходных глаголов от возвратных, у которых *-ся*, в норме являясь частью непроизводной основы, выступает лишь в качестве формального показателя возвратности — образуются глаголы *смеяться*, *очутить*, *улыбаться* и пр. в значении ‘каузировать смеяться, улыбаться, очутиться’:

Смеяться: *Прошу не смеять меня!* (<https://www.virtonomica.ru/fogum>) = *не смешить*, т.е. ‘каузировать кого-то смеяться’;

Очутить: *Не иначе как Чудо-осень, благословляющая берегинь, очутила меня вчера на танцполе в Олимпийском на концерте Юры Шевчука* (<https://ocean-v-butylke.livejournal.com/254792.html>) = ‘сделала так, что я очутился’.

Улыбнуть: *Комментарии контакта не могут не улыбнуть*² (https://pikabu.ru/story/komentarii_kontakta_ne_mogut_ne_ulyibnut_2007450),

— где форма приобретает вполне рационально осмысляемое значение ‘каузировать улыбаться’.

Встречаются и весьма насыщенные семантически случаи таких аномалий, смысловая емкость которых возникает из обыгрывания сложной комбинации значений возвратности и безличности:

² Глагол *улыбнуть* имеется в словаре В.И. Даля в том же каузативном значении [Даль 2002, т. 4].

За что конкретно **нравить** Пиотровского — «карьерного» (как его обозначил Крамарев) балабона? (<https://forum.fontanka.ru>)

— ‘каузировать Пиотровского нравиться кому-то’.

К *формальной грамматизации* относятся случаи использования аномальных грамматических форм без семантического преобразования, в качестве неких «неформальных» аналогов нормативных форм.

Например, грамматический окказионализм **нравить* ← *нравиться* в коммуникативной среде форумов и конференций может выступать как простая субституция нормативного *нравиться* и не иметь никаких семантических или функциональных отличий от последнего:

*А мне многое **нравить** [= нравится];*

*Актрисой конечно сложновато назвать... но все-таки это фото мне **нравить**³ даже очень* (<http://forum.ru-board.com>).

Такая элиминация семантически не нагруженного *-ся* является своего рода «нормой» для «языка сети» — ср.:

*Вы будете **смеять** [=смеяться], но у меня в профиле такого альбома просто не существует* (<http://forum.peredelka.tv/index.php?showforum=2>).

Имеются и обратные случаи — использование формы с ненормативным *-ся* в качестве аналога обычного глагола без *-ся*, например: *шутить* → *шутиться*, *сидеть* → *сидеться*, которые приведены в наших предыдущих исследованиях: ...*вторник опять-таки сиделся в сидельне..; Тогда шутился, а сейчас задумался* [Социокультурные и прагматические аспекты 2018].

К явлениям формальной грамматизации аномалий примыкают, на наш взгляд, и случаи заполнения лакун в грамматической системе, например, образование причастий будущего времени:

*...**прочитающий** внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человекoв и о корне многих проблем непонимания друг друга* (<http://forum.farit.ru>);

³ Глагол **нравить** (кого) имеется в словаре В.И. Даля в значении ‘полюбить, найти себе по нраву, по вкусу, облюбовать’ [Даль 2002, т. 2].

*Хоть я и курильщик, пусть и временно не курящий, а может и не **закурящий** вовсе, мне неприятно когда курят на детской площадке...* (https://deti.mail.ru/forum/dosug/obo_vsjom_na_sвете/);

*Какую ответственность несет пенсионер, **проработавший** неофициально около двух лет* (<https://foxboost.ru/zakon/6241-kakuyu-otvetstvennost-neset-pensioner-prorobotayushhiy-neoficialno-okolo-dvukh-let.html>).

Согласно теории аномальности [Апресян 1995], большинство признаваемых аномальными явлений располагает определенным потенциалом рациональной осмысленности, семантической или экспрессивно-стилистической нагруженности и прагматической интерпретируемости. Чем выше этот потенциал, тем меньше «степень аномальности». У причастий будущего времени такой потенциал весьма высок, поскольку они заполняют определенную лауну в языковой системе. Так, на фоне вполне приемлемой трансформации: *тот, кто читает* → *читающий* не выглядит чем-то противоречащим здравому смыслу трансформация *тот, кто прочитает* → **прочитающий*.

Аналогично — аномально образуются деепричастия совершенного вида по модели несовершенного:

Проделяя работу эту, вы соберете в ваши души движение, что ускоряет и мысль очищает (<https://vk.com/@channel.valenti-praktika-prityazhenie-zhenschinam>),

— или, наоборот, несовершенного вида по модели совершенного:

Сидев в конфе с иностранными радфем, которые активно ведут активизм-житуху, они рассказывали, что им вне контекста в лс кидают... (<https://twitter.com/redkatherinee/status/1159552895936868352>).

Единицы такого типа входят в один ряд с другими элементами своеобразного «узуса» современных пользователей социальных сетей и мобильных устройств, например, с фонетическими стяжениями — *сёня* [вместо *сегодня*], ненормативными аббревиациями в письменной речи — *оч.* [= *очень*], *не оч.* [= не очень],

норм [= нормально], синтаксическими сращениями *ржунимагу* [= смешно] и пр.

В целом подобного рода грамматизованные языковые инновации образуют достаточно замкнутую систему языковых средств. Создание такого «субкода», по нашему мнению, обусловлено своеобразным «пересечением» двух коммуникативных и культурных установок:

(1) ценностное маркирование круга «своих», «наших», в противовес «чужим» (эта установка — общая для любых сленговых и жаргонных образований);

(2) сознательное ценностное дистанцирование молодого носителя языка от нормы как воплощения идеалов и ценностей старшего поколения.

Особенности актуализации форм числительных в современной русской речи. Собирательные числительные в современном русском языке обнаруживают заметную гибкость синтагматики, которая, на первый взгляд, может производить впечатление случайной, ничем не обоснованной. Употребление единиц этого разряда обуславливается сложной системой факторов, которые в разных контекстах могут выступать как однонаправленные и разнонаправленные (допускающие / не допускающие употребление разряда), сильные и слабые.

Стилистическая окраска. Собирательные числительные обладают разговорной окраской (в то время как варианты им количественные числительные являются функционально нейтральными). Соответственно стилистический фактор оказывается сильным, например, в пределах «строгих» книжных стилей (за исключением тех случаев, когда окраска числительного нейтрализуется — например, в сочетании со словом *сутки*).

Семантика. Собирательные числительные помимо семы количества включают семы совокупности (группы) и лица (человека); однако указанные компоненты значения актуализируются у них нерегулярно и/или в зависимости от субъективного видения ситуации говорящим.

Объединение лиц в группы происходит по разным основаниям: близкое положение в пространстве (*двое посетителей ждали у окна*); совместное выполнение действия (*над изданием работало двое редакторов*), совместное выполнение действия, предполагающего близкое положение в пространстве (*трое мужчин переносили рояль*), сходство состояния (*трое сотрудников на больничном*), связь с третьим лицом / объектом (*двое моих друзей*) и др. Основания для группировки наиболее четко прослеживаются, если высказывание содержит противопоставление:

*По информации Следственного комитета, дрались **шестеро рабочих** (приезжих. — Прим. авт.) и **двое местных*** (<https://readovka.news/news/83376>).

Семантика совокупности прослеживается и в сочетаниях собирательных числительных с неодушевленными парными существительными: числительные в таких случаях называют количество не отдельных предметов, а их групп (пар): *двое перчаток* (4 штуки), *трое сапог* (6 штук).

Если представление предметов парами отчетливо закреплено в языке и однозначно интерпретируется, то в случае с указанием на количество лиц основания для группировки (а также само их наличие / отсутствие) не всегда могут быть очевидны для адресата. Более того, даже воспринимая лица как группу, говорящий не обязательно станет употреблять собирательное числительное, поскольку иной фактор (например, стилистический) может ощущаться им как более значимый. В такой ситуации некоторые русисты (см., например, [Богданов 1997]) говорят об утрате собирательными числительными семы совокупности. Однако о сохранении семантики группы у слов этого разряда косвенно свидетельствует тот факт, что они почти не встречаются в контекстах, содержащих маркеры расчлененности (*меж/между, по очереди, разный, собрать* ('объединить') и т.п.), а при попадании в такие контексты придают высказыванию ту или иную степень аномальности: **он шаггал между двоими конвоирами; *за год у ребенка сменились двое опеку-*

нов; *он собрал в кабинете троих сотрудников из разных отделов.

Сема лица не вызывает у лингвистов столь заметных сомнений, хотя в сочетаниях с личными существительными почти не актуализируется и выходит на первый план лишь при субстантивации числительных, а также при их употреблении со словами, которые не способны самостоятельно формировать представление о человеке: *двое равных; У крыльца стояли двое.*

Для сравнения: количественные числительные, у которых значение количества не осложнено дополнительными семами, свободно используются в контекстах, включающих маркеры расчлененного количества (*протиснулся между двумя посетителями*), задействуются для того, чтобы акцентировать внимание на количестве (если соответствующая информация является принципиально важной в рамках какой-либо ситуации — например, при обсуждении дислокации противника в ходе планирования операции: *Подобраться к Храпову можно только между этими двумя пунктами. <...> В вагоне будут **четыре агента** и сменный жандармский караул* (Акунин Б. Статский советник), в непрямой форме указать на большое / малое количество (*Не пришли **семь человек** из десяти — ‘Очень многие не пришли’*), представить человека не как личность, а как тело [Янко 2002: 175]: *выполнена трансплантация печени от **двух доноров*** (<https://news.myseldon.com/ru/news/index/250382389>), единицу измерения [Янко 2002: 176] (*группа из **пяти человек***), носителя социальной функции [Янко 2002: 173]: *Можно ли **оформить двух работников** на одну штатную должность?* (<https://www.buhgalteria.ru/article/>).

Фоника. Использование / неиспользование собирательного числительного может зависеть от степени благозвучности / удобопроизносимости создаваемого им словосочетания. Носители языка нередко заменяют собирательное числительное вариантным количественным с целью избежать повтора йотированных компонентов, чрезмерного (приводящего к рифме) созвучия со-

седних слов: *Все как положено, два конвойных* (Пелевин В., Чапаев и пустота) — ср.: **дв[о́]ь конв[о́]жных*.

Норма. Функционирование собирательных числительных во многом регулируется именно литературной нормой. При этом кодификация нормы в специальной литературе представлена очень неоднозначно. В одних источниках норма формулируется с опорой на лингвистические признаки (часть речи слова, сочетающегося с числительным; для имен существительных — отнесенность к грамматическим категориям рода, одушевленности / неодушевленности, *Pluralia tantum* и т.п.), в других источниках — с опорой на экстралингвистические признаки (принадлежность считаемых объектов группам людей / животных / неодушевленных предметов, применительно к людям — гендерные характеристики), что в итоге приводит к появлению нормативных лакун. Оптимальным представляется сочетание лингвистического и экстралингвистического подходов:

— возможно использование собирательных числительных в сочетании с именами существительными, с субстантивированными прилагательными и причастиями мужского рода, с личными местоимениями, а также в «изолированной» позиции (при субстантивации) для указания на количество человек в группах: а) полностью состоящих из лиц мужского пола; б) включающих лиц мужского пола; в) включающих лиц, гендерные признаки которых не актуализируются (действие разрешительной нормы корректируется под влиянием стилистического фактора: во избежание стилистического несоответствия, не рекомендуется использовать собирательные числительные для указания на количество лиц, занимающих высокое социальное положение: *двое президентов* → *два президента*, *пятеро министров* → *пять министров*);

— считается ненормативным употребление собирательных числительных в сочетании с именами существительными, с субстантивированными прилагательными и причастиями (особенно женского рода), с личными местоимениями, а также в «изолированной» позиции (при субстантивации) для указания на количе-

ство: а) лиц исключительно женского пола: *двое женщины* → *две женщины*, *вошли пятеро* (о женщинах / девушках / девочках) → *вошли пять девочек / девушек / женщин / пять человек*; б) групп лиц, обозначаемых неодушевленными именами существительными: *двое компаний* → *две компании*, *трое из команд высшей лиги* → *три команды высшей лиги*; в) животных (главным образом взрослых): *шестеро волков* → *шесть волков*, *коты (трое)* → *коты (три)*; г) неодушевленных предметов (за исключением тех, которые обозначаются парными существительными и словами Pluralia tantum): *двое лайнеров* → *два лайнера*, *двое скорых* → *два скорых*.

Отклонения от правил синтагматики собирательных числительных регулярно задействуются как выразительные (воздействующие) средства, которые, впрочем, могут быть неодинаково оценены в плане их целесообразности и уместности. Чем выше степень литературной обработанности текста, тем отчетливее проявляются концептуальные основания для таких отклонений. В художественном дискурсе, в качественной публицистике и т.п. ненормативное употребление числительных, как правило, указывает на высокую степень критичности восприятия действительности:

*Полтора года назад мы впервые показали это жилье, приобретенное чиновниками для сирот Троснянского района. В народе зданию приклеилось слово «барак». <...> Накануне **трое чиновников** из районной администрации получили за это реальные сроки — от трех до пяти лет общего режима (<http://istoki.tv/news/city/troe-chinovnikov-iz-trosny-poluchili-11-5-let-kolonii-na-troikh/>);*

*Не удивительно, что после революции к власти в Грузии пришел целый «соросятник». Во-первых, это сам Саакашвили, который до сих пор играет роль ферзя в геополитической партии удачливого финансиста. **Четверо министров** нового Кабинета ранее работали в структурах фонда Сороса (<https://www.mk.ru/politics/2021/01/07/vskryt-plan-dzhordzha-sorosa-po-osade-rossii-kto-sleduyushhiy.html>).*

В слабо нормируемом сегменте интернет-дискурса подобное словоупотребление может задействоваться исключительно для поддержания непринужденности общения (как средство, обеспечивающее создание легкой шутки):

Очень рекомендую пропить курс коллагена, цинка и Biotin 5000. Коллаген <...> нужно 3 месяца пить. <...> Цинк не важно какой, лишь бы чистый. Ну и биотин. Этих двоих хотя бы месяц. <...> Побочки никакой. А вот результат есть. Проверено на себе. Ногти и волосы реально лучше себя чувствуют (<https://riverforum.net/showthread.php?t=4749&page=813>),

— либо вовсе не иметь значимых концептуальных оснований:

Взрослая омичка и двое девочек пострадали в аварии (<https://gorod55.ru/news/incident/24-10-2021/>).

При указании на количество лиц женского пола нарушению нормы (и оправданному, и неоправданному) способствует тот факт, что на современном этапе развития языка соответствующая норма не поддерживается экстралингвистическими факторами: все люди, вне зависимости от их гендерной принадлежности, относятся к группе «лиц» (в то время как при формировании собирательных числительных как разряда категория лица «охватывала только лиц мужского пола» [Виноградов 1972: 249]):

Одна проводница говорит с туристами, двое других — присутствуют на работе телесно, но не сознанием (<https://riverforum.net/showthread.php?t>);

В драке, кроме пассажиров приняли участие трое стюардесс, штурман и даже один из пилотов самолета. <...> Горячие, точнее подогретые алкоголем головы, успокоили работницы российской полиции (<https://pikabu.ru/story/>).

В иных своих проявлениях (указание на количество животных и неодушевленных предметов) запретительная норма более устойчива, но все же регулярно нарушается в тех случаях, когда носители языка начинают осмысливать и описывать мир с привлечением «антропоморфного кода» [Барбун 2016: 124].

Посредством собирательных числительных свойства личности нередко присваиваются, например, домашним питомцам, транспортным средствам. Причем во многих случаях реализуется не ярко выраженное, художественное, а фоновое олицетворение:

Симонов ещё Водоходовский есть на эти даты, у МТФ — Карамзин и Булгаков. Можно выбрать по вкусу, я бы выбирал из первых троих (<https://riverforum.net/showthread.php?>) — о теплоходах;

За неделю до вылета злобные дядьки в аэропорту «добро» на перелёт сразу двоих кошек не дали. Флавка улетела одна (<http://mainecoon-forum.ru/showthread.php?t=56782#top>);

Когда их четверо, как у меня — видишь только миски-щётки-прогулки (<http://dogs-forum.ru/showthread.php?t=774&page=3>) — о собаках.

Числительные также периодически обеспечивают синкретичное представление лиц и объектов неживой действительности:

в этом углу площадки нас трое: я, жьпн, и недвижимость (<http://matizclub.net/index.php?showtopic=44970&st=800>) — я = 'автомобиль и его владелица'.

Аналогичным образом функционируют:

— производные от собирательных числительных **наречия** (вдвоем, впятером) и сочетания наречного типа (на четверых, по трое):

Всего неделю назад эти же три теплохода стояли в Мандрогах, точно в таком же составе. Теперь они в Москве... Ходят втроём (<https://infoflotforum.ru/topic/>);

18 мая 2021 года — 18 часов в иллюз заходят 4 толкача парочками по двое (<https://riverforum.net/showthread.php?t>);

— **притяжательные прилагательные** (а также относительные со значением притяжательности):

эта зима была матизкина вторая (<http://matizclub.net/index.php?showtopic=15100&st=220>) — автомобиль Daewoo Matiz;

без торможения он вполне объехал бы **пежиный** зад (<http://matizclub.net/index.php?showtopic=16641&st=1680>) — автомобиль «Пежо»;

— **личные** местоимения и личные **формы** глаголов:

Во втором шлюзе поднимались **мы** вдвоём с нашим попутчиком-подорожником в этом рейсе: красивым Некрасовым (<https://riverforum.net/showthread.php?t>) — *мы* = ‘пассажиры + теплоход’.

Реализация антропоморфного кода в русской грамматике осуществляется, однако, непоследовательно. Противоположная тенденция наблюдается в связи с заменой флексий одушевленных существительных на флексии неодушевленных при включении в текст наименований транспортных средств, созданных (путем трансонимизации) на базе антропонимов:

ночью разошлись с Солнечным городом и **Н.А. Некрасов** (<https://www.infoflotforum.ru/topic/51764>) — Солнечный город = ‘теплоход «Солнечный город»’);

Оирутил на себе такое отношение. Большие ни ногой на **Булгаков!** (<https://riverforum.net/showthread.php?t=4737&page>) — Булгаков = ‘теплоход «Михаил Булгаков»’).

3.4. Культурная апроприация заимствований на морфологическом уровне

На морфологическом уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в русском языке новейшего периода (об этом на уровне лексики и словообразования — см., соответственно, I и II главы настоящего издания) проявляются в их грамматической оформленности по законам русской морфологии, т.е. в приобретении склоняемости или спрягаемости, в категоризации по русским морфологическим именным категориям рода, числа, падежа, глагольным категориям возвратности и безличности и пр., изначально несвойственной этим единицам в языке-источнике.

Возьмем для примера очень активный в наши дни и крайне своеобразный «узус» пользователей социальных сетей и мобильных устройств. Так, например, аналогическая категоризация по мужскому роду характерна для заимствований, фонетическое оформление которых внешне совпадает с исконными существительными мужского рода (финаль — согласная фонема):

Пуш — «всплывающие» уведомления на мобильном устройстве:

Сегодня для пуша технологически мы можем использовать 3 компонента: текст, иконку и звуковой сигнал (<http://progamedev.net/kak-rabotaut-xoroshie-push/>).

Интересны примеры заимствований по транскрипционному типу, когда финальные фрагменты иноязычных слов (например, англ. *-ure*) оформляются по принципу наибольшей близости в области звучания и произнесения (*-ure* → [a]): *фича* — (от *feature* — свойство, способность, возможность, функциональность):

Instagram вводит новые фичи, стремясь по максимуму использовать нахлынувшую популярность и превратиться в мощный маркетинговый инструмент (<http://kestler-wolf.ru/blog/5-new-features-instagram/>).

Точно так же в русские грамматические модели категоризации по роду вписываются и сложные слова на базе заимствованных компонентов:

фидбек / фидбэк — обратная связь с пользователями, участниками группы в социальных сетях:

Фидбеки позволяют разработчикам игр понять, нравится ли игра пользователям, что конкретно не нравится и почему (<https://forum.worldofwarships.ru/topic/>);

ботнет — сеть программ-роботов (ботов) вредоносного характера, управляемых из единого центра:

С момента заражения он начинает входить в зомби-сеть таких же инфицированных ПК по всему миру, которые составляют вместе так называемый ботнет, готовый в любой

момент выполнить любую команду злоумышленников, организовавших его (<https://www.bestfree.ru/article/internet/botnet.php>).

Ряд таких сложных лексем сохраняет орфографический дефис, унаследованный из принятых написаний этих слов в языке-источнике:

лайк-тайм — средство для повышения количества лайков в профиле в социальной сети и расширения органического охвата аккаунта:

Интересно, что в некоторых группах возможно попасть в лайк-тайм не один, а несколько раз к ряду. А вот как производится отбор участников, вы можете узнать только у админов группы (<http://vkhelppnik.com>);

патч-корд — короткий соединительный кабель для соединения разъёмов коммутационной панели (патч-панели); также патч-кордом иногда не вполне корректно именуют соединительный кабель для подключения оконечного оборудования к коммутатору:

Патч-корд с неправильно подобранными или плохо обжатыми разъёмами может стать причиной падения качества соединения по локальной сети: потеря пакетов и снижения скорости. Но бывают случаи, когда купить нужный патч-корд в магазине невозможно: когда требуется патч-корд нестандартной длины или нестандартного вида (например, кроссовый) (<https://club.dns-shop.ru/network-tools/>);

бэк-офис — часть информационной системы или интерфейса информационной системы, ориентированная на собственных сотрудников предприятия; термин используется при сопоставлении с *фронт-офисом*:

Специалист бэк-офиса работает только с контрагентами, с клиентами он не сотрудничает (<http://fb.ru/article/143359/>).

В грамматике глагола типично русские способы языковой концептуализации мира при концептуальном освоении заимствований в языке интернета проявляются в вовлечении иноязычных глагольных корней в модели пассивизации и имперсонализа-

ции. Еще в работах А. Вежбицкой отмечалось, что яркой чертой русской грамматики является экспансия пассивно-возвратных и безличных конструкций, которые выражают так называемый феноменологический взгляд на мир, когда событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы сами собой* — или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежбицкой. Исходя из этого, в работах А. Вежбицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [Вежбицкая 1997: 33—37 и далее].

Ср. также мысль М. Эпштейна о непереходности в русском языке: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные непереходными глаголами, самодостаточны — они ни на что не переходят... Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле» [Эпштейн 2007: 193—194].

Культурная апроприация иноязычных корней в грамматике русского языка интернета прежде всего обнаруживает себя в распространенности **безличных форм** глагола:

Подскажите, ... можно ли ее подключить к домашнему вай-фаю так, чтоб нигде ничего не забанилось, не заблокировалось... (4pda.ru/forum/lofiversion/index.php?t693103-60.html);

Забанил в одном месте — забанилось везде (forum.sape.ru);

Правда, плюс в том, что законнектилось очень быстро и настроек минимум (forum.electrostal.com/index.php?topic=37137.285);

*Да просто снова **затроллилось** и не живется спокойно!* (<https://foren.germany.ru/arch/sieunder/f/4627465.html>).

***Заглючило** сигнализацию, орет под домом, машина не заводится, с брелка снять не могу, батарейки поменяла. Вопрос: что это может быть? Помогите* (<http://www.auto-rostov.ru/index.php?showtopic=96051>);

*И так когда я захожу в игру вылезает реклама самого чата, там автор и т.к. я боюсь что зайду в самп и меня забанят в начале запуска сампа. Помогите мне мне нужно что либо чат **зафлудило** чем, или убрать рекламу* (<https://blast.hk/threads/10436/>);

*У меня на улице с холодной загрузки **зафиксилось** за секунд 15* (<http://4pda.ru/forum/index.php?showtopic=640108>), — *зафикситься* ‘исправиться, заработать после временного выхода из строя’.

Кроме безличности к интересующим нас случаям в языке интернета относятся примеры **пассивизации** — образования возвратных глаголов на базе заимствованного компонента:

*Всё **зафакапилось**, уже пол часа пытаюсь продолжить просмотр* (<https://all-episodes.tv/thegameofthrones/season7/series5>), — *зафакапиться* ‘выйти из строя, перестать работать’;

*Как надо было играть песняров, чтоб **зашазамилось** Road to Ruin?* (<https://twitter.com/skemmtilegur/status/972348539929026560>), — *зашазамиться* ‘(для музыкальной композиции) быть определенной при помощи специального мобильного приложения *Shazam*’;

*У меня есть бэйсик, но есть ли смысл **ангрейдиться**, если через несколько месяцев выйдет новый аддор?* (<https://eu.battle.net/forums/ru/wow/topic/17611342282>), — *ангрейдиться* ‘улучшать систему (обычно компьютерную) путём замены её компонентов на более новые и/или совершенные’;

*Максакову обвинили в желании **похайпиться** на горе в Кемерово* (<https://news.rambler.ru/starlife/39461328-maksakovu-obvinili-v-zhelanii-pohaypitsya-na-gore-v-kemerovo/>), — *хайпнуть*

‘поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-либо (обычно в социальных сетях)’.

*Ты слышала, она **законтактилась**?* (<https://vk.com/lookvk>) — *законтактиться* ‘1. Зарегистрироваться в социальной сети «ВКонтакте». 2. Связаться при помощи этой сети’.

В целом многие активные процессы в грамматике русского языка последних лет вообще нерелевантны по отношению к отражению «своих» или «чужих» способов языковой концептуализации мира. В области грамматики многие инновации просто демонстрируют стремление говорящего как бы заполнить осознаваемые им «пустые клетки» в грамматической системе. Прежде всего это касается многочисленных случаев образования причастий будущего времени: *...**прочитающий** внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человеков; ...считаю что курящий по праздникам = со временем **закурящий** и без них...* Ряд грамматических инноваций выступает чисто в качестве формально-структурных субститутов соответствующих нормативных форм. В сфере имен, например, это распространенное явление образования окказиональных форм числа существительных, которые в системе языка образуются супплетивно: *...а сейчас **мнусь** и **думаю**, что может покажу потом, когда уже **деть** родится.*

Оценивая в целом активные процессы в грамматике русского языка последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что в плане именно способов языковой концептуализации мира русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. По меньшей мере, мы наблюдаем противостояние двух диалектически противоречивых тенденций, что для такого развитого литературного языка с богатыми культурными традициями, как русский, есть нормальное состояние в плане постоянного расширения его экспрессивных возможностей и существенный фактор его дальнейшего обогащения и развития.

Также отметим, что разные уровни языка обладают разной степенью релевантности в плане апроприации (усвоения) глу-

бинных концептуальных структур «чужих» способов языковой концептуализации мира. Вполне естественно, что в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения именно в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира они носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере грамматики как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в сфере грамматических моделей мы все же наблюдаем доминирование именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и в этой области.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. *Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.*
2. *Опираясь на материалы раздела 3.1, распределите приведенные ниже названия грамматических способов по двум столбцам в таблице. Приведите свои примеры форм, образованных **смешанным** способом.*

Синтетические способы	Аналитические способы

Аффиксация, служебные слова, чередование, ударение, специальные слова, сложение, синтаксический способ, супплетивизм, порядок слов.

3. *Используя материалы раздела 3.2, в приведенных ниже предложениях выделите показатели тенденции к синтетизму и прокомментируйте свой ответ.*

В здании появились персоны ВИП с телохранителями.

В здании появились випы с телохранителями.

В здании появились VIP-персоны с телохранителями.

Издание «Интернет Про» увеличило число подписчиков.

Видео появилось в сети Интернет.

Видео появилось в сети интернета.

4. *С опорой на материал раздела 3.2, осуществив собственный интернет-мониторинг, приведите свои примеры, доказывающие тенденцию к «новой синтетизации» заимствований при их освоении в речевой практике современных носителей русского языка.*

5. *Как можно связать утрату аналитизма заимствованными иноязычными элементами с их культурной апроприацией?*

6. *В чем отличие «формальной грамматизации» от «семантической грамматизации»?*

7. *С опорой на материал раздела 3.3, осуществив собственный интернет-мониторинг, приведите свои примеры неузualmente изменения рода существительных (по типу освещенных в данном пособии примеров **мой машин, мой ух** и под.) и неузualmente реализации собирательной формы (по типу освещенных в данном пособии примеров **шкафье, штанье, цветье** и под.). Прокомментируйте возможные причины изменения исходных нормативных форм.*

8. *Каким образом вписываются в русские грамматические модели категоризации по роду заимствованные имена существительные?*

9. Какие факторы влияют на особенности употребления собирательных числительных в современном русском языке?

10. В какие глагольные морфологические модели вовлекаются иноязычные глагольные корни в ходе грамматической культурной апроприации? Приведите примеры. Какой взгляд на мир выражается, согласно мнению исследователей, через эти модели (т.е. через «экспансию пассивно-возвратных и безличных конструкций». — А. Вежбицкая)?

11. Опираясь на материал раздела 3.4, вставьте вместо многоточий отсутствующие термины в следующий фрагмент текста:

Явления культурной апроприации заимствований на морфологическом уровне могут выражаться в неузуальной ... глагольных форм (пример: *Мой комп совсем **заключило***) или в неузуальной ... глагольных форм (пример: *Мой комп совсем **заключился***).

12. Заполните пропуски, поставив указанные в скобках аналитические конструкции в правильную форму.

Преимущества _____ (SPA-терапия) оценивают и мужчины.

Что можно анализировать при помощи _____ (веб-аналитика)?

Мы взаимодействуем с _____ (гейм-дизайнеры) на этапе концептирования и создаём прототипы новых игровых режимов.

_____ (Арт-объект) можно назвать произведение искусства, которое представляет собой художественную и материальную ценность.

Для почетных гостей в стадионе расположено 16 _____ (VIP-ложа) с персональным обслуживанием.

Присоединяйтесь к _____ (zoom-тренировки)!

Представим вам 13 лучших программ для проведения _____ (онлайн-видеоконференции).

Примерами _____ (интернет-сообщества) можно считать различные форумы, коллективные и частные блоги и социальные сети и т.д.

Искусство новых медиа — это жанр, охватывающий произведения, созданные при помощи новых _____ (медиа технологии).

Как разработать _____ (бизнес-стратегия) развития нашей компании?

В Петербурге открылся интерактивный тематический музей американских _____ (ретро-автомобили).

13. Трансформируйте аналитические формы в синтетические.

Аналитическая форма	Синтетическая форма
<i>делать селфи</i>	<i>селфить</i>
ставить лайки	
делать пост	
добавить в друзья	
делать бэкап	
общаться в чате	
общаться по Skype	
поднимать хайп	

14. Трансформируйте синтетические формы в аналитические. Обратите внимание: в некоторых случаях необходимо перевести компоненты английского происхождения на русский язык.

Синтетическая форма	Аналитическая форма
<i>бизнес-консультант</i>	<i>консультант по бизнесу</i>
интернет-пространство	
менеджер-маркетолог	
IT-специалист	
диетолог-консультант	
бьюти-индустрия	

15. Исправьте следующие аномальные предложения. Объясните, почему они являются грамматическими.

...**Прочитающий** внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства людей и о корне многих проблем непонимания друг друга (URL: <http://forum.farit.ru>).

Хоть я и курильщик, пусть и временно не курящий, а может и не **закуривающий** вовсе, мне неприятно когда курят на детской площадке... (URL: https://deti.mail.ru/forum/dosug/obo_vs_j_om_na_svete/zakon_o_kurenii_chisto_poboltat/?page=14).

Какую ответственность несет пенсионер, **проработавший** неофициально около двух лет (URL: <https://foxboost.ru/zakon/6241-kakuyu-otvetstvennost-neset-pensioner-prorobotayushhiy-neoficialno-okolo-dvukh-let.html>).

Проделав работу эту, вы соберете в ваши души движение, что ускоряет и мысль очищает (URL: <https://vk.com/@channel.valenti-praktika-prityazhenie-zhenschinam>).

Сидев в кафе с иностранными радфем, которые активно ведут активизм-житуху, они рассказывали, что им вне контекста в лс кидают... (URL: <https://twitter.com/redkatherinee/status/1159552895936868352>).

16. *Определите, соответствует ли употребление собирательных числительных литературной норме. Аргументируйте свой ответ.*

Сообщалось, что нападавших было **трое**: **двоих** ликвидировали, третий был ранен (Установлены личности напавших на пост ДПС в Ингушетии // lenta.ru, 2019.12.31).

Путин уволил еще **двоих** министров из команды Мишустина (<https://pasm.ru/archive/289137/>).

В Кондрово **двое** девушек пришли в гости и попали на уголовную статью (https://nedelya40.ru/v-kondrovo-dvoe-devushek-prishli-v-gosti-i-popali-na-ugolovnyuyu-statuyu_111735/).

Во время соревнований случился конфликт между **двумя** спортсменами (В Назрани на турнире по самбо произошла массовая драка // Московский комсомолец, 2019.12.01).

Это собаки при пожаре убегают, а кошки пугаются и прячутся. **Двоих** мы вроде нашли в заброшенном доме, они забрались повыше. <...> **двое котов** отказываются от еды и воды, они в стрессе, их лапы сильно пострадали (<https://ria.ru/20210810/koty-1745250557.html>).

Пять человек получили ушибы различной степени тяжести, **трое** из них находились в тяжелом состоянии (Посетитель разбился на катке на Красной площади в Москве и умер // lenta.ru, 2019.12.18).

— Диван, **двое** кресел, дюжина стульев и круглый столик о шести ножках. Мебель была превосходная, гамбсовская... А почему вы вспомнили? (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Этот материал изготавливается из вспененного полиуретана, который с **двоих** сторон оклеивается картоном (<https://mpmart.ru/catalog/penokarton-balza/3-mm/>).

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622—628.

2. Барбун В.В. Национально-культурные коды концепта «автомир» в американской языковой картине мира // Язык и культура. 2016. № 25. С. 123—127.
3. Богданов С.И. Форма слова и морфологическая форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 248 с.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
7. Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1966. 335 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол-Классик, 2002. Т. 1. А—З. 752 с.; Т. 2. И—О. 784 с.; Т. 3: П—Р. 544 с.; Т. 4: С—V. 672 с.
9. Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 74—90.
10. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107—115.
11. Радбиль Т.Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. 2019. Вып. 20. С. 218—226.
12. Радбиль Т.Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива-5: колл. монография / УрГПУ; под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: УрГПУ, 2020. С. 298—326.
13. Русская грамматика: в 2 т. / редкол. Н.Ю.Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.

14. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. 367 с.
15. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов, Е.А. Жданова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
16. ССЛТ — Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М.: Ияз РАН, 2006. 312 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Судьбы языков и культур в эпоху глобализации // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). С. 124—134.
18. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. С. 193—208.
19. Янко Т.Е. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 168—181.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ

4.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в синтаксисе

Синтаксис занимает центральное место в грамматической системе языка. Это определяется тем, что сфере синтаксиса специально принадлежат те языковые единицы, которые непосредственно служат для общения людей и непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью, включая сюда как внешнюю, так и внутреннюю, интеллектуальную и эмоциональную сферу жизни.

Синтаксис языка — это его синтаксический строй, совокупность действующих в языке закономерностей, регулирующих построение синтаксических единиц. Синтаксис как наука — это раздел грамматики, освещающий синтаксический строй языка, строение и значение синтаксических единиц. Фундаментальные понятия синтаксиса — это понятия о системе синтаксических единиц, о синтаксических отношениях, синтаксических связях (и средствах связи) и о грамматической (синтаксической) семантике [Русская грамматика 1980].

Синтаксическими единицами являются слово как член предложения, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, сложное синтаксическое целое. В составе синтаксических единиц изменяемые слова используются в одной из своих форм (словоформ). В синтаксисе словоформы рассматриваются как строевые элементы синтаксических единиц. Из словоформ строятся словосочетания. **Словосочетание** — это соединение двух или более знаменательных слов, связанных по смыслу и грамматически и представляющих собой сложные наименования явлений объективной действительности, например: *сту-*

денческое собрание, статья по диалектологии, человек среднего роста, читать вслух. Являясь наряду со словом элементом построения предложения, словосочетание выступает в качестве одной из основных синтаксических единиц.

Из словоформ и словосочетаний строятся простые предложения. **Предложение** — это минимальная единица человеческой речи, представляющая собой грамматически организованное соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой и интонационной законченностью. Будучи единицей общения, предложение вместе с тем является единицей формирования и выражения мысли, в чем находит свое проявление единство языка и мышления.

Центральной грамматической единицей синтаксиса является простое предложение. Это определяется тем, что простое предложение представляет собой элементарную предназначенную для передачи относительно законченной информации единицу, обладающую такими языковыми свойствами, которые делают возможным отнесение сообщаемого в тот или иной временной план. Кроме того, простое предложение является основной единицей, участвующей в формировании сложного предложения, а также любого развернутого текста. Простое предложение также является тем построением, в котором прежде всего находят свое конструктивное применение словосочетание и форма слова.

Из простых предложений строятся сложные предложения, различающиеся степенью смысловой и грамматической спаянности. Сложное предложение — это целостная синтаксическая конструкция, в которой по грамматическим правилам соединяются два (и более) простых предложения, связанные друг с другом синтаксически выраженными отношениями. Эта связь оформляется союзами, союзными словами или союзными частицами — в сочетании с интонацией, часто также при поддержке лексики.

Из простых и сложных предложений строится сложное синтаксическое целое. **Сложное синтаксическое целое**, или **сверхфразовое единство** — это сочетание нескольких предложений

в тексте, характеризующееся относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов. Сложные синтаксические целые являются средством выражения смысловых и логических единств. Отдельные предложения в составе сложных синтаксических целых объединяются межфразовыми связями, которые осуществляются при помощи лексической преемственности, а также специальными синтаксическими средствами [Русская грамматика 1980].

Синтаксические связи и отношения между элементами (компонентами) синтаксических единиц являются основным признаком синтаксических построений. Основные виды синтаксической связи — *сочинение и подчинение*. Синтаксические связи элементов синтаксических единиц выражают *синтаксические (смысловые) отношения*, в которых отражаются отношения между предметами и явлениями действительности. Действительность отражается в языке через обобщение в логических и психологических категориях: суждениях, понятиях и представлениях. Язык выполняет функцию общения только потому, что в нем формируется и выражается мысль. Синтаксические отношения делятся на **предикативные** и **непредикативные**. Предикативные отношения характерны для грамматической основы предложения: подлежащего и сказуемого. Непредикативные отношения в свою очередь делятся на **сочинительные** и **подчинительные** (атрибутивные (определительные), объектные и обстоятельственные). Они могут возникать между компонентами словосочетаний и предложений, как простых, так и сложных.

При сочинении объединяются равноправные по смыслу и формально-синтаксически компоненты, при подчинении — неравноправные по смыслу и синтаксически: один выступает как главный, другой — как зависимый. Сочинение и подчинение противостоят друг другу по признаку наличия / отсутствия формально-строевых отношений определяемого и определяющего, главного и зависимого компонентов.

Сочинительная и подчинительная связь различаются также средствами выражения. Средства выражения сочинительной

связи одинаковы на разных уровнях (на уровне словосочетания и простого предложения, на уровне сложного предложения), в то время как средства выражения подчинительной связи на разных уровнях существенно различны. Сочинительная связь не выражается формами слова. Основным средством передачи сочинительной связи являются сочинительные союзы, которые имеют свойство оформлять связи между любыми однофункциональными компонентами синтаксической единицы: и между формами слов, и между предложениями. При перечислительных смысловых отношениях сочинительная связь выражается без союзов — порядком слов и многочисленностью ряда: соединенные сочинительной связью компоненты располагаются непосредственно один за другим и их однофункциональность выражается самим фактом неопределенного количественного состава ряда (не обязательно два компонента). Сочинительной связью соединяются однородные члены и части сложносочиненных предложений, подчинительной — словоформы в составе словосочетаний и предложений, а также части сложноподчиненных предложений [Русская грамматика 1980].

Важнейшим средством выражения отношений между членами словосочетания (и членами предложения) является **форма слова**. С помощью флексии оформляется связь всех изменяемых слов, выступающих в роли зависимых компонентов словосочетаний, например: *решение задачи, преданность родине, увлечение спортом, интересная повесть, вторая группа, наши успехи* и т.д. Значительную роль в конструкции словосочетания играют предлоги, которые вместе с формой слова служат средством выражения связей и отношений между членами словосочетаний, например: *лекарство от боли, прогулка по лесу, задание на неделю, дружба между детьми, рассказ о прошлом*. **Порядок слов** в словосочетаниях в отдельных случаях имеет более или менее устойчивый характер. Так, наречия на *-о, -е* обычно препозитивны по отношению к главному слову, выраженному глаголом, например: *прилежно работать, искренне любить*; другие наречия образа действия постпозитивны, например: *гулять пешком, вы-*

тереть досуха, говорить по-немецки. Порядок слов в словосочетании выполняет грамматическую функцию; ср.: *интересная книга* (атрибутивные отношения в словосочетании) — *Книга интересная* (предикативные отношения в предложении). **Интонация** как средство выражения синтаксических отношений находит свое выражение в предложении, но не в словосочетании (ср. интонационное оформление предложений, интонацию при однородных членах предложения, при обособлении и т.д.).

Категории **предикативности**, **модальности** и **коммуникативности** представляют собой главное грамматическое значение предложения. Категория **предикативности** обозначает признак предмета, соотнесенный с длительностью, протяженностью и включенностью в процесс времени. Это тот самый признак, через который для нас, нашего сознания обнаруживается существование предмета, которое не может быть вырвано из перспективы времени — независимо от того, обозначено это время одной из глагольных форм или же только на него указано в некоторой перспективе, нерасчлененно на настоящее, прошедшее и будущее — например, так, как это делают формы наклонения или инфинитив. Категория предикативности выражается предикативной основой предложения — формами глагольного времени или другими средствами выражения синтаксического времени (нулевая связка и пр.).

Категория **модальности** своим значением отображает самые общие различия в отношении сознания человека (каждого, любого) к обозначаемому предложением событию (факту действительности), которое осознается либо как осуществленное (осуществимое) в то или иное грамматически обозначенное время, либо как возможное при тех или иных названных или не названных предложением условиях, либо как желательное (требуемое). Модальность выражается предикативной основой — формами глагольного наклонения, а также другими аналитическими средствами — специальными словами, интонацией и т.д. Выделяют модальность *объективную*, которая обязательно будет выражена в предложении, без которой невозможно построение предложе-

ния. Она бывает реальной (изъявительное наклонение — *Дом стоит / стоял / будет стоять*), нереальной — условной (сослагательное наклонение — *Дом стоял бы*) и императивной (повелительное наклонение — *Стой!*) — и модальность *субъективную*, чье выражение факультативно, необязательно, зависит от воли говорящего: она выражает разные оттенки уверенности / неуверенности, желательности / нежелательности, возможности / невозможности посредством модальных глаголов, прилагательных и категорий состояния, модальных слов и частиц.

Категория **коммуникативности** выражает грамматическое значение, выражающее и возбуждающее информацию о завершенности одного акта мышления-сознания и направленности его адресату; налицо и внешний, материальный показатель этого значения — особая интонация. В частности, характеристика предложений по цели высказывания на повествовательные, побудительные и вопросительные есть отражение именно этой категории.

Предложение как единица синтаксиса имеет в своем составе члены предложения, занимающие определенные синтаксические позиции. Это членение предложения с точки зрения его синтаксической структуры есть **членение синтаксическое**. При таком членении выделяются структурное ядро предложения (подлежащее и сказуемое) и распространяющие его члены.

Однако, реализуясь в речи, предложения в качестве конкретных единиц сообщения оформляются в соответствии с определенным коммуникативным заданием. Целенаправленность сообщения приспособливает синтаксическую структуру предложения к конкретным требованиям ситуации. Приспособление грамматической структуры предложения в результате включения в ту или иную речевую ситуацию к задачам коммуникации есть **актуальное членение** предложения (термин чешского лингвиста В. Матезиуса). Предложение в аспекте его актуально-го членения называется **высказыванием**.

Актуальное членение предложения представляет собой членение его значения на фрагменты в соответствии с их **коммуни-**

кативными функциями, или **ролями**. В связи с этим актуальное членение называют также *коммуникативным*. Как правило, предложение членится на две части — **тему** и **рему**. Темой называется семантически исходная часть предложения, т.е. предмет сообщения или то, о чем сообщается. Ремой называется то, что сообщается. Говорящий производит актуальное членение в соответствии с тем смыслом, который хочет актуализовать в данном речевом акте, поэтому одно и то же предложение в речи может приобретать разный вид: *Эту книгу взял / я. — Я взял / эту книгу.*

Границы предложения и высказывания могут не совпадать: одна грамматическая структура может быть расчленена на ряд отдельных сообщений. Это явление называется **парцелляцией**: *Но нельзя же так. Вслух. Криком. При всех. Точно на эшафоте перед казнью.* Явление парцелляции широко представлено в художественной литературе и может выступать как художественный приём. Также парцелляция, наряду с другими приемами и средствами экспрессивного синтаксиса, является одним из **активных процессов в синтаксисе** современного русского языка.

В целом синтаксис любого языка выступает как одна из наименее подверженных изменениям сторон совокупной речевой деятельности. Однако в функционировании синтаксической системы любого национального языка изначально существует диалектическое взаимодействие, взаимовлияние письменной и устной форм речи (синтаксические нормы письменной и устной речи довольно сильно различаются), что в целом обеспечивает динамизм в языковом развитии синтаксического строя. Активные процессы в синтаксисе современной русской речи сегодня также прежде всего связаны с экспансией устной, вернее, «условно письменной» речи неформальной интернет-коммуникации.

Иными словами, в пространстве русскоязычного интернета в формально графической форме значительно активизируются синтаксические закономерности, в норме присущие устной речи. Это, например, такие явления, как синтаксическое рас-

согласование, стяжение, контаминация, разные формы эллипсиса, эмфатические конструкции, парцелляция и сегментация, нанизывание предикаций и под. [Валгина 2001]. В силу особой авторитетности стиля интернет-коммуникации, прежде всего для молодых носителей языка, эти особенности проникают и в синтаксическую организацию письменной речи, не связанную с условиями сетевого общения. Также они становятся востребованными средствами языковой выразительности в дискурсах «активного воздействия» [Соколова 2014] — в интернет-медиа, в политическом дискурсе, в рекламе и PR, в художественной речи.

Другой стороной инновационных тенденций, которая всецело обязана своим появлением исключительно интернету, выступают новые явления в области русской пунктуации — одной из самых консервативных и наименее поддающихся преобразованиям подсистем, отвечающих за оформление письменной речи. Пунктуация в среде русскоязычной интернет-коммуникации в наши дни переживает коренные изменения, связанные с новыми коммуникативными условиями речевого взаимодействия в интернете, с перестройкой структуры коммуникативных потребностей участников интернет-общения, со спецификой коммуникативной ситуации в целом.

4.2. Активные процессы в синтаксической организации современной русской речи

На предыдущем этапе определенного обновления синтаксического строя русской речи новейшего периода, связанном со значительными изменениями в социокультурной ситуации в 90-е годы XX в., источником активных процессов в синтаксисе прежде всего была литературная разговорная речь и стихия просторечия. Как отмечает Н.С. Валгина, «социальные факторы влияют на синтаксис путем активизации разговорных синтаксических конструкций». Синтаксические построения становятся

все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи — ослабленными, свободными, а это, в свою очередь, повышает роль контекста, внутри отдельных синтаксических единиц — роль порядка слов, акцентных выделений; повышение роли имплицитных выразителей связи приводит к словесной сжатости синтаксических единиц и, как следствие, к их смысловой емкости [Валгина 2001].

Современный синтаксис в отличие от классической своей формы, сложившейся к началу XX в., с преобладающими эксплицитными связями и отношениями, меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений-высказываний; грамматические рамки предложения как основной синтаксической единицы нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения; свободные синтаксические связи типа примыкания, соположения активизируются, отесняя формально выраженные подчинительные связи; все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем.

В наше время указанные тенденции полностью сохранили и даже преумножили свое влияние на ритмико-синтаксический строй речи, но сам центр активных процессов в синтаксисе переместился в сферу неформальной интернет-коммуникации. На смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи, с вербально выраженными подчинительными отношениями приходит тип высказывания расчлененный, без ярко выраженной эксплицитной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки. Это всецело обусловлено спецификой неформальной интернет-коммуникации, которая, будучи письменной по форме (отсутствие синхронного адресата и соответственно общего дейктического поля между говорящим и адресатом), по сути, реализует принципы устной формы реализации речи — спонтанность и неподготовленность общения, краткость

сообщения, установку на интерактивность и повышенную экспрессивность и под.

Все особенности лексики и грамматики, контента и стиля в неформальной интернет-коммуникации выступают как производные от особенностей его прагматической, т.е., по сути, когнитивно-дискурсивной организации, включающей такие элементы, как «излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» ([Демьянков 1982: 7], приводится по: [Степанов 2001: 38]). Это понимание вполне коррелирует с уже устоявшейся интерпретацией дискурса в трудах Т. ван Дейка, который трактует дискурс через центральное понятие «коммуникативное событие»: «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк 1989: 121—122].

Таким образом, специфику синтаксической организации неформальной интернет-коммуникации нельзя трактовать исходя из внешних по отношению к ней параметров, но следует судить ее по ее же собственным законам, исходя из ингерентных условий ее протекания. В синтаксисе речи интернета, в ее, так сказать, узусе, вырабатываются свои нормы, которые органичны для предлагаемых в этой среде условий коммуникации. Например, широко используются иноязычные вкрапления — варваризмы:

Вроде же limited edition было, или я опять ошибаюсь? Короче, киньте в меня ссылкой на них, пжлст! (Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум), 2004).

Иными словами, все то, что режет просвещенным лингвистам глаз на дисплее компьютера, когда они встречаются с образцами неформальной интернет-коммуникации, — отсутствие запятых, прописных букв, обрыв фразы, рассогласования, при-

чудливые и непривычные знаки препинания и пр., является не следствием недостаточной языковой компетенции коммуникантов, их неуважения к нормам, небрежности и спешки, но признаками их приспособления к специфическим обстоятельствам речевого взаимодействия через специфический канал связи и в ограниченные временные рамки:

Ой, вы дважды ошиблись. :) первый раз, когда решили, что «МУЖЧИНАМ ПРАВИТЬСЯ», а второй, что «НЕ ПРАВИТЬСЯ»... все индивидуально :) и (имхо) при первых близких отношениях лучше присмотреться, тогда вы сами поймете, что кому ПРА или НЕПРА. :) (Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004).

Например, в неформальной интернет-коммуникации мы часто встретим фрагменты, который смело можно определить по рангу «поток сознания» как прием модернистского художественного дискурса (здесь вообще только один знак препинания — слэш, как в транскрипции синтагм в устной речи):

ни разу за всю жизнь я не повысил голоса на маму только я обязан маме и папе в этой жизни и больше никому ни жене ни детям / если мужик говорит что он обязан жене и детям он олень а не мужик (<https://my.mail.ru/community/girls.blog/?ref=cat>).

Возможно, здесь мы имеем дело с реализацией специфических интенций, связанных со спонтанным выражением расчлененной мысли, которая оформляется прямо в момент говорения (в нашем случае — набора на клавиатуре компьютера). Ведь и процесс мышления, и соответствующий ему акт устной речи не знают запятых и точек: там только паузы, и в данном фрагменте дискурса они как раз имеются.

С когнитивной точки зрения, в подобных случаях можно видеть фиксацию самого процесса становления мысли, во всех его ответвлениях, спотыканиях, неререфлектируемых самоповторах и самоперебивах:

На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго не нагуляешься :) К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное ме-

сто:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день — у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость, выбрались бы с детём и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, ИМХО — ерунда:-) (Наши дети: Малыши до года (форум), 2004).

Здесь слово встречается с жизнью напрямую, пусть и внешне — опосредованно через дисплей и клавиатуру компьютера нарратива. Той же цели актуализации самого процесса становления мысли служат и такие явления, которые условно можно именовать «**нанизывание**». В мировой культуре модель нанизывания синтагм и фразем хорошо известна по древним текстам, которые лишь в современной редакции удостоились современной пунктуации с точками и другими знаками конца предложения.

Неформальная русскоязычная интернет-коммуникация буквально заполонена такими «нанизываниями»:

Ну и славно, что не полный:) берете снимки свои, и едите к ортопеду (ну договоритесь в ортопедическом отделении или травматологии... хотя (имхо), в ортопедии они более разумны и аккуратны. ибо в травмпунктах врачи более задерганы:) в зависимости от снимка (состояния связок) вам наложат лангету или сделают жесткую повязку. Просто жесткий голеностоп более удобен и легок, но, как найдет — смените. Лангета снимается запросто:) Опирация вам не нужна в этом случае (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум), 2005).

А в приведенном ниже примере интересно оформление структуры нанизывания посредством многоточий (причем точки четыре, а не три), которые как бы сигнализируют о возникновении нового фрагмента мысли:

Ну забивать есть каму... тот же Руополо вроде неплохой нападаец, просто влиться в команду он ещё не успел, а вот на следующий год уже можно будет сказать, есть от него толк или нет... так же есть Лебедеенко, но он игрок сырой ИМХО у него вроде есть все задатки вырасти в неплохого форварда, но

сможет ли он их раскрыть, вот в чем вопрос... а то получить-ся, как с Булькиным, все кричали, что за этим игроком будущее нашего футбола и в итоге это будущее щас некаму ненужно (Футбол-4 (форум), 2005).

Иногда подобное нанизывание оформляется специфически интернетской пунктуацией — например, знаками +:

*И если в школе постараться, то в универе довольно легко учиться, ибо там уже идет совершенствование приобретенных знаний + в универе контроль не такой как в школе, там ты уже учишься для себя полностью + в универе уже идут в основном профильные предметы, которые мы сами выбираем для изучения, и по идее они должны быть интересны. Так что **имхо** школа сложнее)... (НКРЯ — коллективный. Форум: Школа или универ: где легче? — 2006).*

Также специфично в этом плане и использование приема, применительно к синтаксису письменной речи именуемого «**парцелляция**»:

ИМХО (только чур не ругать меня) — им просто повезло... с соперниками... аравийцы оказали ЕЩЕ слабее, чем украинцы (Гооооол! — 2006).

Здесь прием оформлен многоточиями. Но возможны и специфические для интернета варианты пунктуационного оформления парцелляции (одной или несколькими закрывающими скобками):

Парковаться? ИМХО, движение в потоке самое главное. Будущая жена, я пока с МЧ езжу учусь, у него ангельское терпение))) а планирую вообще с инструктором, конечно, совершенно согласна, что езда по пустынным окраинам я самому главному не научусь (Учимся водить, 2007—2008).

В интернет-дискурсе у пацелляции совсем иные функции — это не стилистическое средство выразительности. То, что очень похоже на парцелляцию, на самом деле имеет когнитивный источник — так, порциями, квантами смысла, разворачивается мысль в дискурсе, клауза за клаузой, по У. Чейфу, так наша мысль с помощью слова последовательно сканирует реальность,

подлежащую ословливанию, для объективации познанного, чтобы сообщить мысль другому. Это просто графическое отображение самого хода мысли пишущего, еще недооформленного:

И есть ли вообще в школах настоящие женщины? Уверен, что да, есть. И не мало. А быть настоящей женщиной да еще в школе тру-у-удно. Просто «жуть» как трудно. Выглядеть надо? Иначе быстро перейдешь в разряд «д», «т» или того хуже — «б». А когда и на что? Как им это удастся — загадка. Почтище НЛО. А за себя постоять надо? НАДО? Иначе затопчут и не заметят, что настоящая (НКРЯ — коллективный. Форум: Мужчина в школе // Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри. 2011).

Сходные функции в интернет-коммуникации выполняет и другой прием экспрессивного синтаксиса — **сегментация**, вынесение в препозицию рематического компонента при его расогласовании в структуре предложения (этот прием очень часто встречается и в обычной устной речи):

*Ну **драконы** не так страшно, а вот мистика пострашней ИМХО. мой в своё время читал Кинга. я была в шоке. но ниче, переболел, щас ваще его не воспринимает. это же может быть издержки определённого возраста. пока думаю, дёргать ся не стоит, а вот в курсе быть надо (Наши дети: Подростки, 2004).*

Здесь также мы имеем дело не с риторическим приемом, а с когнитивной операцией акцентирования обсуждаемой темы — как установления точки отсчета для дальнейшего изложения.

Как было уже сказано раньше, важна не только эмоциональная сторона общения, но и информационная. Этой цели во многом служит коммуникативное (тема-рематическое) членение речи. В письменной речи его средствами является порядок слов, специальные слова и выражения, знаки препинания выделительного характера. В устной речи — словесное ударение и интонация.

В интернет-коммуникации рождаются собственные средства выделения ремы: капитализация, использование латини-

цы, подчеркивание и/или разрядка, курсив, выделение жирным шрифтом:

Для сильно разочарованных есть ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ... там модераторы следят, что б суицидника не расстраивали, а тут — уж слушайте ВСЕ мнения:) это, имхо, справедливо:)
(Женщина + мужчина: Психология любви (форум), 2004).

Имеется даже вот такое экзотическое средство — повтор букв в слове:

«Малловато будет» имха)) Чем объясняет муж отсутствие более частого влечения к законной жене? (НКРЯ — Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004));

Блиииииииин. Саи!!!! это ужасно! (Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг, 16.01.2008).

Другой стороной обмена информацией в интернет-среде в условиях дефицита времени является необходимость формализации, автоматизации избыточных в информационном плане, повторяющихся элементов речи. Эта задача решается в синтаксисе интернет-коммуникации разнообразными средствами — либо графической заменой элементом иного кода (эмодзи), либо — чаще всего — сокращениями. Это, на наш взгляд, также явление, присущее исключительно интернет-дискурсу и не имеющее именно в таком виде аналогов ни в устной, ни в письменной форме (где на сокращения накладываются жесткие офографические ограничения).

Это могут быть сокращения, условно говоря, «по правилам»:

Я не хожу, нет денег:) была у косметолога как-то, когда прыщи лечила, но она принимала в небольшом кабинете, не салоне:)
на маникюр и педикюр не хоцца тратить средства... стрижки делаю нормально и дешевле гораздо в обычных парик-х, салоны, имхо. не особо-то лучше... (Красота, здоровье, отдых // Красота (форум), 2005);

Послушала, правда не оч. внимательно, ибо дети отвлекают и кричат тут рядом. Что имею сказать. Это все, может, и правильно и, наверное, у кого-то работает (НКРЯ — коллективный. Форум: Вопрос про себя, 2012).

Но, чаще всего, не по правилам:

Но она вдвойне вредна, потому что большинство хозяек ввиду большой занятости или просто не догадываются, что нужно очень тщательно мыть и сред. д/ мытья посуды, и порошок. А как они загрязняют окр. среду! Не нужно, конечно, отказываться полностью от химии, но нужно искать им альтернативу: порошок и средство д/ мытья посуды можно заменить обычным хоз. (НКРЯ — коллективный. Форум: Моющие средства (альтернатива), 2010);

Ну хорошо тогда, нас тоже в известность с прилетом аиста, пжлст (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум), 2005).

Перед нами — стихийно выработанные нормы именно сети-кета, именно интернет-коммуникации, новая, так сказать, конвенциональность (*имхо, пжлст, спсб, с др* и проч.):

Подкиньте кто имоток пжлст) буду благодарен (https://learnwithportals.com/groups/dota2_b/discussions/);

Но не написано, после уволен или нет! Спсб, добавили (<https://twitter.com/meduzaproject/>);

Алексей, хоть лично не знаком, позволь присоединиться к многочисленным поздравляющим тебя с ДР! Всего-всего и даже больше! (<https://akademeb.ru/t/428/page/84/go/592900>).

Приведем неоднократно цитировавшиеся слова Ю.С. Степанова о дискурсе, которые исключительно актуальны как раз применительно к проанализированному материалу по дискурсивной актуализации неформальной интернет-коммуникации: «В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык — дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык — дом бытия”» [Степанов 1995: 38].

Интернет-дискурс, который и на самом деле разворачивается в виртуальной реальности общения и тем самым заводит

свои правила истинности, свой этикет и пр., в полной мере демонстрирует справедливость слов Ю.С. Степанова. Неслучайно именно этому замечательному ученому принадлежит афористическая формулировка: «Дискурс — это пространство мысли».

4.3. Активные процессы в русской пунктуации: особенности оформления условно письменной речи в неформальной интернет-коммуникации

Сегодня неслучайно многие говорят о становлении в интернет-среде новой формы существования языка, наряду с двумя традиционно выделяемыми — устной и письменной речью, которые, как известно, противопоставлены друг другу не формально, а субстанционально и функционально. Точно так же субстанционально и функционально противопоставлен этим формам интернет-дискурс [Радбиль 2021].

Интернет-коммуникация как раз не гибридная в том плане, что не смешивает модели устной и письменной речи, а компенсирует отсутствующие в одной форме возможности выражения посредством элементов другой формы — причем не только письменной, но и графической, анимационной, музыкальной и пр. Так сказать, «графическая» специфика интернет-коммуникации видна даже визуально, в сравнении, например, с пьесой, которая лишь имитирует разговорную коммуникацию, но, по сути, есть продукт письменной речи. Эмоциональная температура интернет-дискурса гораздо выше. Глаз рябит от прописных букв, разрядок, подчеркиваний, многоточий, смайликов. Только здесь возможны 10 восклицательных знаков подряд (или вопросительных, или одинарных скобок):

не спят! только думаю, рановато вы зациклились (ИМХО). и вообще, чем больше будете этому уделять внимание, тем больше вызовите его интерес. просто наблюдайте, а уж при возможности пусть конечно папа с ним говорит, и не навязчиво, а в плане беседы. мне со своим пришлось самой бесе-

довать-)))))). но не в таком возрасте, а лет в 12—13 (Наши дети: Подростки, 2004).

Это именно полноценная третья форма существования языка, только напоминающая устную речь. Так, необходимым элементом коммуникативной ситуации является невербальная эмпатия между говорящим и адресатом. В ситуации обычного спонтанного устного речевого взаимодействия эту роль берут на себя паравербальные, просодические, кинесические средства, мимика, жест, поза, проксемика и пр.

В интернет-дискуссе недостаток эмпатии компенсируется разного рода графическими элементами, в частности эмодико-нами, которые выступают не только в роли, так сказать, необязательных довесков к сообщению, но и в функции синтаксического членения речи, своеобразных знаков препинания:

Да, приходится часа 3 попытеть, пока Даня спит:-) а лучше всего, заранее придумывать тему к каждой фотке, я помню те, которые мне нравятся и ночью, пока засыпаю, придумываю тему, а потом утром, сочиняю коммент:-) Но у меня получается придумывать только к нестандартным фоткам (т. е. смешным):-) К стильным, как у Мамаы Макса и других наших девочек, мне трудно, что-то придумать: -) Да и спешу за них проголосовать поскорее, а комменты сочиняю в последний день:-):-) (Наши дети: Малыши до года (форум), 2004).

Коммуниканты словно чувствуют барьер, поставленный спецификой канала коммуникации — компьютером. Им не хватает эмпатии, выяснения отношений, ведь нет интонации, просодии и пр. Страдает столь важная для высококонтекстных лингвокультур (к которым относится и русская) категория искренности — ведь письменная речь как бы овнешняет формат общения, создает дистанцию между коммуникантами, не позволяет им обмениваться, так сказать, интенциональными состояниями непосредственно. Все новые выразительные средства, созданные в интернете — это, по сути, поиск путей и средств к устранению дистанции между коммуникантами, к устранению

барьеров, поставленных дисплеем, а также взаимной удаленностью коммуникантов в пространстве и во времени.

Итак, что это за новая пунктуация? Это эмоциональная пунктуация, где между клаузами ставится символ эмотикона (смайлика). Превращение этого, по сути, пунктуационного иероглифа в полноценный знак пунктуации доказывается его графической эволюцией. Двоеточие, тире и закрывающую скобку набирать долго, и поэтому этот комплекс редуцируется до одной закрывающей скобки. Знак «одна скобка» невозможен в традиционной пунктуации, так как скобки — знак выделительный. В интернет-дискурсе это знак разделительный, пауза между клаузами (типа точки, многоточия):

Мне однозначно школа больше нравится) хотя бы потому, что урок 40 минут идёт) ну и нагрузка поменьше) если меня сейчас в школу отправить, я отличницей стану) (Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? — 2011).

Есть даже такое «усиление» этого знака — за счет простого увеличения количества скобок:

мне со своим пришлось самой беседовать-))))))))). но не в таком возрасте, а лет в 12—13 (Наши дети: Подростки, 2004);

А Вы верите отчёту менеджеров метро?))) ИМХО, врут! ret. И меня терзают смутные сомнения, что врут (НКРЯ — коллективный. Форум: Бесплатный проезд обойдется в 34,4 млрд, 2012).

Этой же цели служат и новые метатекстовые элементы, типа ИМХО, которое вполне с ортологической точки зрения можно расценивать как слово-«паразит». Они всегда были прерогативой исключительно устной ненормативной речи. Теперь они активны и в интернет-коммуникации:

А у меня нет косметички:) На полках стоят помады, духи, карандаш для губ, молочко для лица, тоник, салициловый спирт (от прыщей) и больше ничего:) Анонимность автора: его право, ИМХО (Красота, здоровье, отдых // Красота (форум), 2005).

Чтобы доказать наглядно несводимость неформальной интернет-коммуникации к письменной речи (пусть и формально-письменной), мы провели небольшой эксперимент. Взяли «необработанный кусок» из интернет-пространства и привели его в соответствие стандартным нормам пунктуации письменной речи, по правилам русского синтаксиса и пунктуации, убрали повторы, алогизмы, обрывы, поменяли в некоторых местах порядок слов, устранили ненормативную парцелляцию для придаточных и пр.

<p>На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго не нагуляешься -) К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное место:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день — у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость, выбрали бы с детём и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, ИМХО — ерунда:-)</p>	<p>На девятый день мы вышли погулять на улицу. У меня все так болело, что долго гулять не смогла. Через две недели надо было идти к врачу. Это был наш первый выезд в общественное место. На 17-й день мы пошли праздновать в ресторан — у мужа был день рождения. А потом понеслось... Еще раз хочу отметить, что, если бы не моя усталость, выбрали бы с ребенком на улицу и раньше, так что смотрите по своему состоянию. А верить в приметы, по-моему, это ерунда.</p>
--	--

Нетрудно видеть, что перед нами — два принципиально разных типа синтаксической организации речи. В результате «переделки» у нас получился фрагмент стандартного письменного нарратива, приглаженного и дистанцированного от адресата. Но никак не живой поток спонтанного выражения мыслей, рассчитанный на сиюминутную реакцию и эмпатию адресата.

Словно наш язык, попав в рамки интернет-среды, в зависимость от канала коммуникации и внеязыковых обстоятельств речи, сам, методом проб и ошибок, нащупывает, ищет и находит формы разворачивания дискурса, адекватные инновационным

условиям коммуникации. Точнее, конечно, это делают люди, оперирующие языком, ища и обретая новую конвенциональность в новых для человечества обстоятельствах речевого взаимодействия «на удаленном доступе», «в дистанте» и пр.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. *Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.*

2. *Почему интернет-коммуникацию нельзя считать гибридной?*

3. *Что такое «эмоциональная пунктуация»? Какие необходимые компоненты коммуникации пытаются участники общения таким образом компенсировать?*

4. *Какие нетрадиционные с точки зрения нормы русского письма средства применяются в интернет-общении при графическом оформлении слов? Какова их функция?*

5. *Изучив теоретический материал раздела 4.1, вставьте пропущенные слова или словосочетания в следующие фрагменты текста:*

(а) Основное грамматическое значение предложения представлено категориями ..., ... и

(б) В примере: *Он тоже пошел. В магазин. Купить сигарет* (В. Шукшин) представлено явление

6. *По материалам раздела 4.2 определите, какое слово «лишнее» в предложенном ниже столбце:*

парцелляция
сегментация
эллипсис
нанизывание

7. Заполните таблицу, вставив в правую колонку номера из списка примеров, приводимых ниже:

Приемы выделения фрагмента речи	Номера примеров
Шрифтовое выделение (курсив, жирный, разрядка)	
Подчеркивание	
Капитализация	
Латиница (или графодеривация)	
Капитализация (набор прописными буквами)	
Аббревиация и прочие сокращения	

1. А быть настоящей женщиной да еще в школе тру-у-удно.
2. А за себя постоять надо? НАДО? Иначе затопчут и не заметят, что настоящая
3. Послушала, правда не оч. внимательно, ибо дети отвлекают и кричат тут рядом.
4. Вроде же limited edition было, или я опять ошибаюсь?
5. Только я обязан маме и папе в этой жизни и больше никому: ни жене, ни детям...
6. Совершенно согласна, что езда по окраинам, **я самому главному** не научусь

8. *Опираясь на материал раздела 4.3, определите, какие новые знаки препинания появились в русскоязычном интернете, а какие просто изменили правила употребления или функции? Приведите свои примеры по каждому типу инноваций в пунктуации из неформальной интернет-коммуникации.*

9. *В каких типах дискурса (кроме дискурса неформальной интернет-коммуникации), приведенных в списке ниже, могут встре-*

тяться практически все обсуждаемые в пособии новые явления в области синтаксиса и пунктуации? Аргументируйте свой выбор.

Политический
Официально-деловой
Научный
Медийный
Рекламный
Художественный
Юридический
Устно-разговорный
Религиозный

10. Прочитайте следующие текстовые фрагменты. Проанализируйте их с учётом новейших синтаксических явлений:

- 1) вкрапление иноязычных выражений;
- 2) отсутствие запятых и прочих знаков препинания;
- 3) отсутствие прописных букв;
- 4) обрыв фразы;
- 5) рассогласование;
- 6) непривычные знаки препинания;
- 7) ответвления;
- 8) самоповторы и самоперебивы;
- 9) интернет-пунктуация;
- 10) парцелляция;
- 11) вынесение ремы в препозицию.

И если в школе постараться, то в универе довольно легко учиться, ибо там уже идет совершенствование приобретенных знаний+ в универе контроль не такой как в школе, там ты уже учишься для себя полностью+ в универе уже идут в основном профильные предметы, которые мы сами выбираем для изучения, и по идее они должны быть интересны. Так что имхо школа сложнее) [НКРЯ — коллективный. Форум: Школа или универ где легче?)) (2006)]

Острую и жирную пищу жрать нельзя. И если человек, даже не очень доверяя таблеткам поспособствует постельный режим и ограничения, не будет пить, обжираться. то лекарство — подействует! А когда это произойдет и человек это почувствует, вот тогда вера уже из неправой, зыбкой, начнет твердеть и превратится в уверенность! :) ИМХО, так! :) А вот ваше утверждение, ИМХО, пахнет прелестью псевдосвятости. [: P] Миша и Таня. [НКРЯ — коллективный. Форум: О реинкарнации (2012)]

У империи был свой, достаточно специфический взгляд на структуру флота и идеологию его применения, собственно скипреи и assolты не получили хода именно из-за идеологических причин. А насчёт вашего проекта — я вообще идеологический противник манёвренного истребителя (турели убирают необходимость в манёвре), и считаю, что манёвренная машина — это слишком «нишевое решение», но в целом нормальный истребитель, с понятным происхождением, но зачем, если есть Дефендер? Даже с чуть лучшими показателями? Кстати, если уж идти в «манёвренные машины» (хотя я против) — намного более перспективно выглядит дроид-истребитель — на базе дроидов федерации, у которого отпилили нахр возможность превращаться в танк (что, имхо, даст экономию ещё в 3-4к). 1) Умопомрачительная манёвренность 2) Не менее умопомрачительная скорость 3) Несёт ракеты [НКРЯ — коллективный. Форум: Звездные войны: АИ-корабли (2011)]

Крик души... На Южной подстанции, в подвале жилого дома оказывается есть две маманьки-кошки и трое котят.. Женщины готова помочь с отловом, но... забрать себе по ряду причин не может... Хорошо делать добрые дела чужими руками... Может кто откликнется приютить котосемью. котятм месяца по 2,5—4. Троих выловили забрали, а может и что-то сотворили с ними. Это же со слов. А вот оставшиеся пять хвостиков... У нас придурков там много. Боюсь, не на издевались бы над бездомными. Вот ведь снова кто-то выкинул беременных по осени... Или с садов бросили... Или не так давно привезли и выбросили... Окрина же. Сволочи

просто. И так уже на подбрасывали в подъезд. Все у меня. Полный пипец!!!!!!

Как поймают, кого-то я заберу. Но... всех вот точно не смогу... просто места уже нет вообще... С соседями пока спокойно, но не со всеми... (<https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=130&i=3533655&t=3533655>)

Навееяло темками про то что он не предлагает замуж.

И многие пишут — «гражданский брак» это тот же брак, только без печати. НО...

Девушка при совместном проживании считает себя замужем, а вот мужчина без печати — свободен — полюбовому!!!

И печать — то чего как раз так и бояться мужчины — даёт нам права на этого мужчину. Многие мужики живут как в бесплатной гостинице с полным пансионом — и тебе чистый дом, и еда, и с... кс. А вот если что не так — то собрал вещи и простите не сошлись характером. Есть конечно ну очень скромные, которые стесняются сделать предложение и им надо лет 10 чтоб решится... бред girl_blush

И мои друзья мужчины говорят — когда ты законно женат то 10 раз подумаешь ругаться или нет. Ссоры конечно есть у всех. и печать не панацея, но в законном браке больше связывает людей. Мужикам просто жалко делиться после развода, вот они где-то и промолчат. А так — не нравится ищи другого лучше.

Короче — имхо — «гражданский брак» это бесплатное использование женского труда и тела. Мне больше нравится слово — супруги, а не сожители.

Вот у меня так знакомый недавно. Встречался, съехались. Прожили год — а потом — я еду жить в другой город, подожди меня тут пока там дом построят 2—3 года. Потом приедешь. А он пока у друзей перекантуется. Ну и она вроде ждёт. А мне он сказал — зачем дрова в лес везти. Если уж ничего лучше не найду, то она приедет.

Ну и второе — он не делает мне предложение... Толи я такая эмансипированная, толи чокнутая, но почему если ты встречаешь-

ся больше года и должна сидеть и ждать что он тебя позовет замуж. А скорее всего и не позовет уже (говорят, что мужчины в течении года решают женятся или просто используют до хороших времен (т.е. более подходящей девушки).

Так с какого не завести разговор самой — раз мы встречаемся и всё хорошо, то давай поженимся и т.д. Что сидеть и ждать как овца? любит не любит предложит не предложит... (<https://forum.say7.info/topic72541.html>).

Мы с супругой не считаем себя туристами, хотя формально, наверное подходим под это определение. Мы — SELFTravellers по определению. Едем куда хотим и на чём хотим. И, хотя перевалили за 60, но покупать туры будем вряд ли, хотя отели бронируем иногда через наших туроператоров. (<https://forum.turizm.ru/common/all/a-tak-li-horoshi-turciya-i-egipet.html?view=unread#unread>)

Ездили с семьёй в Соль Илецк прошлым летом, очень понравилось. Правда есть одно НО - ооочень много туристов) А так всё супер, как будто на мёртвое море съездили) Заранее определитесь там с проживанием (<https://forum.turizm.ru/common/all/kto-uzhe-nachal-planirovat-poezdki-na-letu-kakie-varianti.html?view=unread#unread>)

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. ст / сост. В.В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
3. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2: Методы анализа текста; ВЦП ГКНТ и АН СССР. Тетради новых терминов, 39. М.: ВЦП, 1982. 288 с.
4. Радбиль Т.Б. Активные процессы в синтаксисе современной русской речи в свете лингвосемиотической и лингвокогнитивной интерпретации // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 127—144.

5. Русская грамматика: в 2 т. / редкол. Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 2. 712 с.
6. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
7. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35—73.
8. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5—36.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Наш язык — вообще великий диагност, он свидетельствует об изменениях в нашей картине мира. Новые слова и выражения помогают людям выразить то новое, с чем они встречаются в опыте взаимодействия с меняющейся действительностью, обозначить свое отношение к этому новому, вписав его в сложившуюся систему ценностей. В языке, как в зеркале, отражаются все наши страхи и чаяния, боли и радости. По сути, язык — это мы сами. И, поняв, что и почему сегодня происходит в языке, мы поймем многое и в себе — что и почему происходит с нами.

Существенное качественное разнообразие и широкая представленность активных процессов, пронизывающих самые разные сферы употребления русского языка сегодня, вызывает к жизни необходимость их осмысления как определенных форматов знания о действительности, ценностных приоритетов и речеповеденческих моделей носителей языка в условиях новых коммуникативных потребностей.

Исследование активных процессов в русском языке новейшего периода позволяет установить по специфике использования языка в современном мире, как сегодня меняются национально-обусловленные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира». С одной стороны, новые явления отражают тенденцию к глобализации и интернационализации, прежде всего на базе англоязычных лингвокультурных, лингвокогнитивных и коммуникативных моделей — это, по нашему мнению, свидетельствует о значимых изменениях, под влиянием инокультурных речеповеденческих моделей и ценностных приоритетов в языковой картине мира определенной части

носителей языка. С другой стороны, в новых явлениях не просто сохраняют, но даже расширяют свою активную «представленность» рефлексы наиболее фундаментальных способов познания и оценивания мира, присущих традиционным, исконно русским моделям языковой концептуализации мира [Лингвокогнитивные аспекты 2020].

По словам Н.С. Валгиной, для выявления механизмов и тенденций развития языковой системы важно наблюдать языковые процессы, происходящие в периоды наиболее интенсивного изменения языкового окружения, в частности социальных (политических, культурных и т.п.) условий. Наблюдения за изменениями в языковой системе (в частности, наблюдение за активизацией или затуханием текущих языковых процессов, а далее наблюдение за тем, какие явления сохраняются в языке, а какие не выдерживают проверки временем), позволяют сделать выводы об общезыковых тенденциях [Валгина 2001].

С этой точки зрения, к активным процессам в русском языке сегодня вполне применима емкая формулировка академика Ю.Д. Апресяна — «точки роста новых явлений» [Апресян 1995]. Конечно, на фоне предыдущего состояния языковой системы многие активные процессы воспринимаются как отклонения от правил, как нарушения нормы, аномалии и девиации. Но важно, что они при этом ведут не к деструкции языковой системы, а к ее творческому обновлению. Это позволяет поставить вопрос о лингвокреативности активных процессов в русском языке новейшего периода.

В работе [Радбиль 2020] показано, что в речевой практике общества существуют не только модели стандартной реализации языковой системы в соответствии с ее нормами и правилами, но и разнообразные модели порождения инноваций аномального по отношению к предшествующему состоянию языковой системы характера. Действительно, активные процессы, возникая изначально по уникальной технологии, довольно быстро образуют лингвокогнитивные и лингвопрагматические схемы аналогического воспроизведения в языке, т.е. реализуются именно по

модели. Креативный характер этих моделей очевиден, но главное — то, что эта креативность имеет вполне рациональные, практически осмысляемые основания. Иными словами, в языке существуют не только модели порождения инноваций, но и модели их семантического и прагматического «освоения», обусловленные условиями общения и коммуникативными намерениями говорящих.

Русский язык словно идет по линии расширения сферы допустимости аномальных инновационных явлений как по пути усиления возможности концептуализировать противоречивое и порою абсурдное содержание, выразить сложную интенцию, подчас неясную самому говорящему или передать сложное эмоциональное переживание. Поэтому значительная часть языковых инноваций в силу своей потенциальной интерпретируемости никоим образом не разрушает систему, а, напротив, будучи системообразующим фактором, как бы раздвигает границы ее возможностей. В этом, в сущности, и заключается определяющая роль категории лингвокреативности в «языковом существовании» активных процессов в русском языке новейшего периода.

Если же оценивать языковую ситуацию в целом, то инновации в русском языке новейшего периода отражают общие для активных процессов в языках мира, связанные с тенденциями к глобализации и интернационализации тренды, которые обусловлены активизацией игрового начала, установкой на карнавализацию и несерьезное отношение к жизни, некой эстетикой виртуализации реальности. Однако нельзя считать, что русский язык сегодня окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и инокультурных норм речевого и невербального поведения. Напротив, особенности функционирования самых разнообразных активных процессов на разных уровнях системы языка и в разных областях ее речевой реализации предоставляют нам весомое доказательство в пользу того, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к

каковым, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого», творческого пересоздания и переосмысления «чужого» в интересах «своего».

Сегодня мы, конечно, не можем предположить, какие тенденции возобладают, а какие исчезнут без следа, какие новые явления сохранятся в языке на будущих стадиях его развития, а какие не выдержат проверки временем. Но можно смело утверждать одно. Активные процессы в русском языке демонстрируют существенный креативный и экспрессивный потенциал русского языка наших лет, являются залогом его дальнейшего обогащения и развития.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Подготовьте небольшое устное или письменное выступление в свободной форме по проблеме, затронутой в высказывании.

«К сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут в общую систему наших понятий, пополняя и развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности» (В.В. Колесов).

2. Приведите свои примеры индивидуальных новообразований (на уровне лексики, словообразования или грамматики) из русскоязычного интернета, которые являются семантически или прагматически оправданными и тем самым подтверждают лингвокреативный характер языковых инноваций в русском языке новейшего периода.

3. Какие лексические, словообразовательные и грамматические инновации в русском языке интернета вы можете назвать, что-

бы проиллюстрировать борьбу двух противоречивых тенденций в современном состоянии русского языка (тенденция к интернационализации и тенденция к отражению традиционных способов языковой концептуализации мира)?

4. Напишите эссе в свободной форме на тему: «Каким я вижу русский язык через 100 лет?»

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
3. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: колл. монография / Е.М. Маркова, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Л.И. Ручина, и др.; под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 248 с.
4. Радбиль Т.Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива-5: колл. монография / УрГПУ; под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: УрГПУ, 2020. С. 298—326.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Вопросы и задания</i>	13
<i>Список литературы</i>	13
Глава 1. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ	15
1.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в лексике и фразеологии	15
1.2. Активные процессы в лексико-семантической сфере	20
1.3. Активные процессы в области фразеологии	36
1.4. Лингвостилистический и лингвопрагматический аспект активных процессов в русском языке новейшего периода	39
1.5. Активные процессы в русской лексике и фразеологии в свете «языковой игры»	50
1.6. Культурная апроприация заимствований на лексико-семантическом уровне	69
<i>Вопросы и задания</i>	83
<i>Список литературы</i>	91
Глава 2. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ	95
2.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в словообразовании	95
2.2. Узуальные способы словообразования	103
2.3. Неузуальные способы словообразования	130
2.4. Культурная апроприация заимствований на словообразовательном уровне	139
<i>Вопросы и задания</i>	144
<i>Список литературы</i>	151
Глава 3. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ	154
3.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в морфологии	154
3.2. Аналитизм ↔ синтетизм в активных процессах в грамматике русского языка новейшего периода	161

3.3. Активные процессы в функционировании отдельных морфологических категорий	171
3.4. Культурная апроприация заимствований на морфологическом уровне	183
<i>Вопросы и задания</i>	189
<i>Список литературы</i>	194

Глава 4. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ 197

4.1. Основные термины и понятия в изучении активных процессов в синтаксисе	197
4.2. Активные процессы в синтаксической организации современной русской речи	204
4.3. Активные процессы в русской пунктуации: особенности оформления условно письменной речи в неформальной интернет-коммуникации	213
<i>Вопросы и задания</i>	217
<i>Список литературы</i>	222

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА	224
<i>Вопросы и задания</i>	227
<i>Список литературы</i>	228

Учебное издание

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА**

Учебное пособие

Подписано в печать 14.02.2022. Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 13,49. Уч.-изд. л. 9,82.

Тираж 500 экз. Изд. № 5558. Заказ № 7366.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ИП Симаков С.В.
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1